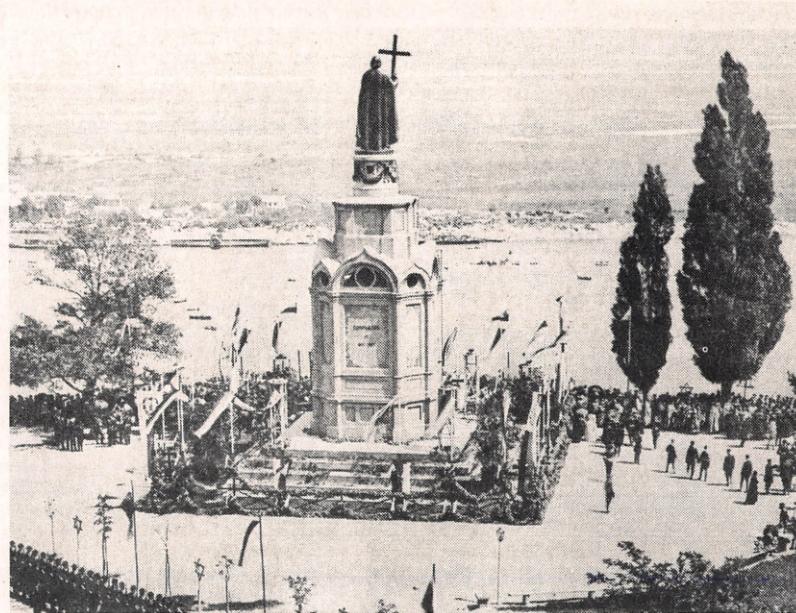

ПОСЕВ

III
1988

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Ежеквартальное издание избранных материалов

Памятник св. Владимиру в Киеве

В номере:

- Политическая оппозиция в СССР: демонстрации, забастовки, совещания, публикации Самиздата...
- Как решать национальные проблемы?
- Мнения о XIX партконференции КПСС и о «перестройке»
- О цензурных сокращениях в советском издании Набокова
- «Дети Арбата» А. Рыбакова – много шума из ничего...
- Миф о «русском Сталине»
- Начало Второй мировой войны: словор двух диктаторов
- 1000-летие Крещения Руси (материалы симпозиума в США)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОСЕВ»

Со дня основания (1945 г.) и до сегодняшнего дня издательство „Посев“ видит свою задачу в печатании и распространении вольного русского слова, правдиво отображающего жизнь, мысли, надежды и стремления народов России: вольного слова, не имеющего возможности пробиться через барьеры советской цензуры, но являющегося неотъемлемой частью культурной, общественной и политической жизни нашей страны. Не меньшее внимание издательство уделяет и другой части нашей культуры, находящейся и развивающейся в эмиграции.

В соответствии со своей задачей издательство выпускает книги, брошюры, а также периодические издания: общественно-политический ежемесячник „Посев“, литературный ежеквартальный журнал „Грани“; с благословения Антония, архиепископа Женевского и Западно-Европейского, в изд. „Посев“ типографским способом переиздается самиздатский православный сборник „Надежда“. Издательство оказывает предпочтение тем произведениям художественной литературы и работам, которые имеют значение для развития освободительных процессов в России.

Другие, наиболее известные, русские периодические издания на Западе:

«ЕДИНЕНИЕ», еженедельная газета, выходящая в Мельбурне (Австралия).

«НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО», ежедневная газета, выходящая в Нью-Йорке (США).

«РУССКАЯ ЖИЗНЬ», ежедневная газета, выходящая в Сан-Франциско (США).

«РУССКАЯ МЫСЛЬ», еженедельная газета, выходящая в Париже (Франция).

Все указанные газеты информируют читателей о международном положении, о жизни русской эмиграции, о положении в СССР.

«ВЕСТНИК РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ», ежеквартальный журнал, выходящий в Париже. Богословие, Церковь, философия, культура, судьбы России.

«ВЕЧЕ», ежеквартальный альманах. Издатель — Российское национальное объединение в ФРГ. Национально-религиозная публистика, история и судьбы России, документы.

«КОНТИНЕНТ», ежеквартальный литературный, общественно-политический и религиозный журнал, выходящий в Париже. Современная проза, поэзия и публистика авторов Восточной Европы.

«НОВЫЙ ЖУРНАЛ», ежеквартальный литературный и публицистический журнал, выходящий в Нью-Йорке. Проза, поэзия, литературная критика, литературоведение, публистика и пр.

«РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ», независимый русский православный национальный журнал. Издается ежеквартально Комиссией по подготовке празднования 1000-летия Крещения Руси (Нью-Йорк). История и судьбы России, проблемы русского национально-религиозного движения.

«СТРАНА И МИР», ежемесячный общественно-политический журнал выходящий в Мюнхене. Либерально-демократическое направление.

Фонд Свободной России создан в 1966 г. для поддержки российского освободительного движения.

Фонд обращается с призывом ко всей мировой общественности. Но освобождение России — дело не Запада, а нашего народа. Главный источник сил и средств — в нашей стране. Ищите возможность переправлять нам из СССР пожертвования для издания литературы, для ее провоза в страну, для обеспечения борющихся групп типографской техникой, для поддержания с ними связи. Оказываете сами материальную помощь борцам внутри страны.

Адрес для переписки: T. Slavinsky, Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt a. M. 80.

Банковский счет: A/C 461 971, Rubr. Free Russia, Swiss Bank Corporation, CH-4002, Basel.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит за рубежом ежемесячно

Журнал издается за рубежом с 1945 г.

Настоящий выпуск содержит избранные материалы за три месяца: июль, август и сентябрь 1988 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Миркович. Крещение Руси — память и завет будущего (2)

ПО СТРАНЕ. *Валерий Сендеров.* Прием в "Спасо-хазе" (4). — "Демократическая оппозиция": Митинг у Казанского собора (6); Политическая декларация (проект А. Скобова) (8). — От Таллина до Карабаха: *Андрей Окулов.* Эстония — "полигон перестройки"? (11). — Совещание в Латвии (12). — *Владимир Рябоконь.* Национальный конфликт в Закавказье продолжается (13). — Митинг национальной солидарности в Свердловске (15). — *Адель Найденович.* Демонстрация у Пушкинской (16). — *А. Ковенский.* Уральский самиздат (18)

ВОЙНА В АФГАНИСТАНЕ. *В. Рыбаков.* После подписания Женевских соглашений (22). — *В. Рыбаков.* Наши пленные (26)

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО. *А. Артемов.* Как прошла партконференция (29). — Великое неизвестное. Интервью с *А. Авторхановым* (36). — *Роман Редлих.* Реформа политической системы (40). — *В. Рыбаков.* Три фазы Горбачева (41). — *Александр Югов.* Ответ академику Абalkину (42). — Политика разума или политика силы? (Из журнала "Референдум") (44). — *И. Солнцев.* Судьбоносный час приближается (46). — *Андрей Новиков.* Перестройка перестройки (49)

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ. *Ростислав Евдокимов-Вогак.* Российская государственность (55). — *В. Сендеров.* Монархисты в России (63)

„ПОСЕВ” — ежемесячный общественно-политический журнал, выходит за рубежом с 1945 года.

„Посев” участвует во внутристорийской политической борьбе за право, свободу и справедливость. Эта задача определяет направленность журнала, который:

поддерживает российское освободительное движение во всех его проявлениях;

стоит на позициях национально-государственных интересов России;

участвует в обсуждении современных и будущих проблем российского государства (политических, экономических, социальных, идеологических, духовных);

стремится к выявлению в России конструктивных сил, осознающих необходимость одоровительных перемен во всех областях жизни страны и готовых к активному участию в их проведении.

С 1976 года журнал „Посев” выходит также в виде ежеквартального издания, предназначенному специально для перевозки в страну и распространения среди советских граждан за рубежом. Ежеквартальник имеет вдвое меньший формат, печатается на тонкой бумаге и содержит избранные статьи из трех текущих номеров.

РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ. *Прот. А. Киселев.* Крещение Руси — духовный стержень нашей истории (66). — *Прот. Иоанн Мейсендорф.* Церковь и государство (69). — *Д. Постоловский.* Церковь в эпоху Горбачева (74). — Взаимоотношения Церкви и государства. Письмо священника Н. и ответ прот. *Кирилла Фотиева* (81)

КУЛЬТУРА И ПОЛИТИКА. *Н. Рутыч.* "Другие берега" В. Набокова (84). — *М. Шеерсон.* О романе А. Рыбакова "Дети Арбата" (87). — *В. Квятко.* Правда и Истина (93). — *В. Кожинов.* Миф о "русском" Сталине (96)

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ. *Б. П. Сговор* двух диктаторов (99). — *Роман Редлих.* На службе России. О книге А. П. Столыпина (104)

ПИСЬМА. *Владимир Цуриков.* Митинг в Красноярске (109). — *Михаил Бомбин.* Демонстрация в Риге (110). — *Н. Забастовка* в Архангельске (111)

Крещение Руси – память и завет будущего

Крещение Руси – решающее событие в истории нашего народа, определившее его духовное развитие и национальное сознание. Из купели днепровской, в которой Владимир Святой, великий князь Киевский, принял православие, крестил свою Русь, родилось создание единства Русской земли, укрепленное в единой "правоверной вере христианской". Крестившаяся Русь увидела в православии не только путь к Граду небесному, а также учила строить свой земной дом по заветам своей новой веры. Русская земля обрела духовные ценности, по которым правитель, равно как и крестьянин могли выверять истинность своего земного действия – будь то в личной жизни, будь то в ратном деле или в правлении страной. Русская земля и вера православная становились взаимодополняющими понятиями.

Возвращаясь мыслями к тем давним временам, поражаешься, насколько неразрывность религиозного и национального была очевидной уже для первых поколений крещенной Руси. Достаточно вспомнить проповеди митрополита Иллариона, первого киевского митрополита русского происхождения (1051–54), особенно его "Слово о законе, данном через Моисея, и о Благодати и Истине, явленной Иисусом Христом, и о том, как Закон миновал, а Благодать и Истина наполнили всю землю и вера распространилась во всех народах вплоть до нашего народа русского; и похвала великому князю нашему Владимиру, которым мы были крещены; и молитва к Богу от всей земли нашей". В этом пространном назывании отражается историософская концепция митр. Иллариона – богословская мысль признает и облагораживает национальную реальность. А в похвале князю Владимиру звучит уже гордость за свою Русскую землю: "Восхвалим же и мы – по немощи нашей хотя бы и малыми похвалами – свершившего великие и досточудные деяния учителя и наставника нашего, великого князя земли нашей Владимира, внука старого Игоря и сына

славного Святослава, которые, каждый в свое время властвуя, мужеством и храбростью известны были во многих странах и победы и могущество которых вспоминаются и прославляются и поныне. Ибо правила они не в захудалой и безвестной земле, но в земле Русской, что ведома во всех наслышанных о ней четырех концах земли".

Так уже в ранние века нашего государственного бытия рождалось то особое русское национальное самосознание, которое несло религиозно-смиренные черты и было непреклонно твердо в защите своей веры и своей земли. Тогда такие понятия не были плодом отвлеченных размышлений, а создавались и проверялись суворой исторической действительностью, ставившей подчас Русскую землю на грань небытия. Степные кочевники и княжеские междуусобицы, татарское иго, нападения западных соседей и захват русских земель, смутное время, голод, разорение, бунты.. Спасалась Русь-Россия не только ратным подвигом и мудростью князей; ее внутренняя сила исходила из слитности религиозного и национального сознания, она укреплялась тем, что вера православная стала народной, а Церковь православная – спутником и духовным созидателем нашей истории.

Роль Церкви и значение православия в жизни России нельзя ограничивать нашим средневековьем, как и не надо его идеализировать. Русь себя святой не называла. Она была земная и знала о своей греховности, и может поэтому подвиг покаяния ей был так же присущ, как подвиг веры и служения. Церковь всегда напоминала о конечном, о царстве Божьем. Стремление к нему воплотилось в идеале Нового Иерусалима, возникшего первичнее учения о "Третьем Риме". Вечные христианские ценности определяли наше мироощущение, облагораживали нашу культуру, были мерилом истины в личной жизни и мерилом правды в общественных и социальных отношениях. Этот религиозный опыт не исчез из сознания народа ни под влиянием секу-

льярной мысли, ни под ударами гонений на веру последних десятилетий. Тому мы свидетели.

Церковь веками участвовала в строительстве своего земного отечества, проповедовала, учила, делила с народом его тяготы, несла заботу о нищих, обездоленных, больных. То, что на суконном языке современности называется социальным обеспечением, вошло в русский язык как благо-творение (благотворительность), как бого-делание (богадельня – приют для престарелых и инвалидов). Запрет властей творить милосердие как социальное действие отразился, нравственной пустотой в обществе. Митрополиты и патриархи допетровской Руси обладали правом "печалования" – защитой гонимых светской властью. И когда Поместный Собор нашей Церкви восстановил в 1917 году патриаршество, упраздненное Петром I, то он вновь вменил "печалование" в обязанность русских патриархов. Это постановление Св. Собора пока никем не отменено. В годы войны и междуусобиц Церковь поддерживала народ и воинов. Св. Сергий Радонежский, благословивший князя Дмитрия на битву с татарами и давший ему в сподвижники иноков Пересвета и Ослябю, павших в сечи, – яркое, но не единичное тому свидетельство. До конца российского государства священники сопутствовали воинам на полях битвы, духовно их окормляли, отпевали павших. Этого своего права и духовной обязанности Церковь сегодня лишена, хотя человеку-воину религиозная поддержка и утешение в страшных условиях войны важнее, чем созданные, пусть на деньги Церкви, эскадрильи и танковые колонны.

Вспомним и о соборном начале, столь близком православному мышлению. Церковная соборность, создавшая понятие церковного народа, перекликалась с идеей земского строительства, а может и вдохновляла его. И когда впервые начали проявляться формы нашей русской демократии, то Освященный Собор церковный естественно стал участником Земских Соборов; оба собора были упразднены петровскими реформами. Стремление к восстановлению церковной и общественной соборности начали возрождаться в эпохуalexандровских реформ. Созданное

Память Владимира Святого, великого князя Киевского, Церковь празднует 28 июля. В этом церковном празднике ежегодно вспоминается свершившееся по его воле Крещение Руси, тысячелетие которого мы ныне празднуем.

А. Хомяковым и развитое славянофилами философское учение о соборности было новым проявлением издавнего сознания религиозной и национальной общности. Стремление общественности к самоуправлению закончилось до революции созданием земств и Государственной думы, а стремление Церкви – созвывом Поместного Собора, нерешительностью царской власти задержанного до 1917 года. Несмотря на то, что Собор вел свою работу уже после захвата власти большевиками, в условиях, когда уже начались гонения на веру и Церковь ленинским декретом была лишена своих духовных и гражданских прав, – избранные тайными выборами представители иерархов, священников и мирян провели давно подготовленные и

желанные церковные реформы. Они вернули ее соборную и каноническую основу, утвердили ее внутреннюю независимость от светских властей, восстановили патриаршее управление. По своей внутренней сущности Церковь не может мириться с бюрократическим надзором властей будь то синодального периода, будь то нынешнего.

Когда начались гонения на Церковь, Собор в одном из своих определений ответил словами: "От имени Священного Собора оповестить особым постановлением, что Священный Собор Православной Российской Церкви, возглавляемый Святым Патриархом и Преосвященными Иерархами, состоящий из избранников всего православного народа, в том числе и крестьян, есть единственный законный высший распорядитель церковных дел, охранитель храмов Божих, святых обителей и всего церковного имущества, которое веками составлялось главным образом

из добровольных приношений верующих людей и является Божиим достоянием. Никто, кроме Священного Собора и уполномоченной им церковной власти, не имеет права распоряжаться церковными делами и церковным имуществом, а тем более такого права не имеют люди, не исповедующие даже христианской веры или же открыто заявляющие себя неверующими в Бога".

Церковь сегодня плененная, но она не погибла, как не погибло в народной памяти знание о духовной правде и истине. То, чем строилася Россия в течение тысячи лет, не истребить семидесятилетней ложью о нашем прошлом. Духовные ценности, воспринятые нами в Крещении и претворенные в особенностях русской истории, не потеряли своего значения и на пороге XXI века. Возрождение их в новых условиях - завет будущего.

Е. Миркович

● ПО СТРАНЕ

Прием в «Спасо-хаузе»

Так на смешены языков называется московская резиденция американского посла. В этом доме тринадцатого мая президент Рональд Рейган встретился с участниками оппозиционного движения.

Сорока двум приглашенным из разных регионов, от Прибалтики до Ташкента, о встрече было сообщено заранее. Не обошлось без трений с властями. Представителя Литвы Ниоле Садунайте 26 мая при попытке выехать из Бильнюса сняли с поезда. Ниоле тут же позвонила нам, мы - в американское посольство. В тот же день ко второму приглашенному, литовцу, Антонасу Терляцкасу явился полковник КГБ Чеснявичус. Высокий чин заявил, что "милиция переусердствовала" и что Терляцкасу и Садунайте разрешен выезд(?!). Зато власти сделали все, чтобы не допустить в Москву во время визита никого из неприглашенных президентом оппозиционеров.

В Чернобыль ссадили с поезда священника и мирян Украинской Католической Церкви. За попытку приехать в Москву семь суток получил правозащитник из

Саратова Андрей Деревянкин. Пятнадцать - греко-католик из Смоленска Андрей Ковалев.

Но - вернемся к встрече. В 14 часов 15 минут мы миновали мощные кордоны безукоризненно вежливой милиции и подошли к воротам посольства. Короткая поездка автобусом, и мы - в "Спасо-хаузе". Большой зал, на возвышении - два знамени. Одно - американский флаг, второе - президентский штандарт. Довольно долго, около часа, ожидание. В течение этого часа подъезжают новые автобусы с приглашенными.

Встреча началась со вступительного слова посла Мэтлока, затем выступили трое из приглашенных - диссидент Сергей Ковалев, многолетний отказник Юрий Кошаровский, православный священник Глеб Якунин. Выступающие говорили не от себя, а как бы являясь представителями сидящих в зале. Наверное, следовало это учесть...

Кошаровский в своем выступлении очертил проблемы еврейской эмиграции. Эта честная и ясная речь мне понравилась.

лась, несмотря даже на традиционное для многих отказников неразличение России и режима. А почему, собственно, они должны в наших проблемах разбираться? Им всего-то и нужно, чтобы дверь открыли. Советологией отказники не занимаются, жить нас не учат. Так какие же к их непониманию могут быть претензии?

Сергей Ковалев заявил, что правозащитники с оптимизмом оценивают происходящее в стране. По контексту было ясно, что речь идет о "новом курсе" советского руководства. Я не подозреваю честнейшего Сергея Адамовича в сознательной передергивке. При подходе, совпадающем с официозным, "поддержка партии и правительства" – общее место, но надо было все-таки учесть наличие у части оппозиции других подходов.

Каждый из нас в какой-то мере – оптимист. Мы верим, что наши попытки изменить положение не обречены, иначе зачем бы и действовать? Верим в возможность позитивного влияния Запада, иначе не обращались бы к нему; главное – верим в творческий потенциал народа. Отношение же к действиям властей, имеющим перестройкой, среди нас различно.

У некоторых, в частности у меня, оно следующее. Власти понимают неизбежность перемен. Это, при всех условиях, – хорошо, поскольку уменьшает вероятность опустошительного взрыва в стране. Однако власти за "перестройку" по формуле: минимум перемен, максимум пользы (для них). Эпизоды, как приведенные выше, с делением садящихся на поезд на "чистых" и "нечистых" – незначительный, но вполне характерный пример. Более существенно – отношение режима к проблемам политзаключенных и к эмиграции.

Частные решения принимаются за счет общих, вместо них. Надеюсь, наша демократия скоро дойдет до освобождения всех, о ком шумят. Но сотни людей остаются в лагерях и психбольницах, тысячи – с тщетным желанием выехать из страны. Правовое положение остается в точности таким, как пять или тридцать лет назад. Радуясь каждому освобождению, мы ни секунды не собираемся поддерживать подобную "перестройку" как политику. И

на некорректный вопрос – "значит вы против перестройки?", не колеблясь отвечаем: "против такой – безусловно". Наверное, мне понравилась бы и третья речь – священника Глеба Якунина. Он ярко говорил о роковых последствиях атеистического эксперимента. Но труднее всего принять компромиссно-перестроечный тон, когда речь идет о вере, о Церкви, да и оснований считать, что Сатана в себе разделился – пока нет.

Завершило встречу выступление президента. Краткий обзор он начал с обсуждения проблем религии. Рональд Рейган отметил прогресс в области защиты прав человека в СССР. Однако это – не та область, где возможны компромиссы. "Теперь мы должны добиваться все большего", – сказал президент.

Отмечу один штрих, характеризующий царившую на встрече обстановку. За каждым столом в зале – кто-либо из высокопоставленных представителей администрации. Интерес американцев к мнению собеседников показался мне, как и во многих других случаях, неподдельным и искренним. На мой взгляд, американцы подошли ко встрече не только как к важному символу, но по-деловому. Не спешим объявлять, как делается подчас, происходящее с нами – историческим событием, время разберется. Но большое политическое значение встречи оппозиции нашей страны с президентом США представляется мне несомненным.

Более полувека Запад укреплял наших поработителей. Но, размышая о будущем, не следует впадать в детерминизм – в грех, изобличающий лень мозга. Американцев волнуют прежде всего интересы собственной страны, так же, как нас – интересы России. Но интересы двух великих стран во многом совпадают. Глубокая причина этого – взаимодополненность полярных христианских культур, православной и протестантской. Впрочем, это тема, требующая специального разговора. Ограничивааясь же политическим "этажом" рассуждений необходимо отметить следующее: США заинтересованы в мирном и стабильном партнере, а привыкшие слои в СССР все менее способны

гарантировать стабильность и порядок без участия независимых общественных сил страны.

Это – лишь один из важных новых политических факторов. Размыщляя о перспективах взаимоотношений российской оппозиции с США, надо учитывать сего-

дняшние реальности, а не только оглядываться назад.

В этой области, думаю, основания для "осторожного оптимизма" имеются.

Валерий Сендеров
Москва, июнь 1988 г.

«Демократическая оппозиция»

Под таким названием начал выходить с июня 1988 года в Ленинграде "Еженедельник политической партии Демократический Союз. Северо-западное региональное отделение".

Решение создать Северо-западное отделение ДС было принято представителями Ленинграда, принявшими участие на учредительном съезде Демократического Союза, происходившем 7-9 мая 1988 года в Москве. Съезд был прерван властями, а иногородние участники насильно этапированы по месту жительства (см. "Посев" № 6, 1988). Принятое ленинградцами решение привело 18-19 июня к проведению первой конференции (учредительной) Северо-западного регионального отделения и созданию печатного органа "Демократическая оппозиция".

В редакционной статье первого номера "Д. О." даются основные положения Демократического Союза:

"Объединивший на широкой демократической платформе (от еврокоммунизма и социализма до западных моделей политического устройства) общественно активных и сознательных граждан нашей страны, ДС ставит своей целью борьбу с тоталитарной идеологией и практикой, отказ от насилия как средства политических действий. Плюрализацию всех сфер жизни общества ДС рассматривает как основополагающую структурную предпосылку необратимости процесса социально-политического обновления, как главное условие достижения нашей страной или странами (в случае распада империи) политического авторитета, правовой государственности, экологического и социального благосостояния".

Задачу своего издания редакция формулирует так:

"Еженедельная газета 'Демократическая оппозиция' публикует партийные и другие документы, независимую информацию, объявления. Газета призвана информировать о деятельности оппозиционной политической партии Демократиче-

ский Союз, членов партии, участников демократического движения все население и будет стоять на твердых позициях демократии, гласности и гуманизма".

Тезисы программы Демократического Союза и другие политические документы опубликованы в последующих номерах еженедельника, и мы предполагаем дать о них информацию и оценку после возможного с ними ознакомления. Вне зависимости от того, насколько политически дееспособно объединение на столь широкой платформе, сама заявка на политическую партию сегодняшних условий заслуживает внимания.

Сегодня отметим лишь два материала: во-первых, описание митинга 28 мая 1988 г. в Ленинграде (Д. О. № 1) и, во-вторых, публикацию проекта "Политическая декларация", составленного членом СП СМОТ Скобовым (Д. О. № 6. Интервью с А. Скобовым, взятое В. Сендеровым, см. "Посев" № 3, 1988).

МИТИНГ У КАЗАНСКОГО СОБОРА

Митинг 28 мая – одно из многочисленных выступлений, организованных Демократическим Союзом в Москве и Ленинграде (после разгона демонстрации в годовщину вторжения в Чехословакию, 21 августа 1988 в Москве, газета "Известия" 24.8.88 отметила, что ДС "провел за последние месяцы 48 несанкционированных митингов"), но он был типичным как для политического лица Демократического Союза, так и для реакции властей на выявление независимого политического мнения общества. Правда, надо отметить, что в мае "правоохранители" не дотягнули еще того "совершенства", с которым они 21 августа разогнали в Москве демонстрацию, когда против демонстрантов были выдвинуты специальные отряды милиции, когда задержанные избивали уже на месте демонстрации и в отделении милиции.

Демонстрация-митинг 28 мая была организована "по инициативе ДС, 'Клуба психической культуры', ленинградской группы 'За установление доверия между Востоком и Западом', группы 'Международного общества прав человека', объединения 'Человек' ". Посвящен был митинг вопросам многопартийной системы. Первоначально собралось 700 человек, но вскоре толпа увеличилась почти до 2 тысяч человек. Перед демонст-

рацией в городе распространялась листовка следующего содержания:

"КТО ПОТЕРЯЛ свои гражданские права, может найти их у Казанского собора в субботу (28 мая) на 'неразрешенном' митинге в 15.00.

Вы сможете принять участие в обсуждении следующих вопросов:

1. Преимущества многопартийной системы.

2. Политическая партия 'Демократический Союз', ее цели и задачи.

3. Неформальные объединения - это будущие партии.

4. Многопартийная политическая система - залог политического здоровья общества".

Организаторы митинга сообщили о нем в "Куйбышевский райисполком, Ленгорисполком, Верховный Совет СССР. Ответа из Верховного Совета СССР не последовало, а местные исполнкомы ответили, что проведение митинга является нецелесообразным. Куйбышевский райисполком был извещен, что митинг все равно состоится".

"28 мая у Казанского собора собралось более 1500 человек. Между колоннами собора стояли ряды сотрудников МВД; по очереди беря в руки мегафон, люди в форме офицеров МВД попеременно требовали от собравшихся разойтись или пройти в Михайловский сад для празднования 285-летия Ленинграда. Присутствующие не спешили выполнять их требований. Члены партии ДС Валерий Терехов и Ростислав Макушенко открыли митинг, подняв лозунг: 'Временные правила о проведении митингов и демонстраций -

грубое нарушение Конституции СССР' /.../. Лозунг был встречен аплодисментами. Однако его удалось продержать не более двух минут, после чего Терехов и Макушенко были задержаны. Участники митинга, взявшись за руки, образовали двойное кольцо, в центре которого начались выступления. Екатерина Подольцева - член партии ДС - ознакомила собравшихся с обращением партии ДС к соотечественникам. Если мы хотим жить в свободной стране - надо действовать! - говорится, в частности, в этом обращении. С воззванием журнала "Психическая культура" выступила Элеонора Чернова.

Все это время власти пытались разогнать митинг, заглушая выступавших мегафоном, избивая участников. Лица в штатском (без повязок дружины), не предъявляя никаких удостоверений, силой доставляли выступавших в милицейские автобусы. Двум участникам были нанесены тяжкие телесные повреждения. С. Семенов с травмой позвоночника, а В. Баженов с подозрением на сотрясение головного мозга были доставлены из отделения в больницу /.../. В течение часа было задержано и доставлено в 27 и 28 отделения милиции около 40 человек. Представители независимых групп и общественности провели стихийный митинг у здания Ленгорисполкома и непосредственно возле 27 и 28 отделений милиции, требуя немедленно освободить задержанных и скандируя лозунг: 'Свободу политзаключенным'. Задержанные были выпущены через пять часов, двадцати из них было предложено явиться 1 июня в Куйбышевский народный суд /.../".

Политическая декларация

Проект

I

Мы считаем, что человек обладает рядом прав, которые не могут быть у него отобраны обществом и государством.

Мы считаем важнейшим свойством человеческой личности ее способность самостоятельно вырабатывать свое мировоззрение и систему нравственных ценностей и отстаивать их.

Мы считаем естественным, что люди имеют разные мировоззрения, политические, философские и религиозные взгляды.

Мы считаем самоочевидным, что каждый человек имеет неотъемлемое право выражать и отстаивать свои принципы и убеждения, знакомиться со взглядами и аргументами других.

Мы считаем, что в обществе всегда существуют столкновения интересов и идеалов различных групп и индивидов, что каждая группа и личность вправе защищать свои интересы и идеалы.

Мы считаем, что единство и солидарность общества, его гармоничное развитие возможны лишь тогда, когда конфликты и противоречия в нем решаются ненасищенно, когда уважаются равные права каждого отстаивать свои взгляды и интересы.

Поэтому мы считаем, что любой гражданин имеет право на инакомыслие, право на оппозицию как отдельным действиям властей, так и всей политике правительства и самому общественному строю, имеет право бороться в ненасильственных формах за их изменение. Демократия - это право быть против.

История показывает, что если этими правами пренебрегают, неограниченная и бесконтрольная власть оказывается в руках одержимых мессианскими идеями фанатиков и безответственных авантюристов, способных на любые злоупотребления и преступления. Народ становится пассивным орудием в их руках, материалом их социальных экспериментов. Ради их амбиций гибнут и страдают

миллионы, разрушается и деградирует человеческая личность.

Не признающее прав человека, бесконтрольное, склонное к насилию и идеологически нетерпимое государство всегда будет восприниматься соседями как угроза. Это рождает недоверие, враждебность, международную напряженность, которые в атомный век чреваты возможностью всеобщего уничтожения.

II

В силу всего этого, мы - против системы, при которой личность приносится в жертву абстрактным "классу" или "наци", а права человека признаются лишь постольку, поскольку они не противоречат интересам "общества" в лице государства.

Мы - против системы, при которой правящая партия присваивает себе монопольное право определять и осуществлять "подлинные, высшие интересы передового класса", "всего народа" и вообще "исторического прогресса", претендует на монопольное обладание истиной.

Мы - против системы, при которой правящая партия контролирует все проявления общественной и духовной жизни, сама оставаясь вне контроля.

Мы - против системы, при которой правящая партия устанавливает обязательный для всех образ мыслей и навязывает его обществу с помощью монополизированного ею аппарата воспитания и пропаганды, силой затыкая рот несогласным.

Мы - против системы, рассматривающей личность лишь как продукт социальной среды и стремящейся принудительно формировать ее сознание, лишая человека права и способности самостоятельно и критически мыслить.

Мы - против системы, при которой монополизированы все средства массовой информации. При таком положении они всегда будут искажать историю прошлого и сегодняшнюю действительность в угоду господствующей группе.

Мы - против системы, при которой власть решает: что ее подданным можно читать, что - нельзя, что им следует знать, а что - нет.

Мы - против системы, в которой господствует идеологическая нетерпимость, на инакомыслящих смотрят как на "врагов народа", "изменников родины", "агентов империализма", в которой действует принцип "кто не с нами, тот - против нас", "шаг в сторону - попытка к побегу".

III

Исходя из вышеизложенного, мы требуем, в целях действительной демократизации политической системы и общественной жизни:

1. Освободить всех оставшихся политзаключенных без каких бы то ни было предварительных условий.

2. Официально осудить практику преследования инакомыслящих за ненасильственные действия, связанные с выражением их взглядов и распространением информации. Выплатить компенсацию жертвам политических репрессий.

3. Чтобы подобная практика не повторилась в будущем:

- исключить из конституции идеологическую обусловленность декларируемых ею прав и свобод;

- устраниТЬ из Уголовного кодекса идеологизированное понятие "антисоветская деятельность", конкретизировать понятие "антигосударственная деятельность" лишь как подготовку актов насилия или призывы к ним.

4. ГарантиРОвать реальную свободу информации, свободу выражения взглядов, право знакомиться с плодами политической, исторической, философской и религиозной мыслей любых направлений. Это значит:

- обеспечить юридическую и фактическую возможность издавать и распространять, независимо от государственных границ, любые периодические издания и литературу, в том числе и произведения идеологических противников режима;

- искоренить позорное понятие "идеологически вредная литература", оно напоминает о кострах из книг;

- прекратить глушенie всех без исключения зарубежных радиостанций.

5. Наряду с обеспечением права каждого на беспрепятственный выезд из страны (государство - не поместье, граждане - не крепостные), предоставить возможность политэмигрантам вернуться на родину с легализацией их организаций и печатных изданий.

6. Обеспечить право на создание независимых общественных и политических ассоциаций, вплоть до формирования в будущем новых партий, допущение их к участию в выборах.

7. Отменить ограничения на деятельность религиозных общин и объединений. Всем мировоззрениям - равные права.

8. Отменить дискриминационные правила проведения демонстраций, дающие властям возможность запрещать любые неугодные им мероприятия по идеологическим мотивам.

Пора научиться разговаривать с политическими противниками как с оппонентами, а не как с "предателями" и "отщепенцами". На слово нужно отвечать словом, а не глушилками, конфискацией литературы и заключением инакомыслящих в тюрьмы и психбольницы.

Мы считаем также необходимым:

9. Предоставить народам всех союзных республик реальную возможность выразить свою волю относительно своей будущей государственности, вплоть до выхода из СССР.

10. Восстановить историческую правду о нашей стране, допустить общественность к архивам. Дать публичную оценку сталинскому режиму как идентичному фашизму. Подвергнуть критической переоценке все неприкосновенные, до сих пор "священные" легенды советской истории, в ней не должно оставаться "белых пятен", непрекаемых кумиров, запретных тем и мнений, монополии на их толкование.

В целях подлинной разрядки мы требуем:

- открыто признать ответственность прежних советских руководителей за рост международной напряженности. Признать, что причина ее - их установка на "сокрушение капитализма" и попытка навязать свою

идеологию и антидемократическую систему другим народам;

- в охваченных гражданскими войнами странах "третьего мира" способствовать диалогу и политическому компромиссу между противоборствующими силами. Региональные конфликты должны быть погашены в первую очередь, ибо они превратились в передовую противоборства между Востоком и Западом, во фронт уже идущей Третьей мировой войны;

- в качестве самой неотложной меры - немедленно вывести войска из Афганистана, немедленно прекратить военную помочь Кабульскому режиму. Политическое урегулирование - внутреннее дело самих афганцев;

- публично осуждать случаи нарушения прав человека в дружественных СССР государствах. Отмежеваться от таких одиозных тиранических и террористических режимов, как ливийский и северокорейский. Прекратить какие бы то ни было отношения с подобными режимами;

- продолжая процесс ликвидации ядерных ракет, сосредоточить внимание на сокращении вооруженных сил и обычных вооружений.

IV

Мы убеждены, что от решения именно этих вопросов зависит судьба демократизации в нашей стране и мира во всем мире, что именно их надо выдвигать на первый план. Мы надеемся, что изложенные здесь принципы являются общими для всех направлений демократической мысли, что в выполнении перечисленных минимальных требований в равной степени заинтересованы все независимые общественные группы и движения. Широкое объединение различных групп в одну организацию в настоящее время маловероятно и вряд ли целесообразно. Но существование основополагающего документа, который антитоталитарные группы, сохранив автономию и действуя самостоятельно, считали бы своей общей платформой, нам представляется желательным. Поддержка его стала бы формальным признаком принадлежности к широкому общественному антитоталитарному движению. В качестве такового мы предлагаем на обсуждение всех ленинградских независимых общественных объединений данный проект.

этого движения. В качестве такового мы предлагаем на обсуждение данный проект.

СОЛИДАРНОСТЬ И СВОБОДА!

Проект составлен членом СП СМОТ А. Скобовым, от имени представляемой им в СП группы

Ленинград, февраль 1988 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ РЕДАКЦИИ

"Д. О."

Публикуя данный проект политической декларации, редакция "Демократической оппозиции" надеется, что изложенные в нем принципы являются общими для всех направлений демократической мысли, что в выполнении перечисленных минимальных требований в равной степени кровно заинтересованы все независимые общественные движения. Существование основополагающего документа, который антитоталитарные группы, сохранив автономию и действуя самостоятельно, считали бы своей платформой, нам представляется желательным. Поддержка его стала бы формальным признаком принадлежности к широкому общественному антитоталитарному движению. В качестве такового мы предлагаем на обсуждение всех ленинградских независимых общественных объединений данный проект.

22 июля 1988 года.

РЕДЛИХ Роман

Солидарность и свобода

1984, 344 с.

18 нм

Книга построена на основе „Библиотеки солидариста“, серии из 19 небольших брошюр, и дает связное изложение идеологии Народно-Трудового Союза российских солидаристов, как ее понимает автор.

Овальд фон НЕЛЛЬ-БРЕЙНИНГ

Построение общества

1987, 146 с.

18 нм

Перевод книги известного немецкого солидариста. Книга является блестящим пособием для первоначального ознакомления с идеями солидаризма в изложении Нель-Брейнинга, активного участника так называемого „немецкого чуда“ – восстановления разгромленной в результате войны и гитлеровщины общественной жизни и экономической мощи Федеративной Республики Германии.

От Таллина до Карабаха

Национальный вопрос... Демонстрации в Прибалтике, Закавказский кризис, события в Алма-Ате-дестигматизация замалчивания существующих проблем и подавления национальных движений приносят свои плоды. И никакие разговоры о "нерушимом братстве советских народов" нарастающих кризиса не предотвратят, как не предотвратят кризиса экономического несколько тысяч кооперативов и семейный подряд.

Но и кризис в экономике, и кризис в сфере национальных отношений - общий для всех народов, населяющих нашу страну, как и причины, породившие его. И противостоять ему можно только сообща. "Ну какой, спрашивается, национализм, если люди на обоих языках клянут советскую власть за то, что нет мяса!" - сказал секретарь правления Союза театральных деятелей Эстонии Калью Комиссаров, и остается надеяться, что подобное единство сохранится и в дальнейшем, различные национальности в борьбе за свои права не позволят власти разыграть против себя старый принцип "разделяй и властвуй", как это уже случалось раньше.

Испуганно-догматичное постановление Президиума Верховного Совета о "невозможности изменения границ" между республиками никак не решило проблемы Нагорного Карабаха и никоним образом не укрепляет дружбы между народами. Плебисцит, как способ решения национальных проблем, хотя и вписан в Конституцию СССР, но за семьдесят лет советской власти не проводился ни разу.

В заявлении Совета НТС по национальному вопросу от 9 июля 1951 года говорится: "НТС защищает принцип государственного единства семи народов России и будет бороться за сохранение этого единства всеми доступными демократическими способами.

В то же время НТС признает за каждым народом право на основании плебисцита самому решить свою судьбу после свержения большевизма на всей территории России, в обстановке свободы, гарантированной подлинность выражения воли, и будет бороться за осуществление этой свободы".

Не стоит забывать, что наибольшие страдания от тоталитарной диктатуры перенес самый многочисленный народ нашей страны - русский. И только в союзе оппозиционных сил всех национальностей нашей страны - залог успеха борьбы "за вашу и нашу свободу".

Эстония - «ПОЛИГОН ПЕРЕСТРОЙКИ»?

"Только представьте себе: 90 процентов экономики не подлежат контролю республики. Только в рамках 10 процентов республика может решать, что ей можно и необходимо... С экономикой связана миграция. Разве это специфический вопрос Эстонии? Ведь Союз страдает от этого. И вот эти самые союзные министерства и их ведомства - они гадят у Байкала, они строят дамбу в Ленинграде, они хотят повернуть северные реки. Единая беда у нас всех. А не только то, что наших маленьких эстонцев обижают. Обижают всюду всех. И русского человека обижают в той же России. Но мы сейчас обсуждаем настоящее и будущее своего региона. Предстоит решить весь комплекс культурных проблем, чтобы на деле каждая республика могла выбрать, как ей учить своих детей. А не так, чтобы в Москве опять-таки союзное министерство придумывало какой-то план, какую-то программу, которая должна действовать от Анадыря до Вильянди... Всю затронутую проблематику надо как можно скорее довести до независимого населения... Чтобы люди поняли, что это никакой не национализм, это - не сепаратизм... Ну, какой, спрашивается, национализм, если люди на обоих языках клянут советскую власть за то, что нет мяса!"

Калью Комиссаров
Секретарь правления Союза
театральных деятелей Эстонии.
"Молодежь Эстонии", 19.4.88

"Не хочу ехать в Эстонию, - говорила в семидесятых годах одна из наших знакомых в Ленинграде, - буду чувствовать себя оккупанткой!" - "А ты чувствуешь себя эмигранткой!". Действ-

ительно, после нескольких часов езды из Ленинграда в Таллин не можешь оторваться от чувства, что ты - "почти на Западе". И дело не только в архитектуре Вышгорода - эстонцы чаще останавливаются перед светофорами, подчеркнуто вежливы, улицы намного чище, прилавки в магазинах выглядят богаче. Это и неудивительно - в Эстонии сегодня самый высокий доход на душу населения во всем Советском Союзе, несмотря на эти самые 90 процентов предприятий, которыми управляют из Москвы. Но все познается в сравнении - если сравнивать экономическое положение Эстонии не с Украиной, а, скажем, с Финляндией, то первое место в СССР не покажется таким уж почетным...

На волнах перестройки, когда реально встал вопрос о приспособлении социалистической экономики к требованиям реальной жизни, советские экономисты начали внимательно штудировать китайский опыт, в частности, на страницах советских газет появились статьи, где говорилось о возможности создания "особых экономических зон", причем, не вообще, а на Балтийском побережье. И, как по команде, в республике разда-

лись требования о переводе всей Эстонии на хозрасчет. К этому добавились требования о создании эстонских территориальных войск, восстановлении эстонского национального флага, признании эстонского языка официальным языком во всех учреждениях. Характерно, что подобные требования высказывались и в других республиках, но в Эстонии большинство из них, в первую очередь - требования экономические, нашли поддержку в правительстве ЭССР. На 19-й партконференции в защиту требования экономической самостоятельности высказался не кто иной, как первый секретарь ЦК Компартии Эстонии В. Вяляс, который "заметил, что региональный хозрасчет не имеет ничего общего с экономическим обособлением или местническим эгоизмом".

В апреле этого года в Эстонии, первой из всех 15-ти республик, был легализован "Народный фронт". Что это такое? По замыслу организаторов и согласию властей - что-то вроде "Народных фронтов" в странах Восточной Европы, которые включают в себя различные политические партии и организации, но находятся под контролем компартии, не имея права на оппозицию ей. Формально целью "Народного фронта" является содействие перестройке и ее углубление, но поскольку в это слово каждый вкладывает свой смысл, у "Народного фронта" цели могут несколько отличаться от горбачевских. На настоящий момент "фронт" уже объединяет около 40 тысяч человек, в основном эстонцев.

В первых числах июня в Эстонии состоялся независимый Молодежный форум общественности, а 18 июня газета "Молодежь Эстонии" опубликовала его предложения, адресованные 19-й парткон-

ференции. В принципе, эти требования лишь конкретизировали все предыдущие выступления эстонской общественности по вопросу о суверенитете республики. Составители даже договорились до "порочности однопартийного правления" и требовали широкого участия в политической жизни Эстонии различных организаций (до слова "партий" все же не дошло).

Одним из требований Молодежного форума было восстановление национальной символики Эстонии, и этого он уже добился: 25 июня Президиум Верховного Совета ЭССР принял специальный указ, согласно которому, наряду с государственной символикой, в Эстонии узаконены сине-черно-белый флаг, изображения василька и ласточки - национальные символы, десятилетия бывшие под запретом. А в соседней Латвии пресса обрушивается на демонстрантов, поднявших во время демонстрации "флаг буржуазной Латвии"! Может быть, кто-нибудь из московских или ленинградских "неформалов" вспомнит и про бело-сине-красный...

Конечно, объяснений этому "либерализму" в Эстонии может быть много: тут и организованность эстонской оппозиции, и небольшие размеры республики, но... Литва и Латвия - тоже невелики, и оппозиционеров там хватает, но так далеко они пока не зашли.

Скорее всего, власть действительно отводит Эстонии место своеобразного политического и экономического "полигона перестройки", каким в свое время стала Венгрия в странах Варшавского договора. Но планы власти - одно, а как эту ситуацию сумеет использовать оппозиция - другое.

Андрей О к у л о в

Совещание в Латвии

В латвийском городе Абражциемс 9 и 10 июля 1988 года состоялся съезд представителей национально-демократических движений Литвы, Латвии и Эстонии. Они обсуждали вопросы межреспубликанской координации и приняли два документа.

Совещание отметило, что коммунистические власти не прекращают попыток мешать свободному волеизъявлению прибалтийских народов, прибегая к провокациям и репрессивным действиям. Представители прибалтийских народов видят решение

своих главных проблем в восстановлении положения, существовавшего на основании мирного договора с Россией в 1920 году, нарушенного агрессивными действиями СССР вопреки международному праву.

Исходя из оценки существующей политической ситуации, совещание ставит перед национально-демократическим движением следующие задачи:

1. Легализовать реально существующий политический плюрализм.

2. Добиваться реформы выборной системы на подлинно демократической основе.

3. Реализовать в полном объеме международные Пакты по правам человека, ликвидировать политические концлагеря, тюрьмы и спецпсихбольницы, освободить и полностью реабилитировать политзаключенных, ранее судимых и репрессированных, исключить из уголовных кодексов республик статьи об антисоветской агитации и пропаганде, клевете, ликвидировать репрессивный аппарат политического преследования.

4. Считать Церковь существенной составной частью национально-демократического движения, преобразовать ее правовые отношения с государством, обеспечить условия для выполнения Церковью миссии морального оздоровления нации.

5. Совещание пришло к убеждению, что сотрудничество национально-демократических движений приближает достижение поставленных целей.

6. Учитывая специфические условия Прибалтики, совещание создало региональный консультативный комитет, который входит в Межнациональный координационный комитет национально-демократических движений народов СССР.

10 июля 1988 года

Заявление представителей совещания национально-демократических движений Латвии, Литвы, Украины, Эстонии

Совещание отмечает, что официальные средства массовой информации очень скрупульно и в искаженном виде подают сообщения о событиях в Закавказье.

Учитывая важность происходящих там событий, а также тот факт, что правительство СССР не использовало всех имеющихся средств политического урегулирования конфликта, приведя войска в состояние боеготовности, используя их как средство нахима на волеизъявление народов, мы протестуем против применения вооруженной силы в таких целях.

Мы требуем прекратить репрессии против политических лидеров Армении, осуждаем арест Паруйра Айрикяна и требуем его немедленного освобождения.

Мы призываем решить проблемы Нагорного Карабаха политическими средствами и с учетом воли его населения.

10 июля 1988 года

Национальный конфликт в Закавказье продолжается

В связи с решением Президиума Верховного Совета СССР сохранить статус Карабахской автономной области за Азербайджаном в Ереване состоялся 20 июля митинг, на котором присутствовали 500 тыс. человек. Традиционное место митингов, Театральная площадь была оцеплена войсками, и поэтому митинг проходил перед зданием хранилища древних рукописей Матадарана. По мнению некоторых представителей национального движения, власти задержали почти на сутки публикацию материалов о заседа-

нии ПВС, чтобы люди узнали о принятом решении после того, как власти успеют подготовиться к взрыву народного возмущения.

На митинге в среду выступали депутаты Верховного Совета, участвовавшие в обсуждении вопроса о Нагорном Карабахе, в частности, писатели Петросян и Капутиян. Они говорили, что митингами, демонстрациями и забастовками народ все равно ничего не добьется. Большинство присутствующих с возмущением встретило выступление, ораторы

были освистаны. Другие выступавшие говорили, что решение ПВС не явилось для армян большой неожиданностью и они ждали этого, потому что и газеты, и телевидение в течение последних месяцев никогда не давали объективной информации о происходящем. Они сказали также, что это решение стало новым стимулом армянского народа в борьбе за свои неотъемлемые национальные права. "Нас ожидает очень долгая борьба, десять-пятнадцать лет... Мы готовы к ней... Сама советская Конституция дает нам право так говорить" - сказал один из участников митинга. Работник Центрального телевидения Бекетов, который вечером 19 июля вел по первой всесоюзной программе передачу "Четыре дня в Нагорном Карабахе", сказал, что сделал объективную передачу и не виноват в том, что ее исказили. На митинге раздавались голоса, призывающие не давать интервью советским журналистам, освещющим положение в Армении.

Присутствовавшие на митинге обсудили также выступления делегатов Верховного Совета, в частности, особенно резкой критике подверглось выступление Примакова, который заявил, что "история не может вообще служить критерием для решений национальных конфликтов". "Где же логика? - слышалось со всех сторон, - а почему тогда Курильские острова считают русской землей?..". По словам депутатов, один из доводов, который приводился на заседании ПВС о нецелесообразности присоединения Нагорного Карабаха к Армении, был тот, что эта область не граничит с Арменией. В качестве аргумента против такой точки зрения на митинге был приведен пример с Нахичеванью, автономной республикой, тоже не имеющей с Азербайджаном общей границы, однако включенной в состав этой республики.

Кроме того, на митинге было принято решение о том, что, начиная с 21 июля и до понедельника 25 июля, по всей Армении объявляется забастовка.

Еще до начала митинга стало известно о другом решении советского правительства. Известный борец за права армян и бывший политзаключенный Паруйр Айрикян, находясь под следствием, лишен

советского гражданства, и власти намерены в ближайшее время выслать его за границу. На митинге, вечером 20 июля было зачитано это решение. Многотысячная толпа скандировала по-русски: "Свободу Паруйру Айрикяну!". Один из членов оргкомитета "Карабах" сказал следующее: "Народ, который рождает таких сыновей, как Паруйр Айрикян, никогда не умрет, потому что эти люди - лицо и честь народа".

В тот же день, 20 июля, по городу были распространены оттиски некоторых статей из армянских газет за 21 июля, в которых члены комитета "Карабах" называются экстремистами, виновными в проведении забастовки.

По некоторым туманным заявлениям сотрудников следственного отдела прокуратуры можно понять, что советские власти предпринимают шаги для выезда всей семьи Паруйра Айрикяна в США. Однако известно, что Паруйр Айрикян не желает по своей воле покинуть родину.

Москва. Владимир Р я б о к о н ь

От редакции:

Может быть, наилучшим способом выйти из этой ситуации была не отмена решений ПВС СССР от 18 июля 1988 года, а отмена другого решения: постановления Азербайджанского ЦИКа от 7 июня 1923 года, которое передало населенный армянами Карабах Азербайджану и положило начало длящемуся десятилетиями конфликту.

В "Заявлении в связи с событиями в Нагорном Карабахе" Исполнительного бюро Совета НТС от 1 июня 1988 года говорится:

"Процедура законного выявления воли населения путем плебисцита в условиях диктатуры КПСС несуществима. Поэтому Исполнительное бюро Совета НТС считает однозначно выраженное требование армян, составляющих 76 % населения Нагорного Карабаха присоединить его к Армении равносильным всенародному голосованию (плебисциту)".

И если удовлетворить обе стороны невозможно, критерий здесь может быть только один - справедливость.

Митинг национальной солидарности

29 июля 1988 года в Свердловске состоялся митинг, организованный группой "Митинг-87". Он был посвящен национальным проблемам в СССР. В 15.00 активисты группы Сергей Кузнецов, Сергей Драчов, Владимир Кузнецков развернули плакат "Карабах + Армения = демократия" и объявили о митинге, намеченном у здания цирка. Затем они обошли сквер по близлежащим улицам, призывая прохожих принять участие в обсуждении поставленных проблем. Несмотря на более чем тридцатиградусную жару, у цирка собралось около трехсот человек. Митинг начался с обращения членов группы "Митинг-87" к демократической общественности страны. Затем был проведен краткий обзор национальных проблем в СССР. Были прослушаны интервью по телефону с армянским активистом Арайиком Степаняном, членом Украинского Культурологического Клуба (УКК) Олесем Шев-

ченко и религиозным деятелем из Литвы Нийоле Садувайте. На митинге выступил житель Баку Абрагимов, заявивший несогласие с выдвинутым лозунгом. Его выступление было выслушано с большим вниманием, но подверглось критике последующими ораторами. Далее было зачитано письмо академика Сахарова генеральному секретарю КПСС о проблеме Карабаха. Один из выступавших, рабочий из Свердловска, высказал протест против ортодоксального подхода Горбачева, Гройзмана и других членов Верховного Совета СССР, построивших только на 78-ой статье Конституции свой отказ въединить Нагорный Карабах и Армению, в то время как статьи 2, 7, 8, 9, 46, 47, 48 той же Конституции говорят в пользу такого въединения.

Митинг продолжался около двух часов и закончился сбором подписей под обращением, текст которого мы приводим ниже:

Обращение к демократической общественности страны

Развитие событий в Нагорном Карабахе и Армении наглядно показывает истинное лицо горбачевской "перестройки", показывает подлинную цену демократических призывов нового кремлевского руководства к новому мышлению, гласности и демократизации.

Решение Верховного Совета СССР, отказалось выполнить справедливые требования одного из суверенных народов многонациональной страны, показало, что никакие новые формы демократического решения возникающих проблем не действуют - их нет и быть не может, пока Советский Союз остается тоталитарным государством, основанным на бесчеловечном подавлении своих граждан.

Советский Союз - последняя из империй, ранее существовавших на планете, и отношение существующего режима к национальным проблемам является также вопиющим анахронизмом. Нежелание и неспособность властей уважать собственный народ, пренебрежение его чаяниями и свободным волеизъявлением, немедленное подавление малейшего инакомыслия и независимости, преследование и аресты национальных активистов во многих районах страны, подавление верующих, на-другательство над культурным насле-

дием и разгром национальных культур - все это демонстрирует глубочайшую пропасть, разделяющую руководство страны и ее многочисленные народы.

Политическое банкротство нового курса, построенного, как и все прежние, на лжи, демагогии и произволе партийно-бюрократического аппарата, - неизбежно.

Мы призываем демократическую общественность нашей страны сделать все возможное, чтобы противостоять надвигающимся политическим репрессиям, которые всегда использовались властями для партийного господства над страной.

Мы требуем справедливого демократического решения всех национальных проблем.

Мы призываем всех граждан нашей страны всемерно отстаивать их политические и гражданские права, свободомыслие и независимость, объединившись для действенной борьбы с партократией в широкий демократический союз.

Группа "Митинг-87": Сергей Кузнецов, Ирешат Насыров, Михаил Борисов, Сергей Драчов, Игорь Шибанов, Геннадий Виттман и другие (всего тридцать подписей).

Демонстрация у Пушкинской

Отчего власти так боятся демонстраций? Похоже, что срабатывает историческая память: Февральская революция началась с рабочих демонстраций на Выборгской стороне и Васильевском острове.

25 июня 1988 года в 16.00 у памятника Пушкину в Москве партия Демократический союз решила созвать митинг с целью заставить обращение независимой общественности к XIX партконференции и собрать под ним подписи. На этот раз к Демократическому союзу примкнуло несколько неформальных объединений, обычно сторонящихся дзэсовцев по старой причине: где ДС, там аресты, штрафы, избиения...

Когда в 15.45 я вышла на Пушкинскую, то ужаснулась огромному количеству милиции - от их погон просто рябило в глазах. Можно было оглохнуть от десятка мегафонов. Площадь перед станцией метро "Площадь Пушкина" бурлила, демонстранты, буквально оказались в загоне. Вся площадь была огорожена милицейскими металлическими щитами и заборами, памятник Пушкину тоже стоял "арестованный" - подход к нему был закрыт. В боковых улицах и по краям площади стояли милицейские автобусы, они интенсивно наполнялись арестованными.

В многолюдстве было невозможно сориентироваться - где же наши? Я увидала Александра Лукашева и Юру Денисова: "А где все остальные?" - "Почти все организаторы уже схвачены!".

Транспаранты вырывались из рук везде, где милиция и неисчислимое воинство в штатском могли до них добраться. Но все же демонстранты решили провести митинг здесь, в тупике перед станцией метро. Взявшись за руки они стали скандировать: "Свободу политическим заключенным!", "Долой КГБ!", "КГБ - нет!", "Да здравствует многопартийная система!". Скандирующих гебисты стали вырывать из круга и утаскивать в тюремные автобусы. Я наблюдала за этими "верными Русланами" - коренасто-мускулистые, особо натренированные они работали фантастически ловко: было

просто невозможно проследить глазами, как они утаскивали очередную жертву.

Справа, на паралете, демонстранты развернули уцелевшие плакаты: "Долой политическую полицию!". Площадь зааплодировала лозунгу и дружно стала скандировать: "Свобода! Свобода!". Двое молодых гебистов пролезли к державшим плакаты, на ходу поснимали с себя повязки дружинников, точно они - свои, "из народа". Они скватили транспаранты, а державших грубо спихнули. Окна автобусов завесили, чтобы нельзя было сосчитать арестованных. Демонстранты, сгруппировавшись у автобусов, стали скандировать: "Отпустите! Отпустите!" Один из арестованных прорвался к окну автобуса, вылез по пояс из окна, поднял к верху кулак и кричал: "Свобода! Свобода!". Площадь аплодировала ему.

Демонстранты опять подняли несколько уцелевших транспарантов: "Вся власть - советам!", "Заводы - рабочим!", "Земля - крестьянам!". И тут начался поистине эпический водевиль - милиция с гебней стали вырывать из рук демонстрантов эти ленинские сентенции! Но люди подхватили слова лозунгов и площадь начала скандировать: "Вся власть - Советам!".

Блюстители порядка уже набивали схваченными второй автобус, это снимали видеокамеры иностранных корреспондентов - что сильно огорчало милицию, разоблачение они считали своим досадным проигрышем.

Через какое-то время по правому флангу площади сгруппировались "неформалы". Они подняли портреты Горбачева и Ленина; плакаты все были "за перестройку". Мне понравился только один: "Отменить прописку, как наследие крепостничества!". У них был свой мегафон, выступали ораторы, видимо из Прибалтики, потому что держали свои национальные флаги. Они призывали к автономии национальных окраин, к праву на свой родной язык. Выступления их были убедительными - они осуждали террор, требовали демократических свобод. Но когда один из них заявил, что

милиция :здесь "только выполняет свой служебный долг" и призвал поднять руки в знак солидарности с органами правопорядка, вся площадь его освистала. Этот митинг длился недолго - "неформалы" законопослушны, и, когда чинов КГБ попросили их удаляться, они скромно ретировались.

На площади, судя по всему, находилось большое количество крупных чинов КГБ: солидные, хорошо одетые, они просто зорко следили за всем. Один из них, в сером костюме западного покроя, то влезал в свою машину, то вылезал, пока к нему не подлетел милицейский полковник: "Я же предлагал Вам задержать их всех на дому, а теперь, вот, иностранцы снимаю!".

Толстый субъект, сидевший в черной волге, объявил в громкоговоритель: "Товарищи! Решением Моссовета демонстрации, митинги и другие мероприятия временно запрещены, или могут проводиться только с разрешения Моссовета! Поэтому милиция имеет право разогнать митинг!".

С площади понеслись реплики: "Раньше Временные правила действуют уже семьдесят лет! Когда им будет конец?!".

Проходящий мимо рабочий, с серым лицом и жилистыми руками, сказал: "Нет, ребята, ничего у вас, кроме жертв, не получится. Посмотрите на их наглые рожи! Только оружие, только вооруженная борьба!". И, сплюнув в сторону, прошел мимо.

"Рожи" у них были не столько наглые, сколько наблюдался в них эдакий обвал черт - ни удивления, ни человеческих эмоций при виде огромного количества молодежи, которое как бы угрожало их вечному тотальному властованию.

Следует отметить большое количество провокаторов. Кто они такие - штатские или энтузиасты "по личному зову"? Вот один - низкорослый, загорелый, в черном костюме, кажется, уже знакомый. Он громко начинает вопить: "Избивают! Избивают! Проклятые цээрушки избивают!" Другой провозглашает: "У нас - бесплатное здравоохранение! Бесплатное образование!". И большая когорта бабенок, которые почти всегда сопровождают диссидентские демонстрации, собирают вокруг себя аудиторию: "Молодой чело-

век, зачем Вы сюда пришли? Вы еще молоды, ничего не понимаете! Жили бы себе тихо, радовались..."

"Пришел я, гражданочка, сюда, чтобы требовать освобождения политзаключенных! Разве это плохо - защитить ближнего в беде?"

Вот другая - полная, с бирюзовыми бусами: "Надо работать лучше, а не сбираться и безобразничать! Предложение - работать в выходной день!"

"Да ты никак, бабка, из надзирателей - только там выходных нет! Ты плати рабочим по европейским стандартам - ух как заработка, не остановиши!".

Три часа продолжала площадь кишеть народом, не желающим расходиться, несмотря на разгон. Три часа воевала власть со своим народом под лозунгом, распространенным рядом, на улице Горького: "Народ - главный фактор перестройки!".

После этого милиция начала волочь оставшихся к дверям метро. Я оказалась где-то в эпицентре толпы и силовая волна отбросила меня так, что я упала на спину, ударившись головой об асфальт. Друзья подхватили и подняли меня.

Кризис акции "перестройка" жизнь подает на каждом шагу. Активные действия пытаются пресекать в корне. Нужна была бы помощь западных радиостанций, которые могли бы, как в семидесятых годах, зачитывать обращения к народу. Но теперь время другое: о нем предупреждал еще Александр Солженицын - "Запад в любую минуту от нас отступится."

Сегодня, параллельно с демонстрацией и побоищем, проходил форум, где в основном говорили о сталинизме.

... Вспоминаю 12 июня этого года, когда на Пушкинской тоже было побоище демонстрантов. В сторонке скромно стояла группа молодых людей, держа лозунг с требованием создать мемориал жертвам сталинизма. Мимо этой группы энтузиастов-антисталинистов милиция и гибисты волоком волокли людей в арестантские автобусы. Антисталинисты смотрели и молчали...

История жертв сталинизма, не касающаяся жертв ленинизма и брежневизма, остается исторической сплетней.

Сегодня сквачено более сорока демонстрантов. Их держали в отделениях более

суток, потом — отпустили. Некоторым, как Николаю Галаеву, была вручена по-вестка — "явиться на следующий день за решением". Когда он пришел в отделение, в предъявленном ему обвинении значилось: "Призывал к свержению советского политического строя и дискредитировал советскую политическую полицию"! Подпись: "сержант милиции — (не разобрать)". Да и зачем разбирать, когда его хватала не милиция, а "штатские"?

Решение — штраф 50 рублей. Во время демонстрации Николай был сильно избит, да и в отделении ему "добавили". Когда он отправился в травмологический пункт, врачи позвонили в отделение, где им было отвешено: "это — демонстрант, антисоветчик!". Его попросили закрыть дверь с той стороны...

Москва, 25 июня 1988 г.

Адель Найденович

Уральский самиздат

Обзор журналов "Уральский вестник" и "Слово Урала".

"Состояние нашего общества в наст-оящее время и нарастающие попытки "тормозильщиков" заключить процесс демократизации в удобные для них рамки, превратить политическое творчество людей в "выпускание пара" ставят нас перед необходимостью издания независи-мого, открытого для различных точек зрения общественно-политического ин-формационного журнала "Слово Урала".

Редакция видит свою задачу в дос-товорном освещении событий, искажаемых либо замалчиваемых в официальной прессе. Редакция также намерена предос-тавлять страницы журнала для статей, освещающих вопросы идеологии, полити-ки, культуры, экономики, экологии и т. д."

Такими словами начинается первый выпуск независимого журнала "Слово Урала" (Свердловск, апрель 1988 г.). Тираж журнала не указан.

Первый раздел ("Новости Свердлов-ска") в основном посвящен свердловским "неформалам" — встрече представителей различных групп с инструктором обкома ВЛКСМ М. Файрушином по поводу подготовки областной конференции неформальных групп:

"В разговоре с 'неформалами' М. Файрушин не сказал о том, какую позицию занимают партийные и право-охранительные органы в вопросе о конфе-ренции. Отношение указанных организа-ций к проведению конференции на данный момент неизвестно, что вызывает весьма обоснованные сомнения в возможности

проведения такой конференции, ибо хоро-шо известно отношение этих организаций к неформалам вообще и к группам политической направленности в частности. Но... Чего только не может случиться в этом мире, тем более в эпоху гласности и перестройки".

На пятой странице журнала помещен репортаж с антисталинского митинга, состоявшегося 3 апреля в Историческом сквере Свердловска. Он был организован группой "Митинг-87", принимавшей ак-тивное участие в организации демонст-раций в защиту Ельцина в ноябре-декабре 1987 года. Организаторы митинга были подвергнуты давлению со стороны властей, так что им пришлось перенести митинг к зданию цирка. В нем участвовало около трехсот человек. Ло-зунги: "Политический плюрализм — га-рантия от сталинизма", "Сталинских подручных — к ответу". Вот выдержки из наиболее интересных выступлений:

А. Ратушный: "Я — сын репрессирован-ного в 1937 году. Моя мать была репрес-сирована в 1946 году. Родился я на Ко-лыме, за три дня до смерти Сталина. Я отношусь к репрессированным в 1988 году. Я утверждаю — сталинизм дейст-вует. Stalin будет жить до тех пор, пока мы не осознаем свою ответствен-ность за происходящие события. Советс-кая пресса — труслива. На 9/10 ее содер-жание — только о положительном. Если человек рискует подать объективную ин-формацию, он рискует быть подвергнутым преследованиям. Честный корреспондент

рискует жизнью. Кому это выгодно? Кому выгодна неправда, которая публикуется в газетах? Когда газета располагает объективной информацией, кому выгодно, что нас отвлекают средствами массовой культуры низкого пошиба, в то время как существует масса проблем, о которых надо кричать?..

Я знаю, что меня могут увести из дома, как когда-то увела деда. И тем не менее я считаю своим долгом добиваться правды, добиваться гласности любой ценой. Потому что я понимаю, мы можем оставить детям вот этот цирк, вот эту телебашню, но если мы не оставим нового общества, с новыми отношениями, когда люди не будут бояться говорить правду и не будут ходить согнутым вопросом перед своими начальниками, все будет напрасно. Никакими словами и ссылками на всякие объективные трудности нельзя оправдать те факты, когда один человек уничтожает другого человека. Любим приемом. А сейчас действует система уничтожения, причем физического уничтожения. Никто не оценивает фактор времени как ведущий. Мало того, что мы не располагаем пространством, но мы еще не располагаем временем. Нам предоставляют время в избытке только тогда, когда мы сидим и помалкиваем. Молчать, ни о чем не думать. Серость наше знамя. Почему у нас красные знамена? У нас должны быть серые знамена. Потому что символ наш — серое мышление, отсутствие всякой самостоятельной мысли".

Далее в журнале публикуется небольшая статистическая заметка о числе жертв сталинских преступлений. Автор называет конечную цифру: 24 515 000 человек. Об источниках — ни слова. Но какая же может быть статистика без указания метода проведенных исследований? Профессор И. Курганов в свое время определил число жертв сталинщины в 25-27 миллионов. А как быть с жертвами "ленинщины"? Или автор неставил себе задачи подсчитывать погибших до официального наступления "культы личности"?

В статье "Дальше-то... некуда" И. Яковлев, сравнивая правление Николая I с правлением Сталина, пишет, что "мрачные краски николаевщины бледны по срав-

нению со сталинским режимом", и далее переходит к Брежневу:

"Данная К. Д. Кавелиным характеристика николаевщины сопоставима со временем, когда власть удерживал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. Несмотря на формальные похороны сталинизма на 20-м и 22-м съездах КПСС, он вставал из гроба, и больницы превращались в тюрьмы, несогласные с авторитарно-бюрократическим режимом — в душевнобольных и лишались гражданских прав, утверждались законы и готовилась реформа (при Генеральном секретаре Ю. В. Андропове) сталинского типа, борцы за социально-экономический прогресс бросались в тюрьмы, происходило срастание хозяйственной, советской и партийной бюрократии, органов охраны правопорядка и уголовного мира, реставрировались феодально-байские отношения и т. д. Застой и торможение (реакция) экспортировались за рубеж: в Венгрию, Чехословакию, Польшу и др. страны. Как сейчас экспортируется "перестройка" (...) Однако ход перестройки и обновления общества удовлетворить никого не может: созданная сталинистами чудовищная экономическая машина продолжает перемалывать трудовые и материальные ресурсы с исключительно низким КПД, социальные гарантии от реставрации сталинизма отсутствуют, демократизация протекает вяло, зачастую отсутствует вообще. Чиновничий аппарат на-саждается сверху, отсутствует эволюционное обновление выборных органов и широкое участие народных масс в управлении государством и т. д.

Агония новой социально-экономической системы, начавшаяся более полувека назад и принимавшая периодически чудовищные формы, продолжается. Мало оптимизма вызывает фраза: "Надо идти дальше... дальше... дальше!", которой заканчивается пьеса Михаила Шатрова "Дальше... дальше... дальше!" При существующей политико-социально-экономической системе, которая характеризуется как авторитарно-бюрократическая (Л. А. Гордон, доктор исторических наук ИМРД АН СССР), идти дальше-то... некуда".

В статье "О некоторых гарантиях от сталинизма в СССР" А. Клочков приходит к выводу, что советская конститу-

ция не дает никаких гарантий от нового культа, пока в ней существует статья о руководящей роли КПСС.

"Наш отечественный сталинизм не единственное явление такого рода. Подражаний было сколько угодно. Достаточно вспомнить режим Гомулки в Польше, обстановку в Венгрии до 1956 года, Китай, Кампучию. Что касается развитых стран Запада, то там, как ни странно, ничего подобного не наблюдается. Как же они этого достигли? На мой взгляд, здесь четыре основных момента:

1. Реальные выборы без ограничения количества кандидатов.

2. Установление предельного срока пребывания у власти.

3. Многопартийная система. При этом оппозиционные партии и группы, имеющие доступ к средствам массовой информации, играют роль той щуки, которая не дает дремать карасю.

4. Высокий уровень политической активности населения."

Описание встречи представителей группы "Митинг-87" с представителем Свердловского горисполкома Шамановым П. М. по поводу получения разрешения на проведение митинга, посвященного памяти жертвам сталинского режима, не слишком отличается от описания других встреч представителей номенклатуры с "неформалами". Оно кончается фразой: "В выдаче решения в письменной форме горисполком отказал".

*

"Такая, видно, у меня судьба. Стать редактором. Я узнал об этом, когда ко мне домой пришли несколько человек (посланцы судьбы, как сказали бы в старых романах) и за чаем сказали, что они решили издавать независимый журнал и что редактором выбрали меня, единогласно.

К концу чаепития я согласился. Поэтому что — судьба. Потому что у всех нас, читатель, теперь одна судьба — строить (делать, завоевывать и т. д.) демократию. Правительство даровало нам демократизацию, но демократию сверху не дашь, не подаришь и не насадишь. Это тиранию, всеобщий конформизм и раболепство можно насадить сверху. А демо-

кратия — это непрерывные усилия всех, непременно всех и непременно непрерывные, как при езде на велосипеде: остановился — упал".

Так открывает первый выпуск журнала "Уральский вестник" (Свердловск, февраль 1988 г.) его главный редактор Анатолий Верховский. По внешнему виду и объему "Вестник" мало чем отличается от "Слова Урала", разве что на пять страниц тоньше. Да и по содержанию и политической направленности он мало отличается от своего самиздатского земляка: заседания свободного клуба "Дискуссионная трибуна" (о нем см. "Посев" № 3, 1988), экологические митинги в Нижнем Тагиле, хроника "ельцинских волнений" конца прошлого года, встречи "неформалов" с "отцами города", и, как и в "Слове", одним из главных действующих лиц остается группа "Митинг-87", на двадцать третьей странице журнала опубликованы ее программа и устав:

ПРОГРАММА

Признавая необходимость демократии для придания перестройке в обществе необратимого характера, Инициативная группа "Митинг-87" предлагает:

1. Добиться проведения митингов как форм обсуждения любых социальных, политических, правовых, экономических и т. п. вопросов (не исключая участия в различных официальных дискуссиях).

2. Издавать общественные печатные материалы и добиться участия в любых других печатных органах.

3. Получать и распространять любую информацию в соответствии с Хельсинкскими и другими международными соглашениями по правам человека.

4. Признавать и сотрудничать на равноправной основе с другими политическими партиями, неформальными объединениями и группами, общественными и религиозными организациями.

5. Выдвигать кандидатов в депутаты любых органов государственной власти и активно участвовать в избирательных кампаниях.

6. Отывать депутатов, дискредитировавших себя в глазах избирателей.

УСТАВ

1. В своей деятельности общественно-политическое объединение Инициативная группа "Митинг-87" руководствуется ст. 48 Конституции РСФСР (ст. 50 Конституции СССР).

2. Членом объединения может быть любой человек, независимо от его партийной, религиозной, национальной и социальной принадлежности.

3. Любой член объединения имеет право свободно выражать свое мнение и быть выслушанным.

4. Группа открыто защищает честь и достоинство своих членов от любых форм ущемления их конституционных прав.

5. Свои обязанности перед объединением каждый участник выполняет согласно своей чести, убеждениям и возможностям.

6. Необходимые денежные средства для деятельности объединения создаются путем добровольных пожертвований.

Контроль за финансовой деятельностью осуществляют лица, уполномоченные общим собранием.

Прошли те времена, когда оппозиционное движение было сконцентрировано в Ленинграде и Москве - неформальные группы, независимые издания, митинги и демонстрации сегодня уже не редкость даже в маленьких провинциальных городах и селах. Правда, Свердловск провинциальным не назовешь...

И все же, волна политической активности, начавшаяся после "ельцинских волнений", когда, как пишет "Уральский вестник", "возмущение кухонь и недоумение курилок выплеснулось вдруг на улицы и площади столицы Урала", и, не улегшаясь до сих пор, ставит бывший Екатеринбург на особое место в списке беспокойств нынешних наследников Сталина.

И можно предполагать что уральцы и в дальнейшем сохранят за собой эту репутацию.

А. К о в е н с к и й

*Полный текст первого выпуска "Уральского вестника" будет опубликован в журнале "Грань"

Народно-Трудовой Союз российских солидаристов

Народно-Трудовой Союз российских солидаристов (НТС) существует с 1930 г. Основная идея НТС, отразившаяся в названии организации, - построение свободного Российского государства, основанного на насилии и классовой борьбе, а на выкликивании народной воли, свободном труде граждан и солидарности всех слоев общества в служении общему благу. НТС борется за устранение существующего режима. Сегодня НТС считает необходимым проведение в нашей стране следующих перемен:

- отказ от насилия во всем мире "братьских" режимов и от помощи им; нормализация отношений с Западом; возвращение всех наших войск из-за границы; сохранение боеспособности армии на уровне, достаточном для отражения иностранного вмешательства в наши дела;

- обращение всех средств и усилий на разрешение внутреннего, углубляющегося кризиса во всех областях жизни;

- поднятие жизненного уровня, для чего надо: освободить огромные средства, расходуемые на не нужные нашему народу, идеологически обусловленные цели; отказаться от системы тотального планирования; ввести в экономику принципы свободного рынка, поощрять частную инициативу, заинтересованность людей в результатах своего труда;

- восстановление правды о прошлом России; устранение препятствий для развития национальных культур всех народов нашей страны; обеспечение свободы религии;

- создание открытого общества и условий для политического плюрализма; введение правовых норм регулирования общественной жизни; освобождение политических заключенных; привлечение всего населения к обсуждению дальнейших мер по оздоровлению жизни в стране; подготовка и проведение выборов в органы управления на всех уровнях.

Никто за нас нашего дела не сделает. А делать все возможное, пока не поздно, нужно сейчас. На территории СССР группы НТС действуют подпольно: распространяют литературу, листовки, информацию о положении в стране, фактах сопротивления; привлекают к работе надежных людей, способствуют созданию независимой атмосферы и росту веры народа в свою силу. Между собой эти группы не связаны, но имеют связь с зарубежным центром, который обеспечивает их литературой, печатной техникой и осуществляет координацию их действий. Если невозможно установить связь с зарубежным центром, допускается вступление в НТС самоп्रиемом. Письма в зарубежный центр НТС следует отправлять с выезжающим на Запад надежным человеком по адресу: Postbus 902, NL-Rotterdam, Nederland (Голландия).

После подписания Женевских соглашений

В. РЫБАКОВ

Эвакуация войск продолжается

15 мая, как было предвидено Женевскими соглашениями "о политическом урегулировании обстановки вокруг Афганистана" (см. "Начало вывода войск - 15 мая", "Посев" № 5, 1988), началась эвакуация наших войск из Афганистана - последний советский солдат должен покинуть страну к 15 февраля 1989 года.

Колонны советских войск идут на Кабул, затем по шоссе на перевал Саланг и через горы Гиндукуш к нашей границе. До Кабула войска прикрываются с воздуха эскадрильями боевых броневертолетов и штурмовиков, оперирующих в Афганистане, после Кабула и до границы эстафету принимают ВВС, базирующиеся в основном на советской территории. Афганское сопротивление заявило, что раз советское руководство отказалось вести переговоры с Исламским союзом (состоящим из 7 партий) о перемирии, то эвакуирующиеся советские войска будут находиться под постоянным огнем партизан в течение всего их пути к советской границе. На деле партизанские отряды ограничились нескользкими засадами. Однако в некоторых районах командование 40-й армии все же сумело договориться с партизанскими командирами о перемирии на время вывода войск из контролируемой ими территории: например, 26 мая известный командир Масуд дал советским войскам (5 тысяч) покинуть долину Панджшер без единого выстрела. После ухода советских войск силам Исламского союза было легко (почти без боя) овладеть многими укрепленными пунктами, такими, например, как Барикот, Джаджит, Чауни.

Ходят слухи, что генштаб хотел выводить войска сразу большими, многотысячными группами, считая этот способ эвакуации наиболее безопасным, однако Политбюро отказалось,

чтобы не усиливать панику среди афганских правительственных войск и коммунистических афганских номенклатурщиков. В некоторых случаях советскому командованию пришлось даже отправить войска, чтобы занять уже эвакуированные позиции, опасаясь, вероятно, что они могут быть захвачены слишком быстро партизанскими отрядами.

Война и гласность

Мы разделяем радость миллионов родственников ребят, воевавших в Афганистане, воюющих, уже выведенных из этой страны, собирающихся в ближайшем будущем идти на призывные пункты: война СССР в Афганистане подходит как будто к концу и ее перестали замалчивать.

Но мы не можем вместе с тем не указать, что горбачевская гласность стремится к тому, чтобы граждане СССР благодарили коммунистическую номенклатуру за прекращение войны в Афганистане, когда только за эту войну ее нужно было бы судить политическим судом и осудить за неподготовленность к этой войне, некомпетентность в течение всего времени ее продолжения и за сокрытие правды о ней, да и за само ее начало. Война в Афганистане была продиктована не государственной необходимостью, а подчинением партийной концепции: каждая страна, граничащая с СССР и вступившая на путь социалистического развития, - с этого пути сойти не должна. Эта партийная концепция привела к тому, что дружественный еще десять лет назад Афганистан стал нашим врагом со всеми вытекающими для нашего общества последствиями - горькими и кровавыми. Также чрезвычайно важно понять, что советское руководство во главе с Горбачевым начало вывод войск не потому, что убедилось в ошибочности вышеуказанной

концепции, даже не потому, что решило отказалось от войны в Афганистане как от войны невыгодной для СССР, но исключительно руководствуясь необходимостью видоизменить на время перестройки внешнюю политику СССР, временно отказать от экспансии.

У нашего общества нет ни малейшей гарантии, что в скромом будущем коммунистическая власть не возобновит экспансию, не пошлет вновь нашу молодежь на смерть и палачество ради достижения целей, приносящих нашей стране только вред... Этой войной власть нанесла не только нашей стране и обществу экономические, психологические и иные раны; мы не должны забывать, что нашими руками власть уничтожила больше миллиона афганцев и превратила большую часть Афганистана в пустыню. Наша армия разрушила и уничтожила в процентном отношении в Афганистане больше, чем немцы на нашей территории в течение Второй мировой войны.

Предварительные итоги оккупации

Эвакуируясь из Афганистана, 40-я армия оставляет за собой (исключая северную часть страны) опустошение как экономическое, так и демографическое. За годы войны страна потеряла больше половины поголовья скота, оросительных каналов и фруктовых садов. Важнее всего, конечно, восстановление оросительных каналов, без которых сельское хозяйство обречено. Однако перед началом их капитального ремонта нужно, впервые, буквально разминировать страну (осталось более 5 миллионов мин), во вторых, найти необходимые средства.

То, что эта бедная страна естественно создавала столетиями, было разрушено нашей армией за одно десятилетие.

Какова ныне численность населения в Афганистане и сколько человек эмигрировало? Сколько человек способно немедленно взяться за восстановление сельского хозяйства? Официально в Афганистане до захвата власти коммунистами в 1978 году и последующего вторжения наших войск в 1979 году проживало 17 миллионов человек, однако, многие западные специалисты считают эту цифру

дугой, предназначеннной для различных международных политических и финансовых организаций с целью получения от последних необходимых кредитов и иной помощи. Вероятнее всего, что до 1978 года население страны равнялось 14 миллионам. Из них 2 миллиона - кочевники, которых нужно сразу отделить как непригодных для восстановления земледелия. Остается 12 миллионов. За годы войны немногим более 5 миллионов эмигрировали в Пакистан и Иран, еще 1,5 миллиона - в другие страны. Остается 5,5 миллиона, из которых нужно вычесть 3 миллиона человек, ныне проживающих в Кабуле и его пригородах и получающих более половины необходимого продовольствия из СССР (в 1978 году население столицы не превышало 500 тыс. чел.). Нужно также вычесть осталное немногочисленное городское население страны, более миллиона погибших и неопределенное даже приблизительно число искалеченных... А затем прибавить к оставшимся сельским жителям (меньше, чем миллион) неопределенный процент прироста населения, который в военное время не может быть большим. Вывод может быть (даже при колебании тех или иных данных) только один: массовое возвращение в родные места беженцев внешних и внутренних вызовет голод, равный голоду в СССР во время коллективизации или в Эфиопии сегодня (он также, кстати, результат коллективизации). ООН подсчитала, что для восстановления экономической базы Афганистана понадобятся 4 года и помочь Запада, оцененная минимально в 2 миллиарда долларов.

Стратегия Исламского союза

До начала эвакуации частей 40-й армии Исламский союз заявил, что, как было указано выше, партизанские отряды будут нападать на тянувшиеся к границе колонны советских войск, а главное, начнут штурмовать оставленные советскими войсками такие крупные населенные пункты, как Джелалабад, Хост, Гардез, Газни, Кандагар. Однако партизанские отряды ограничились несколькими засадами и захватом только

укрепленных пунктов, не оказавших большого сопротивления. Лидеры Исламского союза и партизанские командиры на местах на вопросы журналистов отвечали, что не видят причин брать штурмом города, которые через некоторое время будут ими освобождены без боя (они уже могут считаться находящимися в тылу). Вряд ли оставшиеся там гарнизоны кабульских войск окажут упорное сопротивление: они сдаются либо будут спешно эвакуированы. Исламский союз считает в настоящее время самой важной стратегической задачей захват Кабула.

Исламский союз уверен, во всяком случае официально, что падение столицы равносильно полной победе Афганского сопротивления над просоветским режимом. Пока же партизанские отряды и соединения будут продвигаться вперед за уходящими советскими войсками и готовить "решающую битву за Кабул".

Политическая стратегия. Исламского союза также ясна: в Пешаваре было в июне образовано Временное правительство из 11 человек. Министры этого правительства не являются видными лидерами Исламского союза, а это означает, что составляющие его семь групп не могут найти общего языка, не могут выработать единой политической платформы. Вероятнее всего, что Временное правительство было, образовано исключительно с дипломатической целью: посадить его в одном из освобожденных городов, лучше всего в Джелалабаде, и еще до штурма Кабула сделать все возможное, чтобы наибольшее число стран признали его в конной власти Афганистана. Исламскому союзу это тем более необходимо, поскольку он сам, подчиняясь решению пакистанских властей (подписавших Женевские соглашения), должен постепенно перебросить на освобожденные территории юга Афганистана свои службы, лагеря и склады снабжения и боеприпасов. Репатриация из Пакистана Исламского союза началась 13 мая — дорога из Пешавара к Тери-Монгалу, основному перевалочному пункту Исламского союза на пакистано-афганской границе, была забита колоннами грузовиков, доставляющих под санитарной "Стингеров" в подземные казематы Тери-Монгала тысячи

тонн военного груза. Тери-Монгал был не раз подвергнут ракетным и бомбовым ударам ВВС СССР и Афганистана, однако не этот раз советское командование не облазнилось столь заманчивой целью.

Начав репатриацию в Афганистан, Исламский союз, тем не менее, продолжает сопротивляться всеми силами репатриации беженцев. Причин тому несколько. Во-первых, толпы возвращающихся беженцев будут только мешать ему продолжать активные военные действия, во-вторых, партиям Союза трудно договориться о распределении беженцев по контролируемым ими территориям, в-третьих, ООН и другие организации, занимающиеся решением вопроса о возвращении афганских беженцев, не собрали еще нужных средств и не сумели создать необходимые для репатриации условия (нужен транспорт, распределение продовольствия вдоль маршрута и т. д.).

Наджиб суетится

У главы просоветского афганского режима Наджиба никогда еще не было столько забот: ему нужно усилить боеспособность своих вооруженных сил, справиться с фракциями в собственной партии, бороться с растущей паникой, связанной с эвакуацией советских войск, найти дополнительную помощь в разных тоталитарных странах, добиться от Запада нейтралитета по отношению к войне, которую после вывода советских войск нужно будет вновь считать гражданской, постараться получить от Запада как можно больше средств "под беженцев" и на восстановление экономики. И все это — одновременно.

Шансов же добиться успеха у Наджиба маловато. Кабульские войска и до начала эвакуации советских войск не отличались боеспособностью, легко сдавались, часто переходили на сторону партизан, а эвакуация 40-й армии вряд ли может их ободрить. Скорее наоборот, она способна отнять последние иллюзии относительно окончательной победы просоветского режима. А фракционная борьба в НДПА между Хатиком и Парчамом, которая утихала во время оккупации только в результате активного вмешательства

КГБ, ГРУ и штаба 40-й армии, может после вывода войск разгореться с новой силой. Тем более, что министр внутренних дел генерал Гулабзой явно стремится спихнуть Наджиба и занять его место. Наджиб принадлежит к фракции Парчам, на его стороне часть армии и МГБ (ХАД), вооруженные силы которого достигают 50 тысяч человек. Гулабзой принадлежит к фракции Халк, на его стороне часть армии и царандой (милиция), насчитывающий официально более 100 тысяч человек. Надежда, что вывод советских войск заставит Парчам и Халк объединиться перед лицом смертельной опасности, у Наджиба есть, но она зажата между кровавой ненавистью фракций друг к другу и все растущей в обеих фракциях паникой. Что касается поисков дополнительной помощи, Наджиб был в июне в Москве и в Гаване. Вероятнее всего, советское руководство окажет афганскому режиму помощь и постарается запрячь в телегу, которая должна вытащить Наджиба из болота, другие социалистические страны, в том числе Кубу. Но от Запада во главе с США Наджибу ничего хорошего ждать не следует, даже равнодушия: большинство стран Запада убеждены, что просоветский афганский режим обречен, так что вряд ли может идти речь в настоящее время о предоставлении ему экономической помощи или кредитов. В июне Наджиб выступал в ООН, был в Вашингтоне. Успехов эти поездки ему не принесли, так как главной его задачей было добиться прекращения помощи Исламскому союзу со стороны США и Пакистана, а американская администрация, уверенная в поддержке Конгресса по этому вопросу, вежливо, но твердо ему повторила, что, пока СССР будет оказывать помощь режиму, во главе которого он стоит, до тех пор и США будут оказывать помощь Исламскому союзу. Наджиб был и в Индии, где его приняли сочувственно (Индия, будучи врагом Пакистана, выступает против оказания военной помощи последнему со стороны США), но ничем особым помочь не обещала.

В целом положение просоветского режима не перестает ухудшаться. Однако было бы преждевременным утверждать, что он будет уничтожен сразу же после

полной эвакуации 40-й армии из Афганистана.

Расчет советского руководства

Советское руководство и советское командование прекрасно отдают себе отчет, что после вывода советских войск афганскому режиму будет невозможно контролировать занятые им позиции почти во всех провинциях страны, кроме северных. Трудно определить, было ли принято в Политбюро решение практически присоединить к СССР северные провинции Афганистана (официально они объявили бы себя независимыми или автономными) или же просто было заблаговременно решено создать на севере этой страны легко обороняемый плацдарм, но работы по строительству долговременной оборонительной линии на севере начались лет восемь назад. Линия эта тянется от провинции Бадахшан через провинции Тахар, Кундуз, Баглан, Саманган, Балх, Джоузджан, Фая до провинции Баджис, но без Герата. Работы по укреплению и усовершенствованию этой линии обороны не прекращались в течение всех лет войны. Согласно оценке не только советских офицеров (оценке, разумеется, неофициальной), но и западных специалистов, эта северная линия обороны представляет собой "почти неприступную крепость". Сегодня можно с уверенностью предположить, что если и будет битва за Кабул, то она не будет яростной – кабульский режим сдаст Кабул, уйдет за северную линию обороны, объявит административной столицей Мазари-Шариф и будет с помощью СССР выжидать удобного времени для контрнаступления. Таков, по всей вероятности, расчет советского руководства и советского командования.

Пока же идет победоносное наступление отрядов Исламского союза и медленная эвакуация наших войск, и мир ослеплен надеждой, что Афганская война вот-вот закончится: на Западе и в мусульманских странах надеются на скорое поражение СССР и затем просоветского афганского режима, а у нас – на то, что не придется больше погибать в этой чужой и не приносящей нам никаких выгод стране.

Наши пленные

В. РЫБАКОВ

Под занавес (будем надеяться) девяносто-летней Афганской войны вожди не только вспомнили о наших пленных, томящихся в афганской неволе, но - бурно "побудили" их. Средства массовой информации как с цепи сорвались. Запестрели заголовки вроде "Халик из Таджикистана", или "Как советского военнопленного пытались превратить в борца против неверных", "Луч горестной надежды", "Мы вернем их!", "Никто не забыт - святая заповедь". Вплоть до официального обращения советских граждан к пакистанскому президенту: "...Мы просим Вас, господин Президент, принять личное участие в судьбе наших соотечественников и помочь в их возвращении на Родину". Официально несколько месяцев назад было заявлено, что мы потеряли в Афганистане пропавшими без вести 311 человек. Во многих статьях указывается (как, например, в статье "Мы вернем их!", "Советская молодежь", 1 июля 1988) что: "...некоторые погибли в боях. Но многие, и их большинство, живы. Они находятся в плену. Их жизнь в опасности. Правда, наше правительство и командование Советской армии делают все возможное, чтобы спасти их".

Действительно, советское руководство дало приказ спасти пленных. Был даже создан в нынешнем году в США Международный комитет за спасение пленников в Афганистане, в который вошли ряд видных артистов, таких как Марина Влади и Михаил Шемякин, заявивший "Литературной газете" (№ 25, 1988, с. 9): "...Ведь президент Рейган публично обещал в Москве поспособствовать возвращению пленных советских солдат на Родину. Надеюсь, что он сдержит свое слово. Для этого мы в ближайшие дни направимся в Белый дом. Одновременно обратимся к президенту Пакистана. Начнем прямые переговоры и с вожаками афганской оппозиции".

Гнусность гласности заключается в том, что полностью замалчивается былое

отношение советского руководства, в том числе и в первые два года перестройки, к пленным. Поэтому следует напомнить, что с самого начала войны коммунистическое руководство нашей страны руководило сталинским изречением: "у нас нет пленных, есть только предатели". В самом начале войны афганские партизаны не раз обращались к командованию 40-й армии с предложением обменять пленных. Обмен пленными - самое обычное явление любой войны. Израильяне, например, часто меняли одного своего военнослужащего на сотни, а иногда и на тысячи военнослужащих противника. Каждый израильский солдат знает, что, окажись он в плену, его страна сделает все возможное для его спасения.

Наше командование выбрало противоположную политику по отношению к попавшим в афганский плен военнослужащим: оно не только не обменивало их на пленных партизан, которыми набиты тюрьмы и лагеря, но старалось их уничтожить, особенно офицеров. Известны многие случаи, когда отряды партизан или партизанские базы подвергались особенно упорным обстрелам и бомбардировкам только из-за того, что на контролируемой ими территории находились захваченные советские военнопленные. И часто, когда нашей армии не удавалось убить попавших в беду своих собственных военнослужащих, это делали сами партизаны, чтобы избежать этим вторичного налета, а заодно отомстить за своих погибших. Ныне, в период гласности, об этом не пишут и, вероятно, никогда не напишут, поскольку последние такие случаи происходили уже во времена нынешней горбачевской перестройки.

Единственная попытка советской номенклатуры (ее представителей вернувшиеся домой "афганцы" называют "внутренними душманами") спасти пленных относится ко второй половине 1982 года. Тогда советские руководители

договорились с Международным Красным Крестом о передаче пленных СССР через Швейцарию. Афганские партизаны согласились, думая, вероятно, что "русские" наконец образумились и согласны на обмен пленными. Горстка пленных была перевезена в Швейцарию, интернирована на два года, после чего часть пожелала вернуться в СССР, часть попросила политическое убежище на Западе (многие из них затем тоже вернулись в СССР). Однако советское руководство и не думало об обмене - и в этом убедившись, афганские партизаны отказались от дальнейшей передачи Красному Кресту советских военнопленных. Отношение советского руководства к пленным - как к своим, попавшим к афганцам, так и к афганцам, попавшим в советский плен - привело к гибели сотен ребят, которых можно было бы легко спасти. Тот факт, что почти всех захваченных афганских партизан наши войска либо убивали на месте, либо передавали компетентным органам для допроса с "пристрастием", после которого живой труп чаще всего добивали - не могло настроить партизан миролюбиво по отношению к захваченным советским военнослужащим. Кроме того, сама специфика партизанской войны (во все века и в любой части света) вынуждает партизан из-за отсутствия надежного тыла уничтожать пленных. Наконец, Джihad (священная война) требует полного уничтожения врага, а кровная месть толкает часто человека на "изощренное" уничтожение.

В процентном соотношении наших пленных в Афганистане погибло гораздо больше, чем советских пленных, захваченных немцами во время второй мировой войны. Что же касается числа советских пленных, то нельзя доверять ни афганским, ни советским источникам. Афганцы преувеличивали их число по вполне понятным соображениям; кроме того, пленные часто были обменной монетой, часто перебрасывались из одного партизанского отряда в другой, так что один пленный легко мог числиться во многих отрядах одновременно. А официальная цифра в 311 человек относится не к пленным, а к пропавшим без вести, а пропавший без вести есть

"лицо, безвестное отсутствие которого удостоверено в установленном порядке". Поэтому есть все основания считать, что установленное советским командованием число военнослужащих, попавших в плен, остается военной, вернее, политической тайной.

Нужно также не забывать о погибших и попавших в плен советских гражданских лицах. Их число тоже пока политическая тайна, однако известно, что советское руководство к ним относилось столь же преступно, как и к военнослужащим. Ярким примером этому является судьба погищенного партизанами 14 сентября 1981 года Е. М. Охримюка, руководителя группы советских геологов по поискам и разведке твердых полезных ископаемых в Афганистане, советника министра горных дел и промышленности ДРА, друга тогдашнего председателя СМ СССР Тихонова. Все просьбы Охримюка, обращенные к советскому руководству - спасти ему жизнь, остались без ответа - и он был убит партизанами.

К советским военнослужащим, дезертировавшим из 40-й армии, отношение особое. По сути дела советское руководство дало амнистию только пленным. Но в настоящее время освобождают также перебежчиков, в первую очередь живших некоторое время на Западе, прежде чем быть депатрированными. Например, Николай Рыжков был осужден (в общей сложности на 13 лет) за государственную измену. Поэтому официально он не подлежал амнистии: ему посоветовали подать прошение о помиловании - и он был помилован в индивидуальном порядке. Все ли перебежчики, в особенности не известные на Западе, были помилованы? Ходили, например, слухи, что вернувшийся из Англии Рыков Игорь Федорович был расстрелян, а Хлань Олег Григорьевич - получил то ли 10, то ли 13 лет за государственную измену. Проблема перебежчиков наиболее трудная, поскольку одни бежали не к афганцам, а от войны, куда глаза глядят, другие - от трибунала, трети - от издевательств "стариков", четверти - на Запад, пятые руководствовались религиозными побуждениями. Каждый случай требует индивидуального пересмотра.

Если гнусность гласности по вопросу, касающемуся пленных, налицо, все же нужно радоваться пусть запоздалому, но все же как будто твердому решению советского руководства спасти пленных. Нужно надеяться, что Международному комитету за спасение советских пленников в Афганистане будет сопутствовать удача. Думается, советское руководство эту "удачу" ему организует. Но читателю нужно знать (или вспомнить), что в 1983 году был создан в Англии при активном содействии НТС Комитет спасения советских пленных в Афганистане, т. е. за пять лет до создания вышеуказанного комитета (и позволительно спросить, о чем тогда думали Марина Влади и Михаил Шемякин... вероятно, не о наших пленных...). В первом обращении Комитета спасения советских пленных в Афганистане было указано:

"Спасение советских пленных задача неотложная, но и очень трудная. В Англии для этой цели создан Комитет под председательством графа Николая Толстого-Милославского, в который вошли многие представители эмиграции – иерархи православной Церкви, писатели, журналисты, деятели искусства, ученые, общественные деятели. Рабочая группа Комитета установила непосредственный контакт с различными группами афганского освободительного движения с целью поощрять, где нужно – даже материально, гуманное обращение с советскими пленными, объяснять его политическую выгодность. Речь идет не о призывае к советским солдатам сдаваться в плен. Но в боях, особенно в партизанской войне, нередко условия складываются так, что плен становится неизбежным. В настоящий момент в Афганистане в руках у повстанцев находится свыше 200 пленных советских солдат. Им пока сохранили жизнь. Но попадет тот или иной партизанский отряд в тяжелое положение – и жизнь такого пленного повиснет на волоске. По мере возможности Комитет будет оказывать спасенным советским пленным духовную, юридическую и материальную помощь, независимо от их национальной принадлежности, религиозных и политических убеждений".

НТС И ГЛАСНОСТЬ

Об отношении НТС к Афганской войне "Посев" писал в течение всех лет войны не раз, как и о работе НТС в Афганистане по распространению среди военнослужащих 40-й армии информации о войне и по спасению наших пленных. Со своей стороны, средства массовой информации многократно пытались убедить читателей в том, что НТС в Афганистане "подстрекает к предательству Родины, к пособничеству врагу", что "ложь и ненависть тесно сплетаются в этих листовках". Названия статей говорят сами за себя: "Кто стоит за спиной рыцарей ночи" ("Литературная газета" от 7.9.83), "Шакалы в волчьем логове" ("Огонек" №№ 26 и 27, 1983), "Басмачи и НТС" ("Голос Родины", № 50, 1983). Со времени написания этих статей прошло пять лет, и нужно констатировать, что гласность обошла стороной НТС. Методы остались прежними, грубыми, примитивными. Они четко ограничивают границы гласности. И подтверждают вывод, что гласность – лишь орудие в руках спасающей себя тоталитарной власти. В самом деле, не могут же вожди гласности говорить правду о политике НТС в Афганистане, раз преступная политика советского руководства по отношению не только к афганцам, но и к собственным военнослужащим имела место не только во времена Брежнева-Андропова, но и при Горбачеве, да что там – она еще несколько месяцев назад продолжала действовать и губить людей. Они не могут объявить, что еще в 1980 году НТС в одной из своих первых "афганских" листовок писал: "Мы не даем вам, солдаты, никаких конкретных рецептов. Что можно делать и чего нельзя – вам на месте виднее самим. Мы хотим только, чтобы вы узнали правду и передавали ее другим. Чтобы вы поняли причину грозящей нашей стране катастрофы и правильно оценили побуждения НТС, который за предотвращение этой катастрофы борется. Чтобы вы, солдаты и офицеры, в предстоящих событиях стали на сторону сил, борющихся за освобождение и оздоровление нашей страны".

Полный текст этой листовки был опубликован в "Посеве" (№ 9, 1980). А

в "Посеве" № 12 за тот же 1980 год руководство НТС, отвечая на письмо из России, указало в частности, что "...Еще в мае 1980 г. НТС обращался в Международный Красный Крест по вопросу о взятии этой организацией под свое покровительство советских военнопленных в гуманных целях, ради спасения их жизней. На это обращение до сих пор ответа нет", а также: "...призывать советских солдат сдаваться в плен, не имея гарантий, что им будет сохранена жизнь, НТС не может. Что касается призывов к советским солдатам не стрелять в повстанцев, то известен ряд случаев, когда за отказ стрелять со-

ветских солдат расстреливали на месте". И еще: "Что касается фразы о разложении войск противника, то мы считаем ее неверно сформулированной. Это коммунистическое руководство разлагает наших солдат, вынуждая их выполнять преступные приказы, воспитывает их в чуждых российской армии традициях".

Как бы то ни было, ясно, что во времена гласности не советские средства массовой информации, а российская оппозиционная пресса будет и впредь писать правду об Афганской войне, правду о ее прошлом, настоящем и будущем.

● ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

Как прошла партконференция

А. АРТЕМОВ

С 28 июня по 1 июля 1988 года проходила XIX Всесоюзная конференция КПСС. До войны партконференции всесоюзного значения, носившие, в принципе, совещательный характер и собиравшие представителей региональных организаций, проводились регулярно между съездами партии, и последняя, XVIII партконференция, после XVIII партсъезда (1939 года), состоялась накануне войны - в феврале 1941 года. С тех пор, целых 47 лет, такие партконференции не созывались, они исчезли из Устава КПСС, и про них забыли. Лишь на XXVII партсъезде (1986 года), по инициативе Горбачева, в Устав был внесен § 40, где сказано: "В период между съездами партии ЦК КПСС по мере необходимости может созывать Всесоюзную партийную конференцию для обсуждения назревших вопросов политики партии". Теперь назрели вопросы "перестройки".

27 мая были опубликованы "Тезисы ЦК КПСС к XIX Всесоюзной партийной конференции", которые в течение месяца обсуждались на собраниях и в прессе, с заметным нажимом в сторону их одобрения. Одновременно в региональных организациях проходили выборы делегатов, причем шла откровенная агитация за выборы "сторонников перестройки".

По данным Мандатной комиссии, на пленумах обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик, согласно установленной норме (один делегат от 3 780 членов партии), на конференцию избрано ровно 5 000 делегатов. Из них в возрасте до 40 лет - 29,1 %, от 41 до 50 - 36,0 %, от 51 до 60 - 27,2 %, старше 60 лет - 7,7 %. По партийному стажу: с 1919 по 1940 год - 47 человек, с 1941 по 1945 - 143, с 1946 по 1965 - 1948, а больше половины, 2862, вступили в партию в 1966-1988 годах.

На повестку конференции были поставлены два вопроса:

1. О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС, основных итогах первой половины двенадцатой пятилетки и задачах партийных организаций по углублению процесса перестройки.

2. О мерах по дальнейшей демократизации жизни партии и общества.

Сразу же было решено изложить все в одном докладе Горбачева.

Поскольку Горбачев в своем докладе ничего конкретного об итогах "полу-пятилетки" не сказал, то, в сущности, речь всюду шла об одном и том же - о "перестройке". Таков и был замысел конференции.

Доклад Горбачева "О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах

по углублению перестройки" занял в "Правде" пять с половиной газетных страниц, и на его прочтение ушло от 4 до 5 часов, не считая перерывов. В этом отношении, по многословию, со времен Хрущева заметной перестройки не произошло.

*

Горбачев начал с "коренного вопроса" конференции: "Как углубить и сделать необратимой революционную перестройку?". Он отметил "изменение всей общественной атмосферы", но это еще не означает, "что всюду и полным ходом происходят сдвиги в лучшую сторону, что революционные преобразования стали необратимыми". А "ключевым вопросом" преобразований ЦК КПСС считает "реформу нашей политической системы".

Но "мы недооценили всей глубины и тяжести деформаций и застоя минувших лет", а "запущенность дел в различных сферах экономики оказалась более серьезной, чем представлялось вначале" (в "Тезисах" сказано прямо: "годы застоя поставили страну на грань экономического кризиса").

Как водится, исправлять начали с "модернизации отечественного машиностроения". Но жизнь требовала другого: срочно заняться продовольственной проблемой, "поскольку это, пожалуй, самая болевая точка в жизни общества"; "определенные сдвиги здесь есть", но "увеличение продовольствия, которого мы добились, в значительной мере пошло на покрытие потребностей, связанных с приростом населения" (около 1 % в год?!).

К сожалению, "многие решения последнего времени наталкиваются на непонимание, промедление в их реализации, на всевозможные бюрократические препоны, а то и просто на нежелание работать по-новому".

А решений было много: о внедрении арендных форм, о кооперации, о хозрасчете, о межколхозных и колхозно-сельскохозяйственных объединениях (к этому можно добавить садово-огороднические товарищества горожан-дачников). Это все по сельскому хозяйству, насчет продовольствия, а по другим бытовым нуждам-

меры по развитию кооперативного и индивидуального жилищного строительства, по удовлетворению спроса на товары народного потребления, расширению торговли и сферы услуг, что зависит от работы легкой промышленности ("пожинаем плоды многолетнего пренебрежительного отношения к развитию этой области"). Но "практика выявила проблемы, которые приводят к пробуксовке нового экономического механизма".

В области культуры: "Перестройка, обновление социализма немыслимы без всемерной активизации интеллектуального, духовного потенциала общества, заключенного в науке, образовании, всей культуре". Здесь отмечена новая атмосфера "открытости, свободы творчества и дискуссий, объективного, непредвзятого исследования, критики и самокритики". "В нашей публицистике, художественных и научных изданиях идет небывалый по масштабу, откровенности, интеллектуальной насыщенности разговор о путях обновления социализма, об истории и современности. (...) Процессы в сфере культуры развиваются на здоровой основе. Но мы допустили бы необъективность, погрешили против истины, если бы сказали, что они идут без противоречий, без издержек, которые иногда выходят за рамки социалистических ценностей".

В области международных отношений подробно рассказано о "политике мира", а о соглашениях по Афганистану сказано: "Наши воины уходят из Афганистана по велению Родины, которая проявила мудрость, обретя за эти годы новый политический и нравственный опыт"...

*

Раздел "Реформа политической системы - важнейшая гарантia необратимости перестройки" занял больше всего места в докладе Горбачева.

Вначале - главные обоснования: "На известном этапе политическая система, созданная в результате победы Октябрьской революции, подверглась серьезным деформациям. В результате стали возможны и всевластие Сталина и его окружения, и волна репрессий и без-

законий. Сложившиеся в те годы командно-административные методы управления оказали пагубное воздействие на различные стороны развития нашего общества. В эту систему уходят своими корнями многие трудности, которые мы переживаем и сейчас.

Решения ХХ съезда партии открывали возможности для преодоления нарушений ленинских принципов жизни партии и государства. Однако эти возможности не были использованы прежде всего в силу недооценки и принижения значения социалистической демократии. И это вновь привело к рецидивам культовых отношений.

...Серьезный недостаток сложившейся политической системы заключался и в чрезмерном огосударствлении общественной жизни.

...Наконец, действующая политическая система десятилетиями приспособливалась не к организации общественной жизни в рамках законов, а главным образом к выполнению волевых распоряжений и указаний".

Теперь, в первую очередь, меняется отношение к правам человека, включая политические права, отсюда, в частности и в особенности, должна быть изменена избирательная система.

Расширяются рамки гражданских свобод, в частности - свободы совести; отсюда - более терпимое отношение к религии и верующим.

Однако сразу же указаны рамки допускаемого:

"Утверждение личных прав и свобод, расширение в целом демократии и гласности должны идти рука об руку с укреплением законности, воспитанием безусловного уважения к закону. Демократия несовместима ни со своеолием, ни с безответственностью, ни с распущенностью.

Как вы знаете, в последнее время мы не раз сталкивались с попытками использовать демократические права в антидемократических целях. Кое-кому кажется, что таким образом можно решать любые вопросы - от перекроеки границ до создания оппозиционных партий. ЦК КПСС считает, что подобные злоупотребления демократизацией в корне противо-

речат задачам перестройки, идут вразрез с интересами народа".

*

В чем, конкретно, заключаются те структурные и технические меры по перестройке существующего правопорядка, которые составят существо реформы политической системы? Этому посвящена часть доклада "Совершенствование организации власти".

Прежде всего, устанавливается для всех Советов один срок полномочий - пять лет (ныне местные Советы, от сельского до областного, краевого, избираются на два с половиной года); тогда депутаты "будут работать увереннее".

Затем, в высшем эшелоне государственной власти к нынешним 1500 депутатам Верховного Совета СССР (750 в Совете Союза и 750 в Совете национальностей) предлагается добавить еще 750 от партийных, профсоюзных, кооперативных, молодежных, женских, ветеранских, научных, творческих и других организаций. Все вместе, избираемые на 5 лет, составят новый верховный орган - Съезд народных депутатов СССР, собирающийся раз в год для решения самых важных конституционных, политических и социально-экономических вопросов жизни страны. А для обсуждения и решения вопросов законодательного, распорядительного и контрольного характера Съезд народных депутатов избирает уже Верховный совет из двух палат (общей численностью в 400-500 человек), постоянно действующий.

Далее, намечено учредить пост Председателя Верховного совета СССР, избираемого Съездом народных депутатов; он должен быть наделен широкими государственными полномочиями, "традиционными для такого поста в государстве" (нетрудно угадать, кто ныне мог бы им быть).

Все это юридически очень зыбко, неизвестно к чему приведет на практике, а может и повториться история с кружевской инициативой по перестройке партийно-государственного аппарата, окончившаяся печально для инициатора.

*

Межнациональным отношениям уделена особая глава, но в ней много общих пропагандных мест и мало существенных решений, что обнаруживает общую неуверенность партии в этом вопросе, резко обострившемся за последнее время. Нашупаны новые реальности, вторичного порядка, — о миграциях за пределы национальных территорий, о дисперсных народностях, — но подход к ним кудый и шаблонный: "в рамках сложившейся структуры... максимальный учет интересов" (в Программе НТС эти реальности давно учтены и яснее решены).

Общественные организации, вводимые, по замыслу, в систему высшего эшелона государственной власти, и их бурное развитие в нынешний период перестройки поданы докладчиком в одобрительном освещении. С некоторой оговоркой, но признается даже их роль оппозиционного политического фактора:

"Конечно, не следует закрывать глаза и на то, что в русле общественного подъема появились отдельные группы, чьи интересы далеки от целей перестройки, интересов народа. Но не они определяют общую атмосферу... При однопартийной системе, которая исторически сложилась и утвердила в стране, нам нужен постоянно действующий механизм сопоставления взглядов, критики и самокритики в партии и обществе".

(В Программе НТС из общественных организаций этнические и трудовые объединения подключены к системе законодательных учреждений, но их права и функции определены конкретно, для условий плюралистического строя.)

*

Касаясь партии, Горбачев напоминает: "Предложив в апреле 1985 года новый курс, КПСС подтвердила, что именно она является носителем программных целей общества, именно партия является политической силой, которая может повести страну по пути обновления". Но: "произошли определенные деформации в самой партии"...

Далее следуют разные меры, имеющие целью "в полной мере возродить внутрипартийную демократию". Конечно, на базе "ленинских принципов демократического централизма".

Но, в добавок к этому, поднят вопрос о проведении своеобразного смотра партийных рядов" и "ЦК высказался за общественно-политическую аттестацию коммунистов". Это, конечно, завуалированная угроза чистки, но Горбачев предпочитает выглядеть отмежевавшимся от сторонников крайних мер, которые "утверждают, что аттестация ничего не даст, нужна, мол, чистка партии, избавление ее от балласта".

По словам Горбачева, "аттестация должна идти в соответствии с установленными нормами, в рамках нормального демократического процесса, на открытых партийных собраниях" (все это практиковал и Сталин, дело в реальной власти генсека и возможностях его аппарата).

Противоречивы в докладе положения о взаимоотношениях партийного и государственного аппаратов. С одной стороны, речь идет о "разграничении функций партийных и государственных органов", и партийным руководителям предписывается не подменять руководителей советских органов, а влиять на них и проводить партийную линию через коммунистов в составе Советов, а с другой стороны, высказана рекомендация выдвигать на посты председателей Советов первых секретарей соответствующих партийных комитетов.

В заключение Горбачев дает характеристику разных ипостасей социализма (уходя от основного значения как обобществления производства и рабочей силы). У него это — строй подлинного, реального гуманизма; строй эффективной и динамичной экономики; строй социальной справедливости; строй высокой культуры и морали; строй подлинного народовластия; строй подлинного равенства всех наций и народностей; строй, природе и интересам которого органически присуще стремление к миру.

"Именно такой демократический, гуманный облик социализма мы имеем в виду, говоря о качественно новом состоянии нашего общества как важной ступени в движении к коммунизму" (плагиат: один из солженицынских героев выдвинул идеал "нравственного социализма").

*

За докладом последовала дискуссия, которая, на сей раз, содержала немало смелых, критических суждений (хотя и, конечно, на фоне общего одобрения); были даже реплики с мест.

Л. Абалкин (директор Института экономики АН СССР) потребовал разработки новой концепции социализма. Он же сообщил, что национальный доход в предыдущие два года рос темпами меньшими, чем в застоеные годы прошлой пятилетки, что легкая промышленность продолжала отставать, вопреки решениям XXVII партсъезда, что в производстве гонялись за количеством по-прежнему в ущерб качеству. Он высказался против совмещения функций первого секретаря партийного комитета и председателя Совета (как и ряд других делегатов). Наконец, высказал сомнение в возможностях, сохрания однопартийную систему, обеспечить демократическую организацию общественной жизни, поскольку "высказывание различных подходов и вариантов решений - это не отражение существования различных политических оппозиций". А "мы знаем, какая установка вокруг конференции, чего от нее ждут"!

В. Калашников (первый секретарь Волгоградского обкома) назвал правовое положение крестьян "остатками крепостничества".

Г. Ягодин (пред. Госкома по народному образованию) сообщил, что "в стране половина школ не имеет центрального отопления, водопровода, канализации. Четверть школьников занимаются в две смены, часть в три. Полтора миллиона детей не имеют возможности посещать детские сады. По числу студентов на 10 тыс. жителей всего за последние 10 лет сползли с девятого места на 23-е".

А учительница С. Федотова (Пермь) жаловалась, что и учить-то в школе стало трудно: "поймите мою боль, горечь, а иногда и стыд, когда я вынуждена говорить о том, что в учебнике истории этот вопрос освещен неправильно, этот извращен, а этот не соответствует исторической правде. Сегодня и даже, наверное, завтра мы вынуждены будем изучать историю своей страны,

главный учебный предмет, по публикациям в газетах и журналах".

Е. Чазов (министр здравоохранения) характеризовал положение в застоеный период по своей отрасли: "Мы гордились системой охраны здоровья народа. Но молчали о том, что по уровню детской смертности находились на 50-м месте в мире после Маврикия и Барбадоса. Мы гордились, что у нас больше, чем в любой стране мира, врачей, больниц, но молчали, что по средней продолжительности предстоящей жизни занимаем 32-е место в мире".

По вопросу о границах гласности наговорено много. В частности, писатель Ю. Бондарев пересказал суждение одного "молодого механизатора", которое его впечатлило: "Какая сейчас разница между человеком и мухой? И муху, и человека газетой прихлопнуть можно". Это вызвало протесты, и Г. Бакланов (главный редактор журнала "Знамя") сказал: "Когда шли процессы 37-го года в Колонном зале и люди выходили с плакатами, требуя казни, они не подозревали, что скоро и с ними поступят так же. Тот, кто сегодня борется против гласности, - борется за свое порабощение".

Сталинизм и "период застоя" клеймили дружно, но вот В. Мельников (Коми АССР, первый секретарь обкома) потребовал, чтобы и нынешние руководители отвечали за прошлое. На вопрос Горбачева, к кому это относится, он ответил: "Я бы это отнес к товарищу Соломенцеву М. С. в первую очередь, к товарищам Громыко А. А., Афанасьеву В. Г., Арбатову Г. А. и другим". (Аплодисменты!) Вскоре в президиум поступил записка в защиту Громыко.

Ф. Попов (первый секретарь Алтайского крайкома) коснулся статьи "Противостояние" в журнале "Огонек" № 26, который редактирует В. Коротич: "Там прямо сказано, что среди делегатов есть взяточники. В докладе Мандатной комиссии этого нет. А в "Огоньке" у т. Коротича - есть. Так надо сказать здесь нам, делегатам. Надо же иметь предел рязвязанности в этом деле!". Коротич поднимается на трибуну, говорит, что в основу статьи положены сведения следственной группы по особо важным делам

при Генеральном прокуроре, и передает документы о четырех делегатах, чья репутация поставлена под сомнение, в президиум конференции.

*

Против "аттестации" (то есть чистки), естественно, пошли возражения, и она не вошла в решения конференции. Видимо, Горбачев поторопился, но у него еще есть время (один из делегатов предложил вернуться к этому вопросу на следующем партсъезде).

Зато из Тезисов был вытянут пассаж о том, чтобы "ограничить занятие выборных должностей в КПСС двумя выборными сроками подряд. Избрание на третий срок подряд может быть только по инициативе коммунистов и требует предварительного решения о допущении к выборам. Такое решение принимается не менее чем 3/4 голосов членов партийного комитета путем тайного голосования". Г. Арбатов (директор Института США и Канады при АН СССР) наивно порассуждал: "существуй у нас правило двух сроков, И. В. Сталин ушел бы в отставку в январе 1934 года, еще даже до убийства Кирова. А Брежнев ушел бы в отставку в октябре 1974 года. В обоих случаях нашей стране удалось бы избежать очень многих издержек". Но М. Ульянов (председатель правления Союза театральных деятелей РСФСР) улучил возможность польстить новому начальству: "А Горбачеву мы верим. Поэтому предлагаю на третий срок выбрать только Горбачева как чрезвычайное решение". Идею об ограничении сроков руководства родил еще Хрущев, даже внес в устав; ее потом выкинули, вместе с автором.

Перед конференцией и на ней шел разговор о реализации другой хрущевской идеи — сооружении памятника жертвам репрессий. И Горбачев в заключительном слове сказал: "восстановление справедливости по отношению к жертвам беззакония — наш политический и нравственный долг. Давайте исполним его сооружением памятника в Москве". Но в решениях конференции этот вопрос обойден.

В этом отношении интересна статья Юрия Щекочихина "Возвращение гражданства" в "Лит.газете" (6.7.1988), где,

среди прочего, отмечено, что при Хрущеве речь шла об увековечении "памяти товарищей", а теперь стоит вопрос о памяти миллионов погибших соотечественников. Тут залита собака: о каких "товарищах" шла речь у Хрущева? Например, об Эйхе — палаче сибирского крестьянства. И сколько таких палачей стало "жертвами произвола" обер-палача Сталина? И не был ли бы хрущевский "пантеон" жутким пантеоном палачей? Стоит ли партии давать народу повод размышлять на эту тему? (В освобожденной России ленинский мавзолей мог бы быть превращен в музей истории коммунистического террора).

*

Успех любой реформы в любой стране, главным образом, зависит от силы власти; при коллективном руководстве — от авторитета вожака и сплоченности верхушки. И состояние единства в руководящем ядре партии, конечно, интересовало делегатов. Практический интерес сосредоточился на поведении Б. Ельцина — бывшего кандидата Политбюро и первого секретаря Московского горкома, а ныне рядового члена ЦК и первого заместителя председателя Госстройкома. Его выступление на Октябрьском пленуме ЦК, после учиненного им погрома московской номенклатуры, наделало много шума, создало ему репутацию лидера прогрессивной оппозиции и защитника независимой общественности. Как делегат конференции, он имел право и возможность изложить свои взгляды.

Выступление его состоялось в последний день конференции (видимо, это было сдирожировано). Оно было сравнительно пространным, но не очень убедительным. Вначале он оправдывался, почему дал информационное интервью иностранным телекомпаниям (уклонилась советская пресса), потом проводил параллели между его выступлением на пленуме и высказываниями самих делегатов на конференции, а под конец просил "политической реабилитации при жизни".

Ему подробно отвечал Горбачев в своем заключительном выступлении, даже цитировал стенограмму Октябрьского пленума. Но уже перед тем основ-

ной оппонент Ельцина и объект его атак Е. Лигачев громил его как коммуниста, который "встал на неправильный путь". В то же время показательно, что сразу по окончании прений В. Волков, делегат из Свердловска, попросил слова и выступил в защиту Ельцина, у которого "и сегодня остается высокий авторитет у простых людей"; сразу же в президиум поступила записка, где Свердловская делегация отмежевалась от Волкова (ее подписал первый секретарь обкома).

Лигачев, в основном, свое выступление посвятил защите партийной истории и сплоченности нынешнего "руководящего ядра". Между прочим, он описал, как в марте 1985 года, после смерти Черненко, "благодаря твердо занятой позиции Чебрикова, Соломенцева, Громыко... было принято единственно правильное решение" (Горбачев отнесил Гришина).

*

По сообщению Горбачева, в его заключительном слове, число записавшихся для выступления в прениях составило около трехсот человек. Выступило 64 человека, и прения были прекращены. Но работали редакционные комиссии, и там получили слово около 150 человек.

Комиссии выработали и конференция приняла шесть резолюций: "О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки", "О демократизации советского общества и реформе политической системы", "О борьбе с бюрократизмом", "О межнациональных отношениях", "О гласности", "О правовой реформе".

Помимо того, по предложению Горбачева, была принята общая резолюция "О некоторых неотложных мерах по практическому осуществлению реформы политической системы страны". В ней предлагаются провести в этом году отчетно-выборную кампанию в партийных организациях, а также внести на сессию Верховного Совета СССР проекты законов по перестройке советских органов, дополнения и изменения Конституции, организовать выборы и провести Съезд народных депутатов в апреле 1989 года (это совпадает с окончанием срока

полномочий нынешнего состава Верховного Совета).

XIX партконференция отразила противоречия "перестройки" и выявила влияние тормозящих факторов, несмотря на подбор соответствующих делегатов. Но тормозящие факторы есть не только в номенклатурном аппарате; объективным тормозящим фактором можно считать и настроение народной массы: по словам делегата В. Стародубцева (Тульский агропром), "народ перестал верить, народ перестал работать". Коммунистическая казарма удушила радость труда и веру в спасительность перемен.

Однако подлинный прогресс достигнут в деле гласности. И конструктивные силы в общественности и деловом слое закономерно стремятся не только закрепить завоеванные позиции, но и продвинуться дальше и дальше, руководствуясь популярной ныне префразировкой народной пословицы: "Куй железо, пока Горбачев".

АВТОРХАНОВ Абдурахман

Историк, один из крупнейших знатоков "кухни" советской партийной власти и прекрасный аналитик советской действительности. Со временем войны, за границей он выпустил десять книг, первые — под псевдонимом А. Уралов. Хотя большинство книг Авторханова — серьезные научные исследования, он пишет настолько живым языком, что они читаются исключительно легко. На нашем складе сейчас — 5 самых известных и популярных его книг.

Загадка смерти Сталина (Заговор Берия)

1981, 4-е изд., карт. форм. 316 с. 26 нм

Исследуя официальные и неофициальные советские источники, автор приходит к выводу, что Сталин не умер естественной смертью, а был убит заговорщиками. Автор ничего не наезжает читателю: он приводит факты, расшифровывает недомолвки, в выводы предлагает делать читателю. Эта серьезная книга читается как криминальный роман.

Происхождение партоократии

1987, 3-е изд., карт. форм., т. 1, 728 с. Распр. 1983, 2-е изд., карт. форм., т. 2, 536 с. 36 нм

Автор документально доказывает, что "ленинские принципы" логически превратили большевистскую партию в инструмент единоличной диктатуры и что стalinизация — естественное завершение ленинизма.

Технология власти

1987, 4-е расш. изд. в 4-х частях, карт. форм., 812 с. Распродан.

Великое неизвестное

ИНТЕРВЬЮ С А. А. АВТОРХАНОВЫМ

— Разрешите предпослать некоторые протокольные вопросы. Судя по советской прессе, XIX партконференция КПСС была первым после Ленина свободным партийным форумом, на котором делегаты выступали не по шпаргалке партаппарата и с выражением собственного мнения. Так ли это?

— Ответ должен быть отрицательным, но с некоторыми оговорками. Еще при Ленине, как потом при Сталине и его наследниках, все партийные форумы, выражаясь партийным термином, были "заорганизованными". В одном действительно XIX партконференция походила на форумы ленинских времен: тогда в рамках Политбюро и ЦК делегаты пользовались привилегией выбора часто расходившихся линий одного из двух вождей революции — Ленина или Троцкого, с тем чтобы после принятого решения действовать вместе.

После Ленина, как мы знаем, история давала возможность такого выбора дважды: сперва между Троцким и Сталиным, потом между Сталиным и Бухарином, но оба раза партия выбрала Сталина при помощи "заорганизованных" методов созыва партийных форумов высшим партийным аппаратом. Сегодня партия тоже стоит перед новым выбором политической линии и политического вождя: Горбачева или Лигачева? В этой ограниченной возможности выбора есть все-таки какая-то доля внутрипартийной свободы.

— Сталин выигрывал, потому что как генсек он возглавлял аппарат ЦК, что давало ему возможность "заорганизовать" партийные форумы. Стало быть, Горбачев в качестве генсека сумел так "заорганизовать" конференцию, что на ней победила его линия в политике "перестройки" против консервативной линии Лигачева?

— Нет, неправильно. Во-первых, конференцию подготовил не Горбачев, а Лигачев, во-вторых, о победе Горбачева на

конференции можно говорить только условно.

— Тогда, пожалуйста, расскажите, каково же, на Ваш взгляд, распределение ролей между Горбачевым и Лигачевым на вершине партийной власти.

— Если выразиться коротко, то ситуация наверху ЦК мне рисуется так: Горбачев генсек де-юре, а Лигачев — генсек де-факто. Только это имел в виду Лигачев, когда он не только на страницах "Ле Монд", но повторно и на данной конференции торжественно сообщил всей партии и всему народу: Политбюро ему поручило руководить работой секретариата ЦК КПСС. Все генсеки до Горбачева сами выбирали себе помощников для руководства аппаратом ЦК. Только при Горбачеве его выбрал не генсек, а Политбюро. Такое беспрецедентное "двоевластие" в партии образовалось, по моему мнению, уже на апрельском пленуме ЦК КПСС в 1985 году, на котором было впервые принято как решение о распределении ролей между Горбачевым и Лигачевым, так и о "перестройке", но без употребления этого термина, и последовавших за ней "приложений": "глазность", "демократизация", "плюрализм" (тут действительно аппетит пришел во время еды). Исток двоевластия, таким образом, — "исторический компромисс", заключенный на том пленуме между консерваторами и реформаторами о путях, методах и границах "ускорения и обновления", то есть "перестройки". Отсюда скрытая, но беспрерывная борьба двух линий в советской внутренней политике — между реформаторской линией Горбачева на ускорение обновления и консервативной линией Лигачева, на стороне которого подавляющее большинство членов ЦК (состоящего на две трети из брежневцев). Лигачев и приставлен к Горбачеву для "торможения", обязывающего генсека соблюдать рамки "компромисса".

- Как эти две линии отразились на подготовке и решениях партконференции?

- Они выразились в том, что "генсек де-факто" всячески саботировал выборы делегатов на конференцию из среды хорошо известных в стране глашатаев радикальной перестройки, широкой гласности и реального плюрализма. У меня создалось впечатление, что некоторые из них все же попали на конференцию и даже оказались в числе ораторов (например Б. Ельцин, В. Коротич, Г. Бакланов, Ю. Афанасьев, М. Ульянов) только в результате личного вмешательства "генсека де-юре".

- Накануне конференции на страницах "Правды" печатались статьи и письма коммунистов, в которых они требовали провести на конференции изменения в составе Пленума ЦК, исключив оттуда противников перестройки, и дополнить состав ЦК сторонниками более решительного курса политики перестройки. Почему этого не случилось?

- Сперва о статусе Всесоюзных партийных конференций и их месте в иерархии партийных органов. По уставу партийные конференции не законодательный орган партии, как съезды партии и пленумы ЦК между съездами, а совещательный орган. Поэтому они не пользуются правом выбора членов ЦК или изменением его состава (были два исключения до Октября, когда конференции были приравнены к съездам и на них происходили выборы членов ЦК, и одно исключение при Сталине, когда в феврале 1941 года были проведены изменения в составе ЦК). Те, кто требовал предпринять на XIX партконференции изменения в ЦК, ссылались на "прецедентное право", созданное Сталиным на XVIII партконференции. Однако предоставить такое право XIX партконференции могло не Политбюро, где Горбачев имеет большинство, а только пленум ЦК с его консервативным большинством. Это большинство способно идти на любые "измены принципам", если они не задевают "устой" его власти, но оно не желает политического хаоса. Поэтому состав ЦК, вопреки очевидной воле Горбачева, остался неприкосновенным. К тому же консерваторы могли сослаться на то, что Ленин нарушал устав в условиях исключительных, а вот Stalin творил произвол в

условиях нормальных. Давайте не будем подражать Сталину, ругая его за произвол.

- Каковы, на Ваш взгляд, основные идеи доклада Горбачева на конференции?

- Ответ я бы сформулировал так: доклад пронизан одной генеральной идеей, это - СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЕРЕВООРУЖЕНИЕ БОЛЬШЕВИЗМА как для его внутренних целей в плане неоНЭПа, так и в плане "конвергенции" для выхода из международной политической, экономической и технико-технологической изоляции, в которой Кремль очутился по собственной вине. Обеим целям призваны служить две побочные идеи, которые впервые в истории большевизма сформулированы в двух антиленинских "Тезисах ЦК" и докладе Горбачева - "гуманний социализм" и "правовое государство", пусть даже с прилагательным "социалистическое". Первый тезис социал-демократического, меньшевистского происхождения; под знаменем второго тезиса к власти пришла западная демократия против абсолютизма. Поэтому они и взяты "на вооружение" политики "стратегического перевооружения", чтобы произвести впечатление не на советских людей, а на внешний мир. Советских людей ничем не удивишь, ибо они видели все формы социализма: ленинский революционный социализм периода "военного коммунизма", сталинский победивший социализм в одной стране в период "культы", хрущевский социализм на переходе в коммунизм, брежневский "зрелый", "реальный" или "развитой" социализм на переходе в тотальную коррупцию. Они даже видели и "гуманный социализм", или, что одно и тоже, "социализм с человеческим лицом", но эту форму социализма они видели только под гусеницами советских танков в Праге.

Что же касается тезиса "правового государства", то он рассчитан на успокоение интеллигенции в СССР и на политических простофиль на Западе. Уже сама формулировка - "закончить социалистическое правовое государство" - ставит в тупик даже видавшего виды советского человека, ибо "закончить" можно только то, что когда-то и кем-то было начато. Режимы Брежнева,

Андропова, Черненко отпадают в этой связи по известным причинам: при них людей сажали в психушки и тюрьмы именно за то, что они требовали построить "гуманный социализм" и перейти от государства произвола и беззакония к государству правозащитному; причем не все они освобождены и сейчас, при Горбачеве. Очевидно отпадает и Сталин с его "самой демократической конституцией в мире". Тогда остается Ленин, но для Ленина "правовое государство" в любых формах - это фикция, выдумка, ибо любое государство - орудие диктатуры господствующего класса. При капитализме - орудие диктатуры буржуазии, при социализме - орудие диктатуры пролетариата, которая, по Ленину, не может осуществляться иначе, "как через диктатуру авангарда пролетариата - через коммунистическую партию". Это определение принадлежит самому Ленину, которое еще при его жизни вошло в резолюцию XII съезда партии. Переименование "государства диктатуры пролетариата" в "общенародное государство" в Программе КПСС на XXII съезде, а потом в Программе Горбачева на XXVII съезде КПСС - это всего-навсего фокус или игра с терминологией, не задевающая сущность диктатуры. К тому же явно антиленинская, антимарксистская ересь, ибо "диктатура пролетариата" перерастает в другую форму, а не "отмирает".

- Однако конференция обсуждала и принимала ряд важных решений в области реформ политической структуры режима, которые едва ли можно отнести к категории "словесных фокусов". Согласны ли Вы с этим?

- Да, согласен. Хочу пояснить, какие из этих решений и почему я считаю важнейшими. Только сразу замечу, что на всех этих решениях лежит явная печать компромиссов между противоборствующими линиями одной общей политики. Столкновения между носителями этих линий или взглядов происходили, собственно, не на пленарных заседаниях конференции, а за кулисами, на закрытых заседаниях разных комиссий, созданных конференцией для редактирования резолюций. Поэтому мы мало что знаем об этих столкновениях. По важнейшему вопросу политической структуры системы, именно по

вопросу разграничения функций между партией и государством, эти противоречивые позиции можно проследить документально.

Предложение Горбачева разграничить эти функции между государственными и партийными органами, одновременно рекомендуя соединить функции главы государства с функцией главы выборного партийного органа, и проделать это на всех уровнях, - оно не было понято даже некоторыми его убежденными сторонниками (Ельцин, академик Абалкин). Между тем, политика "дальнего прицела" яснее ясного - сосредоточить на вершине государства и партии власть в одном лице, в лице генсека "де-юре". Причем, не формально, как это уже практиковалось (Брежнев, Андропов, Черненко), а реально, с широкими полномочиями советского президента, наподобие полномочий американского президента. Дорога к этому в современных условиях ведет через соединение функций нижестоящих первых секретарей партий с функциями параллельных государственных органов.

Вот какие полномочия хочет предоставить Горбачев советскому президенту, называемому в его предложении "Председателем Верховного Совета СССР" (не смешивать с нынешней должностью председателя Президиума Верховного Совета): "Председатель Верховного Совета должен быть наделен достаточно широкими полномочиями [...] осуществлять общее руководство подготовкой законов и важнейших социально-экономических программ, решать ключевые вопросы внешней политики, обороноспособности и безопасности страны, возглавлять Совет обороны, вносить предложение о кандидатуре председателя Совета Министров СССР, а также выполнять ряд других обязанностей" ("Правда", 24.6.1988). Спрашивается, что же остается Политбюро и генсеку "де-факто"? Видимо, только одна лишь идеология, которая ведь никому не нужна, меньше всего ее шефу - Лигачеву. Поэтому конференция, принимая предложения Горбачева во всем остальном, отклонила как раз ту часть, в которой Горбачев требовал "широкие государственные полномочия" советскому президенту.

Я считаю, что предложение Горбачева соединить вместе в одной персональной унии должности главы партии и главы государства было самым важным и самым разумным из всех его предложений о реформах политической структуры. Без такой унии с далеко идущими партийными и государственными полномочиями того лица, которое станет во главе его, никаких – ни политических, ни экономических, ни социальных – реформ в стране провести невозможно, ибо коллективное руководство при советской системе, это – коллективная безответственность.

– Последний, "футурологический" вопрос. Насколько реальны шансы на практическое осуществление программы Горбачева, и какая, по-Вашему, перспектива дальнейшего развития?

– Если судить по выступлениям на конференции первых секретарей партии, то они за редким исключением держались линии Лигачева, признавая на словах линию Горбачева. Особенно ярко это бросалось в глаза, когда они, по тем же мотивам что и Лигачев, предлагали ограничить рамки гласности ("хватит очернительства, не все у нас было плохо"), когда они предложили взять органы печати, радио и телевидение под строгий контроль партии ("у нас партия ведущая и направляющая сила"). Даже писатели не были единодушны в поддержке программы гласности. Начальник писателей Карпов старался сразу угодить обоим лидерам Кремля, поэтому никому не угодил. Писатель Бондарев, речь которого сопровождалась частыми аплодисментами, открыто и с какой-то фанатичной яростью защищал консервативную позицию Лигачева. А вот выступление главного редактора журнала "Знамя" Бакланова в защиту гласности и перестройки сопровождалось шумом и обструкцией. Горбачеву пришлось два раза вмешаться, защищая Бакланова и взвывая к патриотическим чувствам аудитории: оратор, мол, солдат-фронтовик "Великой отечественной войны"… Если приходится прибегать к таким "аргументам", то шансов на конечную победу больше у Лигачева. Лигачев в своем выступлении не замедлил объявить свою солидарность с Бондаревым, а не с Баклановым.

Тем не менее резолюция о гласности была принята единогласно (по другим резолюциям было несколько десятков голосов против). В ней речь идет даже о дальнейшем ее расширении, в частности, решено "обеспечить доступность всех фондов библиотек". Это я понимаю как разрешение читать даже "Окайные годы" и "ГУЛаг". Кажется, и причины, по которым "третья волна" ушла в эмиграцию или была выдворена, как будто отпадают. Во всем этом многообещающем процессе присутствует одно великолепное неизвестное, а именно: судьба самого Горбачева. Какие реальные силы в стране его поддерживает? Какие реальные силы поддерживают Лигачева? Или существует заранее договоренное распределение ролей между ними, чтобы повести на перестройку обе крыла в партии – консерваторов и реформаторов?

Ответы на эти вопросы мы получим в ближайшие шесть месяцев, когда будет происходить формирование верховных органов государственной власти. Пока же, судя по партийному протоколу, с которого мы начали нашу беседу, соотношение сил одинаково. За свой длинный доклад Горбачев и за свое короткое выступление Лигачев получили качественно равные аплодисменты, а именно "продолжительные". Всем другим ораторам, в том числе даже Ельцину, были предназначены просто "апплодисменты". В сверхвизантийском протоколе Кремля такая "уравниловка" не случайна. Партии по душе Лигачев, но умом она колеблется в сторону Горбачева. Но решает не партия, а реальные силы – враг гласности КГБ и враг разоружения-армия. На чьей стороне они?

Квартальный «ПОСЕВ»

Ежеквартальный журнал, выходящий большим тиражом и содержащий избранные, неустаревающие статьи из трех текущих номеров ежемесячника „Посев“.

Фотографии на обложке. Вдвое меньший формат (15х21 см). Увеличенное число страниц (в среднем 120). Тонкая бумага. Убористый шрифт.

Квартальный „Посев“ предназначен для переправки в Россию и для распространения среди граждан СССР, временно находящихся за рубежом. Имеющие возможность распространять журнал могут получить его бесплатно, обратившись по адресу издательства „Посев“ к А. А. Кандурову.

Реформа политической системы

Роман Редлих

Смысл только что закончившейся XIX партконференции КПСС, мне кажется, определяется тремя словами: "реформа политической системы". В чем будет заключаться эта "реформа", отнюдь не ясно. Но слова сказаны, и ими, как магическим ключом, отпирается обсуждение самого важного - государственного устройства нашей страны. Перед тем как проинформировать их, Горбачев, опиряя несомненными фактами, убедительно показал, что в области народного хозяйства предпринятые полумеры не срабатывают и выход из положения приходится искать в перестройке не только исполнительного механизма, но и в перестройке инстанций, распоряжающихся этим механизмом, в сфере принимающей решения верховной власти.

Техника предлагаемой перестройки скрыта в тумане неопределенности, но главный тактический прием прост и ясен: сосредоточение всей полноты власти в руках нынешнего генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева, которого предлагается избрать для этого на пост председателя Верховного Совета СССР. Полномочия Верховного Совета при этом расширяются с расчетом на большую самостоятельность государственной власти.

Для сколько-нибудь основательного суждения о будущих взаимоотношениях между партией и государством и ожидаемых результатах предлагаемой реформы сказано на конференции, конечно, мало. Но для всевозможных предположений, как и для наметки возможных и невозможных вариантов реформированной государственности, - вполне достаточно. Публичной дискуссии по этим вопросам дан мощный толчок, и нет сомнений, что эти варианты будут обсуждаться не только устно на всякого рода формальных и неформальных политических диспутах, но и на страницах официальных и неофициальных изданий. И навряд ли это обсуждение можно будет остановить перед вопросом создания по-

литических организаций, отстаивающих собственные, необязательно социалистические идеи. Больше того, в этих дискуссиях будут укрепляться уже зародившиеся идеяная солидарность единомышленников и формироваться объединения, с порога отвергающие руководящую роль КПСС и созданный ею несвободный политический строй...

Что будет представлять собой реформированный Верховный Совет, как будет выглядеть возглавляемая его председателем система государственного управления и как будет осуществляться (если вообще будет) партийный контроль над ней, пока что совершенно не известно. Но о полноценной демократизации и отстройке парламента из нескольких соперничающих политических партий в замысле Горбачева и его сторонников нет и речи. В докладе генсека лишь бегло и неопределенно сказано о прямом представительстве имеющихся общественных союзов, да и то без сколько-нибудь конкретной наметки, как это могло бы быть сделано. Очень многое, конечно, будет зависеть от уточнений, но при всех обстоятельствах власть, без которой, согласно докладу генерального секретаря КПСС, перестройка безнадежно застопорилась, это авторитарная власть, власть диктатора, которому должен беспрекословно подчиняться как партийный, так и государственный аппарат, причем весь, во всех его звеньях как в деле принятия решений, так и в деле их исполнения.

С одной стороны, гласное обсуждение вопросов перестройки нашей политической системы - безусловно шаг на пути дальнейшего раскрепощения общественной мысли. С другой стороны, однако, надление М. С. Горбачева диктаторской властью, - как бы ни расценивать личность Михаила Сергеевича, - грозит...

К счастью все, знают чем.

Три фразы Горбачева

В. Рыбаков

Официально основной целью партконференции было провести кардинальную реформу политической системы и этим сделать крупный шаг вперед к созданию правового социалистического государства... Для достижения этой цели, указал Горбачев, "политика партии – экономическая, социальная, национальная – должна проводиться прежде всего через Советы народных депутатов как органы народовластия", а для того, чтобы это осуществить, "наиболее реальный здесь путь – рекомендовать на посты председателей Советов, как правило, первых секретарей соответствующих партийных комитетов". Что же касается партийного аппарата, то "нам придется отказаться от нынешнего дробления аппарата ЦК КПСС и соответствующего дробления аппарата нижестоящих партийных органов по отраслям управления, перестроить его структуру в соответствии с функциями партии в современных условиях и уменьшить численность аппарата".

Эти три фразы являются стержнем партконференции – да и всей перестройки на ее нынешнем этапе. Однако, прежде чем попытаться проанализировать их значение, необходимо, во-первых, вспомнить (или прийти к выводу), что единственный фактор, вынудивший коммунистическую власть в нашей стране пойти на реформы – катастрофическое, в полном смысле этого слова, технологическое отставание СССР от высокоразвитых стран Запада во главе с США, главным образом в областях, касающихся военной промышленности. Нет никакой возможности предположить, что коммунистов внезапно обуяла жажда дать обществу свободу (героически обрекая себя этим на гибель), как и то, что к реформам их толкнул кризис сельского хозяйства или промышленности, выпускающей товары первой необходимости.

Экономический кризис, для которого характерно не увеличение количества товаров (как в "капстранах"), а уменьшение или же их исчезновение –

процесс для социалистической системы распределения имманентный. В нашей стране в недавнем еще прошлом были продовольственные или иные кризисы – не чета нынешнему, но тем не менее они не толкнули власть на реформы. Только когда технологическое отставание стало таким, что количество перестало переходить в качество, партийное государство постепенно пришло к выводу: страна под его руководством стоит на пути своего превращения из сверхдержавы в державу второстепенную. И что спасти СССР как сверхдержаву могут только серьезные экономические реформы, основанием которых должно быть введение в систему распределения элементов рынка... в таком количестве, чтобы спасти экономику, но не погубить тоталитарную политическую систему. Поэтому власть говорила и продолжает повторять, что реформы (от самых робких до самых смелых) проводятся и будут проводиться исключительно в рамках существующей системы правления.

Если прийти к вышеуказанным выводам, то становится ясным, что партконференция не была, как считают некоторые, "мыльным пузырем". Речь идет о передаче партийным аппаратом большой части своих государственных функций, в основном в экономических областях, профессионалам-хозяйственникам, о переходе партийного аппарата от централизованного управления к централизованному контролю, о частичном переходе тоталитарной экономической системы на авторитарные рельсы. Партийно-государственная номенклатура освобождает постепенно общество экономическое, социальное и даже юридическое пространство – и окружает его плотным многослойным кольцом контроля. Основные реформы впереди. Только в мае нынешнего года Рыжков заявил, что советские граждане имеют право заниматься в кооперативы на полную ставку (т. е. перестать работать на государство), только в середине июля на заседании сессии СЭВа была "подчерк-

нута необходимость добиваться приведения обменных курсов валют социалистических государств в соответствие с реальностями".

Параллельно проводящимся и готовящимся к осуществлению реформам увеличиваются и так непомерно казалось бы раздутые штаты КГБ, милиции. Генсек на посту гла.ы государства, первые секретари на посту председателей Советов - гарантия, что деятельность общества в освобожденных пространствах не пройдет

рамки системы, но - недостаточная. Решение заранее усилить карательные органы - гарантия дополнительная (и немалая).

Когда власть на своем диалекте заявляет о своем стремлении к созданию правового государства, на русский язык это может переводиться как вынужденное введение коммунистического Юрьева дня.

Это много для крепостного, желающего остаться крепостным.

Ответ академику Абалкину

Александр Югов

Процессу революционных изменений присущи свои внутренние законы. Либо он останавливается, натолкнувшись на неодолимые преграды. И тогда вскоре выясняется, что это был "сухой гром": очень громко, но живительной влаги не пролилось. Либо процесс идет дальше - то тогда он обязательно вытягивает одно звено причинно-следственной цепи за другим. И остановиться эта цепь не имеет права, иначе ворот истории закрутится назад, страна вновь останется без живительной влаги необратимых и принципиальных изменений.

Пока что Горбачев исправно крутит эту цепь. Хотя и признает откровенно, что, когда началась, всех ее звенев не видел и не представлял, что "накручивать" придется так много. Горбачев со своими сторонниками быстро убедились, что без революционной перестройки никакого ускорения не получится. И революционной она должна быть не только на словах. И никакая перестройка не получится без гласности, самой широкой. Даже сегодняшняя, весьма ограниченная гласность - нож в бок правящей номенклатуре. Это ярко показала прошедшая в Москве партконференция. Закрепить гласность хотя бы на сегодняшнем уровне может только демократический закон о печати. Нужны узаконенные демократические структуры, без них перестройка захлебнется. Об этом откровенно писали многие. Наконец, на партийной конференции было публично провозглашено: чтобы

двигать перестройку дальше, необходима реформа политической системы.

Историческое признание. Фактически, партийное руководство в лице Горбачева признало то, что долгие годы было принципиальным лозунгом политических противников коммунизма: нужна революционная перестройка экономики, нужна решительная реформа политической системы.

Что, однако, предлагает Горбачев? Ка-
кие вообще иные принципы отбора полити-
ческих руководителей страны возможны
в условиях однопартийной системы? О
каком правовом государстве может идти
речь, если коммунисты всегда и всегда
приходили к власти только путем
насилия, откровенно и даже фанатично
попирая демократические и правовые
принципы?

Новые правила отбора много дебатиро-
вались и на партийной конференции, и в
печати. Их основной элемент - формаль-
ные ограничения, призванные не
допустить рецидивов сталинщины и бреж-
невщины. Меры, навеянные печальным
 опытом. Но с истинно демократическими
принципами они имеют мало общего.

Что, значит ограничить срок выбор-
ного правления, будь то на 5 или на 10
лет? А если большинство избирателей
довольно, как работает их кандидат? Де-
мократический опыт знает массу приме-
ров, когда глава города, области или
страны регулярно получал большинство
голосов в течение 20-30 лет. Что значит

вводить возрастной ценз? Сколько угодно выдающихся политических деятелей, прекрасно исполнявших руководящие функции и в 65, 70 или 75 лет.

Не говорим уже о такой "мелочи": через 5 или 10 лет сразу все выборные руководители территориальных регионов теряют свои посты. Это — сотни тысяч администраций. Причем в расцвете сил 45, 50, 55 лет. За 10 лет навыки своей профессии они полностью растеряли. Что с ними делать, куда их девать? Аналогии с демократическими странами тут не годятся: там депутаты, как правило, люди свободных профессий (предприниматели, адвокаты, преподаватели и пр.), и потерять выборную должность для них не трагедия. Такая перспектива наверняка ухудшит качество отбора, согласиебаллотироваться будет давать "второй сорт". И не увеличается ли служебные злоупотребления: срок ведь все равно кончается?..

А что при однопартийной системе означают "выборы из нескольких кандидатов"? Кто их выставляет, по какому принципу? В какой мере избранный может проводить свою политику, независимую от верховных указаний? Если ни в какой, то в чем смысл выбора? И уж никак не могут измениться партийные принципы замены руководителей и их карьерного роста в промежутках между выборами. А они хорошо известны.

Основы демократии: люди выбирают между программами, а не лицами. Эрительные и служевые заблуждения у выборщиков, конечно, бывают, но не в них суть. Зная партийную принадлежность кандидата, избиратель уже знает его отношение к главным проблемам, которые его, избирателя, волнуют. Нюансы на местном уровне он, если хочет, узнает дополнительно. "Беспартийный", то есть беспрограммный выбор неминуемо приведет к апатии и цинизму избирателей. Особенно, когда пройдет первоначальный "эффект протеста".

Предлагаемые меры имеют благой основой хоть как-то повысить влияние рядовых избирателей, уменьшить бесконтрольность руководителей. Но как формальные показатели не привели к расцвету экономики, так и формальные ограничения не приведут к демократизации

политической структуры. Также никакие комиссии партийного или народного контроля полноценного и длительного контроля над руководителем не обеспечивают, его гарантирует только узаконенная оппозиция, как бы она ни называлась. Нет лучше контроля, чем сознание руководителя, что любое его исполнительное решение или законодательное предложение будет самым придирчивым образом встречено оппозицией. Идеальных решений, устраивающих абсолютно всех, в природе не бывает. И руководитель обязан самым тщательным образом взвешивать все плюсы и минусы еще до того, как в его решение "вцепилась" оппозиция. Только в такой политической структуре есть полноценный контроль, только в ней максимальные гарантии от некомпетентности и злоупотреблений.

Не случайно поэтому с трибуны конференции прозвучал вопрос академика Абалкина: "В состоянии ли мы, сохранив ... однопартийную систему, обеспечить демократическую организацию жизни? Да или нет?". И не случайно также никто не рискнул публично дать на него ответ. Нет, Леонид Иванович, конечно же нет!

Путь к будущей России

Политические основы Народно-Трудового Союза российских солидаристов

«Путь к будущей России» — вклад НТС в процесс становления независимой общественности, в восстановление преемственности нашего национально-государственного бытия, ткань которого была разорвана однопартийной коммунистической диктатурой. Мы уверены, что мысли и предложения, высказанные в этой работе, станут доступны нашим соотечественникам и что их участие в совместном обсуждении и действии будет способствовать начавшемуся оздоровлению нашей страны.

1988

88 с.

8 нм

Политика разума или политика силы?

В течение четырех дней на экранах наших телевизоров то и дело возникали настороженные лица делегатов XIX партконференции. Были, конечно, и другие лица – и равнодушные, и радостные, и откровенно злые лица тоже были – их было много, – но во всем этом разнообразии эмоций пяты тысяч человек, собравшихся в одном зале, именно настороженность выражалась наиболее явно; и если немного поразмышлять, то понятно, почему.

Кто собрался в конце июня 1988 года в Кремлевском дворце съездов? Кто эти мужчины и женщины, молодые и старые, сонные и ярые? Это – правящая структура государства. Партийно-государственный аппарат. Практические хозяева советского государства... Отчего же настороженность у хозяев? Против чего? Против кого насторожились? Почему настороженность, а не обычная равнодушная уверенность в своей силе, уверенность в том, что порядок вещей в стране незыблем и вековечен, – даже и тогда, когда уже стало ясно, что порядка нет, что плохо в стране с экономикой и дурна социальная политика, – отсутствует должный правопорядок – и что само положение правящей структуры вовсе не так уж и незыблемо и вовсе не вековечно, – пока неясная, но все-таки брезжит угроза власти.

В последнее время даже в официальной советской печати стали говорить, что в обществе возник "дефицит доверия" к правящим структурам. Эти разговоры о доверии – такая лукавая словесная игра: вот раньше, мол, было доверие, много было доверия, а теперь стали меньше доверять. Как будто вопрос о власти у нас в стране – это просто вопрос доверия, а не контроля партаппарата и КГБ!. Но все-таки и партаппарат, и КГБ и сегодня на месте, и Лигачев, и Чебриков – вон они в президиуме. А на лицах депутатов-функционеров – настороженность.

Редакционная статья московского независимого журнала "Референдум".

Ясно одно – разрушаются мифы, нарушается идеологическая монолитность системы. Точно ли, что представители одной партии собрались в Кремлевском дворце съездов?

Судите сами, можно ли к одной и той же партии причислить писателя Ю. Бондарева, ставшего на защиту мифов советской истории, и писателя В. Коротича, предъявляющего обществу уголовную подоплеку тех же самых мифов? Генерала П. Громова, восхваляющего политику, приведшую к афганской войне, и интelliгента Г. Бакланова, говорящего о войне как о преступлении и требующего наказания и покаяния? Партийного администратора Е. Лигачева, стремящегося удержать контроль над страной и обществом, и хозяинственника-менеджера В. Кабаидзе, заинтересованного в том, чтобы над ним вовсе не было административного контроля?

Можно даже обозначить платформы стоявшихся партий: одна – партия совести и покаяния, партия нравственных оценок; другая – партия охранительная, партия силы, партия жесткой политической линии, которая нравственным критерием руководствоваться вовсе не склонна.

Главной темой этой межпартийной борьбы стала политика гласности. Заметим, не свобода слова обсуждается – о свободе слова речи нет! – но именно "политика гласности", т. е. границы дозволенного; обсуждается, что можно и что нельзя говорить со страниц печати. При этом главным объектом неприязни и даже прорывающейся прямой ненависти стали попытки анализа тех исторических закономерностей, которые привели к политическому и экономическому кризису в стране. Ну, еще на Сталина вину возложить – куда ни шло! Ну, на Брежнева. Ну, в конце концов – на их подручных, но уж никак на сам общественный порядок. Вот где сейчас самая ожесточенная идеологическая борьба: возложить ли вину лишь на личности – и тогда можно не менять порядок вещей в государстве, или в самом этом порядке – причина

кризиса, и тогда... тогда встает вопрос о власти. Вот почему такую неприязнь - да что там, просто ненависть! - партийных функционеров вызывает редакторская деятельность В. Коротича и Е. Яковлева. Вот почему, называя ряд литературных генералов, "обиженных" упоминанием в печати их былых подлостей, Ю. Бондарев, казалось, с тоской вглядывается в зал, нет ли там Жданова, тот бы знал, как защитить. Вот почему шипением ненависти встречен был на конференции призыв Г. Бакланова к общественному признанию вины за войну в Афганистане.

Публично произнесенное слово - это сила, произнесенное слово - это объективированное общественное мнение, и кому же функционеру, и какому же генералу приятно, когда общественное мнение его чуть ли не за преступника держит? Да мало этого - общественное мнение, выраженное в слове, обладает удивительной способностью материализоваться в общественные структуры. Не самого слова боятся люди партии Лигачева-Бондарева, но его материализации. Не словесной позиции - а позиции политической.

В той межпартийной борьбе, которая так ярко вспыхнула на конференции, особую позицию занял сам М. Горбачев. Он не предлагал прямо запретить и задавить всякое с л о в о, способное создавать оппозицию и угрожающее созданием оппозиции. Нет, будучи политиком куда более мудрым и более хитрым, он стремится реформировать сами правящие структуры, чтобы они стали более гибкими, чтобы не ломались под напором общественного мнения, но гнулись, пружинили. Не в том ли смысл горбачевской политической реформы, где предлагается разделить законодательную и исполнительную власть, но не предусматриваются вполне демократические выборы со свободным выдвижением депутатов и свободной агитацией в их пользу. К чему это приведет? Не будет ли все это происходить, как и выборы на саму партконференцию?

Прошли митинги и демонстрации против самых одиозных партийных функционеров. И даже публикации были следом. И сбор подписей в пользу тех, кого

считали нужным послать... Кого-то отстояли. Но в основном прошли те, против кого демонстрировали. А в партийной печати заверяли: и те, и эти - все достойнейшие. Вот эти "достойнейшие" и в новых советах будут представлять общественное мнение... Показался ли опасным кому-то этот предвыборный шум? Или, напротив, шумите, мол, шумите, а партийный функционер свое дело знает... Много или мало, хорошо или плохо - и этот предвыборный шум, и эта предложенная реформа политической системы, и другие половинчатые шаги Горбачева? Много или мало? Это от чего считать.

И много - не бывало прежде такого на нашей памяти, и мало - до истинного выражения общественного мнения и общественных интересов в правящих структурах государства еще целая историческая эпоха, как-то мы проживем ее? Достанет ли у нынешнего руководства страны мудрости и политической воли удержаться на пути реформ? Достанет ли политической активности у тех, кто выражает нравственную оппозицию? Конференция показала, что будущее страны и общества зависит от двух этих партий.

РЕДЛИХ Роман

Советское общество

1972, карт. форм., 240 с.

18 нм

Социологический анализ советского общества. Превращение сталинской элиты в господствующий класс. Проблема его устойчивости и тенденций разложения.

БРУДЕРЕР Георгий

НАТО и Варшавский договор

Принципы, концепции, потенциалы

1985, 64 с.

10 нм

Обстоятельный исследование количественного и качественного потенциала военных систем НАТО и Варшавского договора. Иллюстрировано фотоснимками (черно-белыми и цветными), диаграммами, таблицами и текстуальными сопоставлениями стратегических, тактических и этических принципов. В приложении - политические оценки и альтернативы по документам НТС. Ценный материал для понимания позиций сторон в переговорах об ограничении вооружений между США и СССР.

Судьбоносный час приближается

И. СОЛНЦЕВ

Рост частного предпринимательства, называемого ныне, по приказу начальства, индивидуальной трудовой деятельностью, вызывает сложнейшие процессы в стране, дополнительно к национальной проблеме. Вообразите, какой эффект вызовет у тех, кто живет в коммунальных квартирах или общежитиях, рост и развитие советских капиталистов. Уже сегодня, ухмыляясь перед спрашивающими - сколько имеешь? - он отвечает: столько в день, сколько ты в месяц. Я это слышал сам и не однажды. Конечно, вся эта мразь паразитирует на полной неспособности, да и нежелании хозяев, наладить производство нужных, качественных (как теперь говорят) вещей. Имущественные, социальные различия и так достаточно велики и вызывают самое настоящее чувство ненависти у малоимущих слоев населения жителей деревень и маленьких городов, а теперь, когда советский бизнес легализируется и узаконится, то обстановка ухудшится, а прорывение возрастет.

По ленинградской программе телевидения была организована прямая передача - "общественное мнение". Происходил опрос людей на улице. Выяснялось их мнение по поводу индивидуальной трудовой деятельности, о кооперативах. Мне кажется, что передача не была "организована". Похоже, что все было настоящим. И более половины опрошенных, в том числе студенты и совсем молодые рабочие, высказывались весьма активно и резко отрицательно об "индивидуальной трудовой деятельности". И повторяю - главная причина такого отношения - колоссальные доходы этой группы советских дельцов и гешефтмахеров. Абсолютное большинство с неприязнью относится ко всей этой бурной деятельности, понимая, что в основном все же в выигрыше останется начальство, которое будет "иметь свой гешефт" с индивидуалов. (Среди последних русские составляют, даже в Ленинграде и Москве, не более

одной трети.) И противники хозяина будут использовать эту неприязнь в борьбе, которая неизбежна.

Недовольство и откровенная злоба к растущей на глазах советской буржуазии вызовет последствия, размах которых не берусь предсказать. Ослабление страха может привести к забастовкам, когда станет очевидно, что обещанное улучшение снабжения продуктами оказалось в очередной раз ложью. Такие забастовки раньше легко подавлялись: организаторов "изолировали" (как в Кировске, на Мурмане) и подбрасывали продукты, все быстро кончалось. Но ныне положение существенно изменилось, и среди начальства могут оказаться те, кто будет заинтересован в раздувании беспорядков. Стоит вспомнить и забастовки студентов и рабочих, посланных на уборку урожая. Они имели место в Ленинградской области, Алтайском крае, Свердловской области. Студенты требовали оплаты своего труда и улучшения условий жизни в бараках. При прошлогоднем положении с урожаем это было неожиданным и весьма ощутимым для хозяев. А что будет в этом году?

В момент возникновения беспорядков или крупных "голодных забастовок" может случится все, что угодно. Вплоть до вмешательства сил, пока находящихся "в тени". Это - военные. И одновременно существует тесно связанная со всем этим узлом проблема - "некоформальные объединения трудящихся". Они растут, как бамбук - за ночь на метр. Хозяева не умеют бороться с ними, ничего подобного не было раньше. Вот они и боятся, а между тем эти организации укрепляются. Единственный ответ хозяев - инфильтрация туда своих осведомителей и попытки использовать их в своих интересах вплоть до организации отрядов типа "хунвейбиновских". Говорить об этих маленьких группах, как зародышах будущих политических партий, может быть, еще рано. Мало времени прошло, чтобы сделать серьезные выводы. Однако в переломный момент эти

Статья получена из России.

объединения и группы смогли бы составить силу! И любая из сторон могла бы использовать эту силу. Если сумеет...

*

Много лет назад я верил и писал, что только в то время, когда они чутьем своим уловят действительную опасность, - как тогда, в 1941, - они пойдут на уступки Вере. Изменения в их политике к Православию стали заметны. Начиная с декабря-января, несколько сократилось число книг по атеизму, снизился объем атеистической пропаганды и явно изменился тон. Пока это так. Появились материалы в защиту верующих. Поразительно! Весьма высокие отзызы о духовных лицах, прямые требования вернуть украденное у православной Церкви имущество, которое гниет десятки лет под протекающей крышей, а это же бесценные книги. Тон статей удивляет. Он весьма решителен. Похоже, авторы получают поддержку из самых высоких сфер.

Разумеется, все эти жесты - открытие церквей, освобождение нескольких верующих - вынужденны... Заколебалось под ногами впервые с 1941-42 гг. Несильно, пока, но толчки слышны... Насколько далеко они пойдут? Заключат как-либо "конкордат"? Отменят ли, скажем, статью 227 в их так называемом Уголовном кодексе (об обучении детей религии)? Одно из самых омерзительных и подлых обвинений против тех, кто обучает детишек Закону Божьему. Разрешат ли в той или иной форме нравственно-религиозное воспитание? Но, если действительно это произойдет, то они идут далеко. Видимо положение даже сложнее, чем думали. Конечно, все эти "смелые выступления в печати", "гневные высказывания общественности" можно прикрыть через несколько недель. Здесь суть в другом - поиски любых союзников в надежде справиться с национальными оппозициями, когда судьбоносный час наступит...

Совершенно уверен, что их все более и более начинает пугать и деятельность зарубежной общественности народов России. Здесь речь не только о постоянно возрастающем объеме чтения самого

скверного пошиба о зарубежных организациях. Фильмы также появились много лет назад, но вот широкое освещение этих проблем власти на телевизионном экране и многократное повторение - это нечто новое. Одна такая передача имела место в прошлом году. Она шла под вывеской "Камера смотрит в мир", но целиком была посвящена организации НТС (за последние два года материалы об этой организации показывали по телевидению неоднократно). Она сделана с размахом. Направлена она исключительно на чувства, на возбуждение настроенности против НТС. Идеологии или программе организации не уделено и слова, а раньше распространялись долго и нудно... Видимо, даже это признано ныне достаточно опасным...

*

Я полагаю, вы понимаете, что провал реформ (который неотвратим) не означает исчезновения Горбачева. Это два разных вопроса. Он несомненно более осторожен, чем Хрущев и подготовится к такой возможности. Исходя из этого весьма трудно определить сроки его "царствования".

Значительно быстрее закончилось бы "его время" в случае быстрой и полной катастрофы в Афганистане. Поражение изменит обстановку в стране. Это будет означать неудачу внешней политики и позор для Советской армии. Ситуация еще обострится в случае, если рухнет коммунистический режим в Никарагуа, на который хозяева истратили миллиарды наших денег. Смута в Югославии, где обстановка становится все более неустойчивой, тоже повлияет на внутреннее положение империи. Все трудности этой братской страны вызваны национальной проблемой, которую коммунистическая тирания никогда не сможет разрешить. Югославия лишь пример того, что ожидает нас, своего рода работающая модель нашего неизбежного будущего.

В случае возникновения неустойчивости на фоне афганской катастрофы и осложнений с продовольственным снабжением, военные могли бы вмешаться. Объем моего письма не позволяет теоре-

тизировать, но думаю, что совершенно очевидно - переход реальной власти к военным или просто решительные действия с их стороны - великое благо. Тираны будут крайне ослаблены организационно, а идеально она дискредитирована окончательно. Необходимо разъяснение положительных моментов перехода власти к военным, которые только и могут создать альтернативу преступной власти аппараториков на всех уровнях. После "времени военных", что бы ни случилось, "большевистского времени" не будет...

Как мне представляется, следует более широко и значительно чаще ссылаться на старых авторов, столь пророчески, а иногда пугающе точно писавших о будущих ужасах, ждущих русский народ. Здесь и запрет посещать другие страны, разрушение церквей, истребление священников и самого русского народа.

*

Это некоторые предварительные замечания, главным же, основным в нашей просветительной работе, как мне кажется, должно стать подробное постоянное разъяснение и повторение того, что так называемые октябрьская и февральская революции были направлены против русского народа, против украинцев и белорусов, то есть против славян, которые по выражению Маркса "всегда контрреволюционны". Разумеется, марксизм враждебен любому народу, однако, прежде всего его жертвами стали славянские народы. Тогда, в 1917 году эта угроза скорее ощущалась, чем осознавалась до конца - и началась борьба... Поэтому и бежали с Родины миллионы людей. Поэтому и гибли в этой борьбе женщины, дети, старики. Это был настоящий геноцид. Сознательно организованное, наперед спланированное уничтожение лучшей, наиболее сознательной, честной, трудолюбивой части нашего народа.

Представляется необходимым сосредоточиться на таких этапах уничтожения народа: 1. "Русская революция" направлена против русского народа. 2. Уничтожение наиболее сознательной трудовой части народа, наиболее боеспособной-

казачества - прямой ущерб обороноспособности державы. 3. В связи с тем, что сопротивление славянских народов оказалось более сильным, а рождаемость быстро покрывала страшные потери, было предпринято "решение национального вопроса", который по выражению Сталина есть по сути вопрос крестьянский. Итак, последовало истребление крестьянства. 4. Война со всеми вытекающими отсюда последствиями. 5. Уничтожение остатков в лагерях. 6. Послевоенное падение рождаемости. 7. Хрущевская борьба с религией. 8. Брежневская эпоха и алкоголизм. 9. Падение рождаемости у славянских народов и повышение детской смертности. Желательно издание, по каждому из вышеприведенных пунктов, очень небольших (объемом 140-150 стр.) работ, написанных самим доступным языком. Последнее важно, советский рабочий должен понять содержание, даже на следующий день после получки.

Весьма желательна широкая публикация материалов об "их происхождении" и "их начале". Вербовка у Людендорфа, контакты с немцами, получение денег от немцев, уничтожение флота и русской армии по приказу немецкого генерального штаба: Зиновьев в Кронштадте получает указания от немецких разведчиков. Наконец, получение оружия и прямой помощи от немцев. Причем необходимо всячески связать прошлое с современностью. Желание хозяина пригласить английские войска для того, чтобы держать фронт в 1941-42 гг. Их жалкая зависимость от американцев ныне. От получения зерна, а теперь еще и от современной технологии, без которой советская экономика уже не в состоянии существовать. И все глубже и глубже увязают они в иностранной помощи. Следовательно, они зависят от Запада, как они всегда зависели; просто ныне зависимость становится все опаснее.

Итак, возвращаясь еще раз к главному стержню всего - уничтожению народа - хочу заметить, что книга Горбачева содержит прямое утверждение, что коллективизация была правильным делом. Следовательно, здесь они отступить не

могут. Хотя они пятались и предостаточно. И признавались в совершенно чудовищных преступлениях, но не в этом.

Здесь они будут стоять на своем до самого Суда. Впрочем, они будут лгать и перед Господом...

Перестройка перестройки

Андрей НОВИКОВ

Ниже публикуемый материал – "Открытое письмо генеральному секретарю Михаилу Сергеевичу Горбачеву" – получен нами из России. Автор его, – Андрей Новиков, – как видно из текста, принадлежит к после-оттепельевскому поколению и не столичный житель. Это откровенный и непосредственный голос молодой общественности, который в официальных изданиях звучит главным образом в разделах "Письма читателей". Тем интереснее нам кажутся оценки и выводы автора по поводу горбачевского плана "перестройки", которые, хотя письмо и было составлено в сентябре 1987 года, своей актуальности не потеряли. Заканчивая письмо, А. Новиков предупреждает, что копии его он собирается "распространять среди общественности".

К печати письмо подготовлено редакцией и публикуется с сокращениями.

Уважаемый Михаил Сергеевич!

Для того, чтобы Вы могли лучше понять идею, вынесенную в заголовок этого письма, позвольте начать с одной чисто теоретической мысли – сделать методологическое пояснение понятия "перестройка – перестройки". Хорошо известно, что важнейшим критерием всякого принципа (закона) является его "обратимость самого на себя". Только в том случае, когда практикуемый принцип "подчиняется сам себе", такой принцип можно считать методологически приемлемым (элементарный пример из реальной жизни: служители закона сами должны подчиняться закону и т. п.). Таким образом, важнейшим критерием начавшейся сейчас в нашей стране перестройки должна быть способность ее субъекта и ее средств к мобильной "перестройке в процессе перестройки", или, иначе говоря, способность перестройки к своему перманентному (непрерывному) продолжению, к саморазвитию и самоопределению. Только в этом случае может быть гарантирована перспектива самообновления общества. Таким образом, гарантией исторического успеха перестройки может быть не ее "выполнение" (как традиционное выполнение, порой "досрочное", планов партии), а понимание перестройки как непрерывно саморазвивающегося исторического процесса.

Трагический опыт построения в нашей стране социализма обнажает, на мой взгляд, самую главную методологическую и этическую проблему: проблему диалектики "идей" и "методов", с помощью которых осуществляются идеи; проблему диалектики "целей и средств". Собственно проблема состоит в том, что новые идеи должны быть одновременно и практической методологией, конкретными методами их осуществления. Ибо нельзя новое утверждать старыми методами. Нельзя для реализации праведных вещей пользоваться неправедными средствами.

И давайте не будем, уважаемый Михаил Сергеевич, ограничивать трагедию нашего прошлого этим странным искусственным официальным понятием "культ личности". Критика сталинизма всегда будет ограничена, если предметом ее будет выбрана только одна личность и ее "культ". Нет, сталинизм – не только "культ", не только политический режим, при котором стали возможны злоупотребления властью. Сталинизм – это явление не только на уровне политической надстройки, это определенная социально-экономическая система в самом базисе реального социализма. Я сам это недавно понял, когда узнал об экономически приоритетной функции сталинских исправительно-трудовых лагерей, то есть о лагерях не как "исправитель-

ном", а как в первую очередь экономическом предприятии. Стране в период индустриализации была нужна бесплатная рабочая сила, рабский принудительный труд, - отсюда создание соответствующего института принудительного труда - исправительно-трудовых лагерей экономическая необходимость которых и обусловила практику массовых репрессий, осуществлявшуюся на социальном и политическом уровне... Итак, сталинизм - вовсе не "культ", сталинизм - это система, это строй.

Знаю я и другой стандартный контраргумент, который очень часто приводят в таких случаях: да, было много плохого, но ведь было и столько хорошего, были свершения - да какие! За короткий срок мы стольского достигли - из отсталой аграрной страны превратились в могучую индустриальную державу... И т. д. Но давайте осмыслим эти уже набившие оскомину в нашей пропаганде аргументы не риторически, а в корне. Давайте спросим себя: не больше ли мы потеряли за период сталинской индустриализации, чем приобрели?!

Я живу возле гигантского Рыбинского водохранилища, созданного в период сталинской индустриализации. Я прекрасно понимаю, насколько необходима была в те годы электроэнергия, насколько она необходима и теперь. Но меня поражает чудовищное несоответствие между гигантскими размерами этого Рыбинского искусственного моря и крохотными размерами самой ГЭС. Я не раз спрашивал себя, когда бывал там: неужели для такой маленькой ГЭС необходимо было останавливать Волгу, создавать гигантские объемы застойной воды и - самое главное - затапливать несколько городов и десятки деревень?! Я сейчас не поднимая данный конкретный вопрос о Рыбинской ГЭС, - я просто говорю о своих впечатлениях от всего этого. Однажды я плыл по нашему профессиональному морю на теплоходе. Я стоял на палубе и любовался красотой бескрайнего водного пространства. И вдруг... я увидел торчащий из воды шпиль куполов колокольни - за десяток километров от берегов. Мне стало жутко. Жутко было думать, что под тобой находится затопленный мертвый город. И я никогда не

пойму выгоды такой индустриализации, ибо истина и красота - одно и то же, а то, что я видел, было жуткое зрелище. Это был невольный памятник тем победам - во имя вождя, во имя "могучей державы". Памятник этот - останется нам и нашим детям. Им не, надо будет ничего объяснять, достаточно будет впечатления от этого торчащего из воды шпиля от этих мертвых куполов...

Итак, я хочу повторить свой вопрос, адресованный если не к Вам лично, то во всяком случае к вашей партии, которой народ верил 70 лет и которой я сам верил до недавнего времени: не больше ли мы потеряли, чем приобрели за годы сталинизма? Сейчас, как вы знаете, в нашей общественности идет дискуссия по этому поводу. Перечисляются десятки имен погибших людей, десятки названий уничтоженных памятников культуры, сотни мест в нашей природной экосреде, которые также стали жертвами сталинизма. Вы (я обращаюсь к вашей партии!) уничтожили миллионы людей, вы уничтожили культуру, вы уничтожили и загнали в подполье или выгнали из страны нашу интеллигенцию; вы почти разрушили нашу экологическую среду. И, наконец, вы произвели самое страшное разрушение - в духовно-нравственной и мировоззренческой сферах. Вы простили марксизм и деформировали, изуродовали души оставшихся в живых миллионов!..

Михаил Сергеевич, простили меня за мой тон, но иначе я просто не могу. Я не знаю на собственном жизненном опыте, что такое сталинизм, по той простой причине, что я тогда еще не жил. Мне только 20 лет, и какаянибудь пропагандистская проститутка, конечно, запросто объяснил мой болезненный интерес к этой теме - мол, наслушался западных "голосов" и т. п. Но, Михаил Сергеевич, не понаслышке я об этом знаю. Я видел все это собственными глазами. Я видел шпиль той затопленной колокольни, я видел нравственных уродов эпохи сталинизма, я каждый день вижу метастазы безнравственности, которые сегодня продолжает давать та далекая эпоха. Я вижу это, я ощущаю это, ибо у меня есть глаза. И дело вовсе не в "радиоголосах"...

Мне кажется, Михаил Сергеевич, вопрос в том, больше мы тогда достигли или потеряли? - теоретически решен абсолютно. "Праведная цель", ради которой требовались такие средства, сводится на нет. Очень хорошо это выразил (хорошо и просто) один читатель, письмо которого было недавно опубликовано в "Огоньке". Он написал: "Нельзя счастье народа строить на его костях". Ибо средства и способы, которые берутся для достижения какой-либо цели, - не абстракции, а конкретное содержание цели. Вот почему "неправедные средства" способны выколотить, свести на нет "праведную цель".

Пример тому сегодня - вопрос о демократии, о гласности.

Нельзя не задать себе вопроса о том, чем является сегодня начавшаяся демократизация и гласность: духовной ценностью, условием для нормального, полнокровного, здорового функционирования общества, или же - всего лишь средством для достижения определенных перестроек целей?

Вопрос этот возникает не априори: к сожалению, имеются уже в политической практике перестройки факты, заставляющие задуматься, какой же конкретный смысл вкладывается нашим руководством в понятия "демократия", "гласность", "перестройка".

Не раз я слышал из уст секретаря ЦК Е. К. Лигачева, курирующего вопросы идеологии и пропаганды, слова о "контrole над перестройкой", о "границах (или рамках) гласности" и т. п.

Что касается гласности, то здесь возникло явление, которое я бы назвал "лимитируемой гласностью".

К. Маркс однажды высказал мысль, что "разум существовал всегда, но не всегда в разумной форме". Перефразируя этот афоризм, можно сказать, что гласность существовала тоже всегда, но оставалась в рамках коллегиальной осведомленности элитарной номенклатуры. Я об этом пишу, потому что вся суть понятия "гласность", быть может, в том и состоит, что это понятие не может быть ограничено какими-либо рамками или масштабами. Гласность - как правда: либо она есть, либо ее нет. Полуправда - хуже лжи, лимитируемая глас-

ность, доступная лишь части общества, быть может, хуже безгласности.

Теперь конкретные примеры того, что я называю "лимитируемой гласностью". Недели две назад я пришел в ближайшее отделение связи - подписатьсь на газету "Аргументы и факты", и с удивлением услышал, что издание это строго лимитировано, причем не просто по техническим причинам, а по причинам, так сказать, политическим: подписаться можно только с разрешения, заверенного подписью секретаря партийной организации. Я не мог задать свой вопрос работнику почты, поэтому я бы хотел задать этот вопрос Вам - Генеральный секретарь ЦК КПСС: скажите, пожалуйста, что это за такая гласность, для доступа к которой требуется санкция партийного секретаря?

Второй пример относится к газете "Московские новости", в последнее время ставшей символом либерализма нашей печати. Газета эта распространяется в 140 странах мира, но давайте посмотрим, как она распространяется у нас дома. Мало того, что подписаться на нее невозможно, - в розничной продаже купить ее можно лишь с огромным трудом. И вряд ли за этим странным дефицитом стоят одни лишь элементарные технические проблемы. Вообще говоря, в нашей стране за всяkim (или почти за всяkim) дефицитом стоят не только естественные трудности, сколько некая искусственная политика лимита. "Московские новости" издаются прежде всего для иностранцев, и, вероятно, такой "экспортный" характер этого издания и обусловил его подчеркнутый либерализм. Итак, как же понимать феномен гласности "Московских новостей" - как гласность на экспорт, как лимитируемую гласность? Если так, то тогда все понятно: ведь лимит всегда нетрудно закрыть...

Таковы частные примеры, но политическая проблема, конечно, заключается не в них. Проблема эта состоит, повторяю, в том, КАКОЙ СМЫСЛ вкладывается советским руководством в провозглашаемые им идеи и лозунги.

Если это настоящая гласность - то гласность всеобщая и доступная, а не лимитируемая или "экспортная". Глас-

ность не как средство в политической борьбе, а как необходимое **перманентное** условие для нормального функционирования общества, **глубина как самоценность**. Если это демократизация, то не как "разовое потепление", не как опять-таки "средство" для достижения перестроичных целей, а демократия как **перманентное, глубинное, неотделимое условие для нормальной жизни общества**. И наконец, если это **перестройка**, то не перестройка как политический процесс "смены власти", а опять-таки как **перманентный исторический** процесс самообновления общества, который не должен закончиться ни к "90-му году", ни к году "2000-му".

В такие переломные исторические моменты как теперь, дальнейшее развитие общества, его перспективы - непосредственно начинают зависеть от того, как мы себе представляем будущее. Вот почему основной вопрос перестройки сейчас - это вопрос о конкретности тех понятий, которые мы в нее вкладываем.

Существует любопытное мнение, что сейчас идет, собственно, не перестройка, а лишь борьба за нее, то есть некий предварительный "предперестроечный" период, когда решается вопрос о том, какой быть истинной перестройке, какому быть тому качественно новому состоянию нашего общества, которое ставится целью перестройки.

Таким образом, перестройка предполагает как бы два этапа. Первый этап - провозглашение перестройки, то есть открытое признание необходимости произвести некоторые изменения. Но такое провозглашение представляет собой лишь самую абстрактную предпосылку конкретных перемен. Вот почему закономерно начинается конкретное обсуждение намеченных перемен. Это - этап "борьбы за перестройку". Он у нас сейчас и происходит. Второй этап - это "перестройка самой перестройки", то есть некая ее качественная радикализация, означающая превращение ее в саморазвивающийся процесс, который причину собственного движения будет иметь в самом себе, а не из установок партии.

Моя основная идея, Михаил Сергеевич, заключается в том, что, собственно, только со второго этапа, то есть с

"перестройки самой перестройки" начнется процесс, который по праву можно назвать революцией.

А пока дело обстоит, грубо говоря, так. С одной стороны, "сверху" идет новая политика. "Снизу" происходит пробуждение общественного самосознания - необходимая предпосылка для социальных реформ, для демократизации. "Посредине" находится партийно-государственная номенклатура, которая, как Вы сами, Михаил Сергеевич, однажды сообщили, составляет 18 миллионов человек. 18 миллионов бюрократической номенклатуры, которая занимается, главным образом, тем, что указывает и приказывает, как работать остальным. Да прибавьте к этим 18-ти миллионам армию, милицию, органы госбезопасности и пр. - то есть все те институты государства, которые должны с помощью принуждения, насилия, репрессий гарантировать определенный политический режим, по которому функционирует наше огромное государство! В итоге мы получим не меньше 30 миллионов административного и принудительного аппарата, которые сами ничего не производят, занимаются убеждением и принуждением во имя коммунизма всего остального народа. Иными словами, на каждые 30 работающих в стране приходится три чиновника, один из которых указывает, другой - убеждает, а третий - принуждает...

Но я вернусь к проблеме перестройки. Сейчас перестройка находится пока на таком этапе, когда новую политику "сверху" пытаются проводить через традиционные советские институты власти, меняя, правда, в них частично номенклатуру, но сами эти институты оставляя в прежнем виде. Не надо быть пророком, чтобы предвидеть неосуществимость такой перестройки. Борьба нужно вести не с последствиями, а с причинами, их порождающими. Другими словами, мало провести чистку среди наиболее коррумпированных слоев номенклатуры, - необходимо кардинальным образом изменить структуру власти, которая порождает коррупцию и злоупотребление.

Как известно, созданная Сталиным командно-административная система не имела естественных экономических рычагов управления. Вот почему такая власть

могла держаться только на перманентном насилии. Экономика, эта так сказать, "биология" общественного организма, постоянно проституировалась, извращалась, подавлялась командно-административной системой управления, основанной на приоритетности политических и идеологических мероприятий перед экономическими объективными законами развития общества.

Отсюда - традиционный приоритет насилия в советской системе. Отсюда, в частности, наделение органов государственной безопасности абсолютными полномочиями. Особое положение КГБ в структуре партийно-государственной власти осталось и после Сталина (вспомним, что Хрущев был снят прежде всего по инициативе КГБ), и этот абсолютный примат КГБ в советской политической структуре остается и по сей день. Существует даже мнение, что истинной "направляющей и управляющей силой" советского общества является не партия, а КГБ. КГБ - это воплощение однопартийного государства, это институт, возникший в результате срастания партийного и государственного аппаратов. Я бы даже определил КГБ не иначе, как "партия, ставшая государством".

Естественно, что дальнейшие социально-экономические перемены в нашей стране невозможны без кардинальной реформы всей структуры нашей власти, и прежде всего КГБ. Формула перестройки в этом плане проста: правовая гарантia уже произведенных политических перемен, гарантia новой политico-экономической реформы. Но нельзя проводить "чисто" экономические реформы, не затрагивая при этом "основу производительных сил" (Маркс) - самого человека и всю сферу его социальной, политической, культурной инфраструктуры. Вот почему, Михаил Сергеевич, Вы пришли к единственно правильному пути экономического ускорения - широкой демократизации в стране. Иначе говоря - к реформам социальным. Пока что этих реформ нет, они только намечаются, но уже сейчас совершенно ясно, что новая экономическая политика немыслима без них. Но так же абсолютно ясно и другое: что невозможно произвести широкие социальные реформы в стране, не реформировав госу-

дарственный аппарат насилия и принуждения, блок "КГБ-МВД".

Что касается милиции, то к ней требование общественности уже предъявлено, оно элементарно и естественно: исполнители закона сами должны подчиняться закону. То же самое можно сказать и в отношении КГБ. КГБ должен стать равноправным юридическим субъектом перед обществом, перед каждым гражданином конкретно. Необходимо четко политически и юридически очертить прерогативы органов госбезопасности. По здравой логике в подлинно свободном обществе эти органы должны заниматься только двумя вещами: разведкой и контрразведкой. Между тем историческая печальная память практика этих органов показывает, что они занимаются весьма широким кругом вопросов: тут и позорное курирование идеологических вопросов, культуры, литературы, борьба с инакомыслием и т. д. Неужели непонятно, Михаил Сергеевич, что народ наш, общественность наша никогда не вздохнет свободно, никогда не произойдет социального раскрепощения, если не расформировать блок КГБ-МВД и их производные - такой позорный институт, например, как карательную психиатрию?!

Далее. Начав производить социальные реформы, Вы, таким образом, будете вынуждены изменить саму структуру советской власти. Это касается, например, роли (традиционно фиктивной) советов в структуре власти, которая именуется советской.

Таким образом, для широких социальных реформ необходимо будет ликвидировать абсолютный примат партии в советской системе.

И дело заключается отнюдь не в том, чтобы полностью ликвидировать приоритетную роль коммунистической партии в советском обществе. Проблема состоит лишь в том, чтобы создать некоторую политическую инфраструктуру общества, то есть ряд демократических институтов, ряд независимых социальных структур, ряд даже независимых политических партий, которые осуществляли бы над деятельностью правящей партии в области государственной политики "контроль снизу".

Ведь партия по сути дела монополизировала политическую жизнедеятельность общества, лишив тем самым народ возможности непосредственно участвовать в политической жизни, создавая независимые самостоятельные структуры и партии. Политика есть квинтэссенция социальной жизни.

Вот почему невозможно решить тысячи и миллионы накопившихся у нас социальных, административных, производственных, экономических, бытовых и всех других "частных" вопросов, не решив перед этим общие вопросы, то есть вопросы политические.

Демократизация в социальной сфере поэтому немыслима без создания совершенно новых политических институтов, без создания новой системы "политической инфраструктуры" общества.

И в этой связи - о плюрализме. Сейчас считается хорошим тоном рассуждать, что демократизация в нашей стране вовсе не означает введения демократии западного типа, то есть плюрализма. У нас, дескать, другая, - "социалистическая" демократия "с порядком". Между прочим, о так называемой "социалистической демократии с порядком", о так называемом "подлинном народовластии" говорят очень давно, и самое интересное то, что ровно столько, сколько у нас говорят о "социалистической демократии", ровно столько у нас вообще никакой демократии нет. Так в чем же тут дело? А дело вот в чем. Так называемый плюрализм, то есть система, признающая право и возможность существования и конкуренции различных политических партий, представляющих различные социальные слои, - является отнюдь не западной разновидностью демократии, а способом существования всякой демократии. Демократия и плюрализм - это одно и то же.

Далее. Хорошим тоном также считается у нас рассуждать (и Вы, Михаил Сергеевич, тоже любите говорить на эту тему), что наши перемены не имеют ничего общего с шагом в сторону капитализма, что, напротив, это "большое социализма" и т. д.

Уважаемый Михаил Сергеевич! Откуда столько ханжества? Перечитайте ленинские произведения периода изпа, - напри-

мер, статью "О продналоге". Ведь там Ленин прямо писал, что для нас государственный капитализм сейчас является более высокой ступенью, чем социализм, основанный на командно-административной системе (я цитирую неточно). Зачем же так стыдиться того, что нам сейчас, как и тогда, действительно нужны капитализм, рыночная экономика и плюрализм?

Таковы некоторые мои размышления о перестройке.

Итак, сейчас мы находимся на таком этапе перемен, когда необходима конкретизация того, что мы именуем перестройкой. И решительная качественная радикализация перестройки будет означать в то же время и ее конкретизацию.

Мы сейчас находимся только в самом начале настоящей перестройки, и понимание этой истины создает гарантию того, что настоящая перестройка обязательно должна начаться, гарантию того, что мы не "закончим перестройку досрочно", то есть раньше, чем она успеет начаться.

И позвольте закончить мое письмо следующим четверостишием Омара Хаяма:

О мудрец! Если тот или этот дурак
Называет рассветом полуночный мрак,
Притворись дураком и не спорь
с дураком

Каждый, кто не дурак, вольнодумец
и враг.

Благодарю Вас, Михаил Сергеевич, за внимание. Разумеется, у меня нет гарантии того, что это письмо дойдет до Вас, но тем не менее я считаю необходимым попытаться передать его лично в Приемную Центрального комитета, а copies его - распространить среди общественности.

10-14 сентября 1987.

Не упускайте случая переправить наш журнал в Россию или передать находящимся за границей гражданам СССР. Для возмещения переданного экземпляра обращайтесь по адресу издательства „Посев“ к А. А. Кандурову.

Российская государственность

Многонациональное государство – настоящее и будущее

Ростислав ЕВДОКИМОВ-ВОГАК

Публикуемая статья – тезисы доклада "Состояние российской государственности", подготовленного автором для Московского международного семинара по гуманитарным проблемам, секция "Национальные проблемы". Этот семинар состоялся в Москве 12 и 13 марта 1988 года. Вмешательство властей не позволило ряду иногородних участников семинара, в том числе и Р. Евдокимову, лично на нем присутствовать. Сокращенный вариант доклада Р. Евдокимова был опубликован в независимом журнале "Референдум" (1–15 апреля 1988 г.), а полный текст – в журнале "Российские ведомости" № 9, апрель 1988 г., который приводится ниже. Заголовки сделаны редакцией "Посева".

То, что мне предложено изложить как проблему современной российской государственности, должно быть рассмотрено с двух сторон: синхронии и диахронии. С точки зрения синхронии следует различать следующие аспекты проблемы:

1. политico-государственный;
2. социально-экономический;
3. культурный;
4. идеологический;
5. экологический;
6. национально-российский;
7. межнациональный (внутренний);
8. международный (внешний) и оборонный.

С точки зрения диахронии каждый из этих аспектов и их пересечения следует рассматривать как процессы, имеющие свои корни в прошлом, динамическое развитие в настоящем и то будущее, которое нам желательно предвидеть, а в идеале хотя бы отчасти направлять. Однако размеры настоящего доклада заставляют воздержаться от последовательного соблюдения этого принципа и обращаться к нему лишь время от времени, да и то чаще всматриваясь в будущее, чем оглядываясь на прошлое, что, строго говоря, препятствует проведению правильного анализа.

Кроме того, всегда следует помнить, что реальности сегодняшнего дня заставляют рассматривать проблемы России в тесном сопряжении с проблемами других народов нынешнего СССР. Эта нужда приневоливает меня в дальнейшем постоянно говорить о том едином государственном образовании, в котором все мы сейчас живем, вне зависимости от того, нравится нам это или нет. Так как

постоянно делать подобные оговорки глупо, я предупреждаю сразу, что употребление мною топонимов Россия (до 1917 года) и СССР (после 1917 года), а также Россия (после 1917 года) как синонима РСФСР носит формально-географический характер и не должно быть понимаемо как выражение каких-либо национальных или политических пристрастий.

Ясно, что столь обширная тема иначе как конспективно в рамках какого бы то ни было доклада (кроме как на съездах партий, разумеется) изложена быть не может. Поэтому я намерен говорить не обо всех гранях этого многосложного кристалла – российской государственности, – но лишь о тех, что представляются мне наиболее важными, либо наименее известными широкой публике и, наконец, просто лучше знакомыми лично мне. В частности, это означает, что без крайней нужды я не стану рассуждать обо всех известных недостатках нынешней политической, экономической и идеологической системы.

Государственное устройство

Что до формально государственного устройства, то Советы, как таковые, видимо не хуже и не лучше ряда других форм. Можно вспомнить, что исторически Советы не всегда были связаны с диктатурой какой-либо определенной партии: к примеру, система панчайтов в королевстве Непал в теории мало чем отличается

от близкого советскому государственному устройству "народной демократии", скажем, в послевоенной Румынии, когда "прогрессивные силы" уже пришли к власти, но во главе государства стоял еще король. Вообще, от провозглашенных в теории государственных структур часто бывает заметное расстояние до осуществляемых на практике политических решений. Кажется, всем нам вскоре предстоит в очередной раз убедиться в этом, когда в Афганистане вылупится диковинный монстр: Исламская Социалистическая Монархическая Республика.

Россия исторически, как никакая другая страна, была склонна к совмещению казалось бы несовместимых внешних форм и внутреннего содержания. Так, один проницательный немец еще в прошлом веке заметил, что под самодержавной царской оболочкой в этой стране скрываются сотни тысяч самых демократических в мире крестьянских республик. Наоборот, под прикрытием формально весьма демократической "сталинской" Конституции 1936 года здесь творились чудеса на зависть Ашшурбанипала и Калигуле вместе взятым. Итак, вопрос о формально провозглашенном устройстве власти, как ни странно, можно считать почти безразличным.

Иное дело, что конкретное функционирование любого государственного устройства должно подчиняться ряду условий. Но здесь мы постепенно переходим скорее уже в область социальной и экономической жизни страны. Во-первых, следует обеспечить возможность создания и равноправного участия в политической жизни любых неэкстремистских политических партий. Уместно вспомнить, что ни даже нынешняя Конституция, ни Свод Законов нигде не запрещают их деятельности, что и дает основание отнести предлагаемую реформу не столько к государственно-политической сфере (в ней формально менять нечего), сколько к социальной (во всех слоях народа и в правящем слое должно "всего лишь" измениться сознание, отношение к такой возможности). Ссылки на традиционно сложившуюся однопартийную систему, ясное дело, вполне бессмысленны: традиционно у нас многое чего сложилось,

что сейчас мы радостно пытаемся "разложить".

В частности "традиционно сложившаяся" система выборов без выбора, одного кандидата на одно место, заставляет подумать о борьбе с этим вредоносным явлением не экспериментами и пожеланиями, а, возможно, на первых порах прямым законодательным предписанием: на все выборные должности выдвигать не менее двух кандидатов, причем по возможности от разных партий, организаций либо общественных групп.

Третье необходимое условие здоровой жизнедеятельности государственного организма - последовательное проведение принципа разделения властей, хотя бы и применительно к Советам как единому, верховному источнику власти. В конкретных сегодняшних условиях это прежде всего означает учреждение Конституционного суда, в который должен иметь право обращаться любой гражданин при условии прохождения им всех других судебных инстанций, если эти последние отказывают в удовлетворительном решении его пусть бы и частного дела по причинам принципиального характера (толкование законов, соответствие одних законодательных актов другим, соответствие внутреннего законодательства нормам международного права, признаваемого государством, и т. п.). Институт Конституционного суда позволил бы избежать, если не всех, то многих злоупотреблений властью, бюрократических изощрений, реакционно-ократительных решений в социальной, экономической, культурной и других сферах.

Кроме того, именно в целях государственного строительства Россия нуждается в резком повышении правового сознания населения, авторитета судебной власти, совершении всех видов законодательства и радикальной реформе пенитенциарной системы. Наряду с учреждением Конституционного суда этим целям должны послужить законодательные меры по обеспечению истинной независимости судей: несменяемость судей (за исключением четко оговоренных особых случаев, таких как совершение ими уголовных преступлений, тяжкие психические заболевания и т. п.); уголовное, а не

административное преследование попыток давления на них; достойное их роли в обществе повышение окладов судей; отделение следствия, прокуратуры и суда друг от друга; обеспечение состязательности процесса признаком адвокатам истинно равных прав с обвинением (в частности, допуск их к подследственному с момента задержания); введение суда присяжных для предварительного рассмотрения определенной категории дел; резкое увеличение бюджетных ассигнований на техническое обеспечение судов и выделение для них подобающих зданий. Пожелания можно множить, но пока не будут выполнены эти самые необходимые условия, любые попытки реформ будут сталкиваться с сопротивлением, для преодоления которого не будет никаких механизмов, кроме вооруженной силы.

Наконец, следует законодательно ограничить саму возможность наказаний в виде лишения свободы и, тем более, смертной казни за преступления, не связанные с угрозой жизни и здоровью граждан. В известных случаях следует предусмотреть обязательность проведения плебисцитов (референдумов), однако подробнее сказано об этом будет в другом месте доклада, ибо на сегодняшний день из вопросов, могущих быть рекомендованными для вынесения на плебисцит, самые животрепещущие – вопросы межнациональных отношений.

Государственная и общественная мысль

Переходя к положению в области идеологии, полезно вспомнить, что основным и извечным водоразделом русской общественной и государственной мысли является деление на течения, получившие в прошлом веке названия "западников" и "славянофилов", "почвенников". Их прообразы видны в Петре I и Алексее, в Иване IV и Курбском и в конечном счете восходят к Киевской Руси и ее отношениям с Византией, Европой и Великой Степью. В этом смысле главным наследием Византии будем считать Россию: проводником или изолятором, посредницей или преградой между Востоком

и Западом? Кстати, исторически сходную роль выполняла не одна Россия, но и (со всеми поправками на местное своеобразие) Украина, Белоруссия, Прибалтика, Закавказье, а в зарубежье – Польша, страны Балканского полуострова, Ливан. Во всех этих странах мы находим более или менее схожее раздвоение общественных пристрастий и государственных устремлений. Так что по большому счету Россия со всеми ее Западно-восточными, евразийскими дилеммами не одинока. Лишь благодаря ее разнамерам и роли в современном мире ее проблемы получили видимость исключительности.

Не следует удивляться порой парадоксальному смешению струй этих двух рек русской мысли. Сейчас, как представляется, они выступают в обличии почвеннических в основе настроений общества "Память" и близких к нему кругов, осложненных вполне западным активизмом, иезуитством, в отдельных случаях некоторой долей националистического и коммунистического утопизма, а с другой стороны – чисто западнического реформистского марксизма-ленинизма ("перестройщики"), не чуждого, впрочем, типично азиатской созерцательности, склонности к заклинаниям, известной мере деспотизма и псевдорелигиозного фанатизма. Автор сразу приносит извинения совершенно всем членам всех группировок, ибо отдает себе полный отчет в том, что не найдется ни одного человека, который согласился бы, что его убеждения могут быть описаны одним из этих способов. Существенно, что обновленцы-коммунисты располагают реально существующей государственной структурой, а традиционалисты-националисты – энергично развивающейся, иногда и агрессивной идеологией.

Круги, мыслящие себя центристами, предпочли бы видеть будущее России в диалектической симфонии указанных противоречивых элементов. Видимая путаница в понятиях крайних группировок могла бы быть преодолена на пути временного сохранения советской власти как формы государственного устройства до созыва в подходящий момент Учредительного собрания, которое и решило бы: сохранять ее и далее в каком-то модер-

низированном виде или заменить на что-то иное. В любом случае, однако, необходимо развитие демократических тенденций и снятие преград на общение с внешним миром, с одной стороны, но и укрепление традиционных национальных ценностей в виде возрождения уважения к религии, к обычаям и культуре России и преимущественное развитие общинного, общественного (в частности кооперативного) сектора экономики – с другой. Вообще же в экономике, видимо, следует избрать систему трех укладов, ограничивающую государственный жизненно необходимыми в общеноциональном масштабе отраслями, а частный – прогрессивным налогом. В сельском хозяйстве частный уклад может быть ограничен снизу размерами неделимого земельного участка, достаточными для поддержания достойного жизненного уровня семьи, а сверху – размерами участка, который может быть обработан крестьянином самостоятельно, используя современную технику и сезонных рабочих.

Недоуменное разочарование вызывает сегодня у многих неприглядная картина свары среди российских активистов разных толков. При этом забывается, что лавинообразное увеличение числа политических и общественных группировок и их раздоры – типологически неизбежный признак периодов политической либерализации в любой стране. Так же неизбежно и блокирование близких по духу группировок в дальнейшем, видимо, в три основных течения, которые условно можно обозначить как левые, правые и центр. Кстати, как ни парадоксально, четкое оформление каждого из этих блоков выгодно всем. Практика показывает, что какой-либо монархической, троцкистской, или либеральной группе проще бывает договориться о совместной тактике в рамках одного блока с другим блоком, чем разрешить идеологический конфликт с близкородственной организацией.

*

К идеологии примыкают вопросы сохранения культурного наследия, возобновления связи времен, нынешней роли культурного строительства. Не желая под-

робно останавливаться на этой довольно-таки популярной сегодня теме, выделию лишь одну ее сторону, особо существенную на мой взгляд для судеб российской государственности. Внимательный наблюдатель давно мог заметить, что от тезиса "Бытие определяет сознание" на практике отказались даже сами большевики (Ленин еще до революции подчеркивал решающее значение партийно-идеологического фактора, без использования которого революция на его взгляд назрела бы лишь лет через сто, несмотря на все экономические предпосылки). Во всех их заклинаниях едва ли не 70 лет звучит один мотив: ежели каким-то чудо-действенным образом все станут вдруг необыкновенно сознательными, то жить станет лучше, жить станет веселей. Но чудеса с Марксом в роли Бога так и норовят обернуться иллюзией, иллюминацией, праздничным салютом – пшиком. Иное дело вполне трезвый, без всяких человеческих чудес, процесс духовного взросления нации.

По воле властей ли, Господа Бога или самого народа, но сегодня мы, похоже, вступили на этот путь. Резкое повышение уровня причастности к своей истории, литературе, архитектуре, в конце концов к народным обычаям – тому свидетельство. Не следует недооценивать значение присходящего. Раскожее мнение: "ничего не меняется, только журнальчики себе что-то там позволяют" – весьма недальновидно. Кабы в общественной и внутриполитической жизни прошли радикальные перемены без предварительных публикаций в "журнальчиках" стихов и прозы давно скончавшихся писателей, крах был бы неминуем. Все общественные перевороты в истории подготавливались десятилетиями работы писателей, историков и других гуманитариев. В условиях информационного взрыва срок может быть сокращен, тем более, что часть работы уже проделана во времена хрущевской "оттепели". Но не будем забывать, что сенсационные для своего времени и умеренные на сегодняшний наш взгляд публикации "Нового мира", "Роман-газеты" и других журналов 50–60-х годов имели тиражи в сотни тысяч экземпляров и меньше, сегодняшние же "бестселлеры"

расходятся миллионными тиражами, зачастую они острее и серьезнее своих предшественников, а порой попадают и на экраны телевизоров и кинотеатров. Пока этому явлению всего лишь год-половина. Мне думается, нужно еще два-три года, чтобы оно дало результаты, значимые для народа в целом.

Из необходимости самоограничения я умолчу обо всех иных соображениях по поводу культуры и полностью опущу тему экологии, заметив лишь, что, судя по всему, состояние ее в нашей стране таково, что угрожает не только российской, но и любой иной государственности на земном шаре.

Предпосылки к будущему многонациональному государству

Пора переходить к национальной российской тематике и к вопросам межнациональных отношений. Прежде всего следует заметить, что каково бы ни было наше будущее, собственно Россия останется страной многонациональной. Такие народы как цыгане, евреи, венцы и ряд других в обозримом будущем жить будут бок о бок с русскими. Естественно, что русские не только оказывают влияние на своих соседей, но и сами испытывают давление с их стороны. В условиях, когда жизненный уровень русского населения один из самых низких, когда русские даже формально не имеют ряда политических и общественных структур, существующих в других республиках (нет собственной, отдельной от "общесоюзной" столицы, нет своей Академии наук и отраслевых Академий, нет даже специальной российской передачи по Гостелерадио), когда их национальное бытие оказалось смешано с непонятным понятием "советского народа", в этих условиях русское самосознание начало приобретать оттенок ущербности и второсортности. Но количественно именно эта нация составляет основу страны, а ее язык является общегосударственным.

Указанное противоречие не может не породить самых опасных следствий, причем не только для русских, но и для других народов. Смешение понятий "советский" и "русский" продуцирует

рост антируссских настроений на национальных окраинах, что в свою очередь вызывает шовинистическую волну в океане русского населения, которой оказывается озлобленный отпор, и цикл повторяется вновь на все более опасном уровне. Параллельно продолжается потеря традиционных русских национальных ценностей и распад языка до такой степени, что сравнение художественной литературы, публицистики и разговорной речи эмиграции и коренного населения может стать уже предметом лингвистического исследования. Русская история все еще фальсифицируется, а русский язык разрушается провинциализмами, жаргонизмами и орфоэпическими несурзностями, долгое время распространенными в правящем слое, значительная часть которого гласно или негласно выдавала себя за русских, не будучи ими по происхождению. Люди, "забывшие" свой родной язык, понятное дело, не могут не действовать разрушительно и на тот язык, на котором им вдруг вдрумилось изъясняться. Кстати, это — одна из причин, по которой мы, россияне, заинтересованы в здоровом и свободном развитии всех культурных языков нашей страны.

Всякое злорадство здесь совершенно неуместно. Крупная нация, теряющая свое лицо, свою душу, не может не превратиться в безнадежный сброд, потенциально опасный для окружающих. Попытка чисто силового противоборства вполне бесперспективна. Внутри страны сейчас не видно сил, способных превозмочь совокупную мощь русского и русскоязычного населения. Вне страны попытка использования таких сил означала бы ядерную мировую войну. Единственно разумный выход в том, чтобы помочь русскому народу вновь обрести свою индивидуальность, свое духовное здоровье и верить, что народ духовно здоровый будет уже не опасен, но полезен и дружествен своим соседям, близким и дальним. Необходимо превращение России в одну из действительно совершенно равноправных республик.

Одной из мер, которые, как представляется, могли бы способствовать такому развитию, послужило бы административное разделение России и СССР, для чего

было бы полезно, оставив Москву столицей России, столицей СССР, пока такой существует, провозгласить какой-либо иной город. От меня, как от петербургца, можно было бы ожидать предложения перенести союзный центр вновь на "берега Невы", но я не сделаю этого. И не потому, что такое решение невозможно или нежелательно — предпосылки найдутся и для него, — но оттого, что возможны и другие варианты. Можно рекомендовать строительство совершенно нового города в районе со смешанным населением (по образцу Вашингтона или Бразилии) специально как административного центра многонациональной страны. Но можно в качестве новой общей столицы выбрать какой-либо не слишком крупный, но с почтенной исторической традицией город в одной из нерусских республик. К примеру, Львов. Важно лишь оставить русскому народу его собственный исторический центр и решительно отделить от общесоюзных его собственные государственные институты, Академию наук и т. п.

*

В области межнациональных отношений существуют два основных вопроса: как отделиться тем, кто хочет отделиться, и как жить вместе тем, кто предпочитает жить вместе? По нашему убеждению, чисто силовое отделение неизбежно сопровождалось бы нежелательными эксцессами. Мирный распад тоталитарного государства есть консенсус. Мирное же разделение более или менее демократического государства возможно, но процедура этого разделения должна быть в таком случае тоже демократичной. Поэтому для решения вопроса о самоопределении представляется необходимым сперва добиться общей демократизации нынешнего Советского Союза, а затем выработать точные условия для проведения искомых преобразований.

Для начала, видимо, следует провести более справедливое национально-территориальное размежевание ныне существующих национальных республик. Это вызвано тем, что в ряде случаев такое размежевание затрагивает интересы не двух,

а трех и более республик, а потому после выхода тех или иных нынешних "союзных" республик из состава ССР будет крайне затруднительно. Не решенные же вовремя пограничные споры неизбежно станут очагами конфликтов, вплоть до вооруженных, в которые будут втянуты сразу несколько стран соответствующих регионов.

Так, вопрос о статусе Крыма не может быть решен лишь Россией и Украиной, к нему имеют прямое отношение и Казахстан с Узбекистаном, где проживает сейчас основная часть крымско-татарского народа. В том же (впрочем, полуфантастическом) случае, если бы к решению этой проблемы попытлась всерьез подключиться Турция, круг заинтересованных сторон грозил бы расшириться и за счет республик Закавказья. Три республики могут вести споры за границы в Ферганской долине. Не все проблемы могут быть решены с помощью двусторонних переговоров на Северном Кавказе и в Закавказье. Возможны и другие споры, разрешение которых желательно до разделения страны на ряд самостоятельных государств. Кстати, процессы эти, как мы видим, уже начались, и при удачном стечении обстоятельств они не остановят нас на подступах к решению основных проблем. Другое дело, что на сегодня все еще не видно политической воли к серьезному и бескомпромиссному разрешению национально-территориальных споров. Это означает только то, что наша общая задача — добиваться радикальных, последовательно демократичных решений уже сейчас.

*

Что же далее? Далее следует признать безусловное право нынешних республик (включая, кстати, и саму Россию) на самоопределение и предусмотреть конкретную его процедуру. Формально это, конечно же, всенародное голосование, плебисцит, референдум в каждой из республик. По сути же такой плебисцит должен быть проведен только с соблюдением определенных условий. Видимо к

голосованию, решающему судьбу той или иной территории, должны допускаться лишь лица, прожившие там не менее определенного срока. Например, 20-25 лет. Нужна такая мера для предотвращения несправедливого влияния на ход голосования значительных масс недавних переселенцев: как правило, русских и украинцев, в отдельных случаях - белорусов, азербайджанцев и других. Попытка обусловить право голоса принадлежностью к той или иной этнической группе несостоятельна, ибо противоречит прежде всего международным документам, запрещающим какую бы то ни было дискриминацию по национальному или расовому признаку; во-вторых, она ставит как бы вне закона ряд третьих этнических групп (тех же цыган и евреев, расселенных почти повсюду, караимов в Литве, дагестанцев в Азербайджане и т. д.); в-третьих, такая попытка заставила бы скрупулезно подсчитывать процент крови необходимой национальности у сотен тысяч и миллионов лиц смешанного происхождения. Между тем, 25-летний срок проживания на определенной территории, когда речь идет о значительных массах населения, означает, что интересы подавляющего большинства таких лиц близки к интересам коренного населения, хотя бы потому, что здесь уже родилось новое поколение таких давних переселенцев. Поднимется ли у русских рука ограничивать в правах армян, свыше 200 лет проживающих в нынешнем Ростове-на-Дону? А у грузин на тех же армян, что столетиями живут в Тбилиси? Или у эстонцев на тех русских, что давным-давно живут в районе Выри и proximity от ныне действующих православных монастырей? Все это совсем иные случаи, чем тысячи толпы чужаков без роду без племени, ломящиеся в ту или иную страну ради шального заработка.

Другим условием может стать знание местного языка, хотя я и не уверен, так ли уж необходимо требовать от сама свободного владения русским, а, скажем, гагаузом - украинским языком для определения права на голосование по решению судьбы той земли, где родились их предки.

Видимо, полезно зато предусмотреть законодательно обязанность проведения нового плебисцита в будущем всякий раз, как в местных органах власти большинство получат демократично избранные представители сепаратистских течений, если предыдущий плебисцит к выходу из состава общего государства не привел. По договоренности сторон голосование может сопровождаться присутствием наблюдателей из третьих стран, либо международных организаций. Впрочем, все эти условия должны быть определены в каждом конкретном случае совместно с национальными лидерами республик.

Что же до России, то я лично считаю, что какой бы вид ни приняло наше будущее государство, в нем, во-первых, должно быть обеспечено право на культурную автономию всем компактным группам инонационального населения (тем же армянам в Ростове-на-Дону и практически всем крупным народам в таких городах, как Москва и Петербург), а, во-вторых, в районах со смешанным населением чиновники должны быть, как правило, двуязычны, а в крупных городах должны быть образованы национальные землячества, располагающие штатом переводчиков, чтобы члены их имели возможность административные вопросы решать на родном языке.

В самых что ни на есть русских школах в коренной России должны преподаваться языки, история и культура одного из народов нынешних "союзных" республик. В автономных республиках возможны доплаты приезжим за знание местного языка. В национальных республиках, пока остающихся в составе СССР, напротив, было бы разумно ввести специальный налог с невладеющих местным языком, средства с которого направлять на создание сети соответствующих курсов. Такой налог заодно помешал бы массовому наплыву чужеродного населения.

Затраты на все эти и подобные им мероприятия могут показаться слишком большими, но даже чисто экономически они способны окупиться после оздоровления наших взаимоотношений благодаря росту торговли и других видов

взаимовыгодного сотрудничества. Не стоит забывать, что географически мы навсегда останемся связанными друг с другом ближе, чем с Англией или Францией, и экономические связи у нас всегда будут крепче между собой, чем с Бразилией или Австралией. Значит, и языки нам пригодятся нынешних "союзных" республик, даже если между нами пройдут государственные границы. Надо заметить, что в ряде многонациональных стран мира (в Канаде, Югославии, даже в Венгрии) некоторые из указанных мер или подобные им проводятся в жизнь, приносят успех и государства не разоряют.

Наконец, полезно поддержать и расширить предложение наших эстонских друзей о введении в республиках местного гражданства, обусловленного этнической принадлежностью, а для инородцев — знанием языка и стажем проживания на данной территории с тем, чтобы государственные должности в пределах каждой из республик (в том числе и в России) могли бы занимать лишь ее граждане.

К вопросу обороны страны

Во внешнеполитическом аспекте я ограничусь повторением известного тезиса о необходимости сокращения численности вооруженных сил до размеров, достаточных для обороны. Можно добавить лишь, что сокращение это должно происходить без ущемления интересов профессиональных военных, для чего могут быть просто ужесточены медицинские нормы для набора рядовых срочной службы при временном сохранении численности офицерства, введен институт альтернативной гражданской службы и сокращен набор в офицерские училища без сокращения штата преподавателей. Последняя мера способна повысить качество обучения при одновременном постепенном уменьшении общей численности офицерского корпуса за счет разницы между численностью офицеров, ежегодно выходящих в отставку по возрасту и по болезням, и количеством выпускников офицерских училищ.

Переломный момент истории

В заключение должен заметить, что несмотря на отдельные обнадеживающие признаки оздоровления в СССР, выполнение большинства указанных рекомендаций все еще представляется в рамках обычной человеческой логики практически невозможным. Надеяться, на мой взгляд, по большому счету можно только на чудо. Однако отношения Бога и человека таковы, что чудеса в истории закономерны.

Обычно ход исторических процессов поддается относительно верному прогнозированию на десятилетия вперед. Это облость обыденного. Но в переломных моментах истории, в тупиковых ситуациях регулярно появляются Жанны д'Арк, Яны Собесские, Минины и Пожарские, появляются те непредвиденные и совсем не обязательно персонифицированные факты (вспомним шторм, погубивший значительную часть Великой Армады), которые меняют весь ход событий, придавая значимость тому, чем прежде пренебрегали, и разрешая казавшиеся неразрешимыми затруднения. Потом, историки (особенно марксисты и другие материалисты) очень правильно и убедительно обосновывают неизбежность таких событий, но предусмотреть их оказываются не в состоянии и за полгода. Такие вот события и можно называть чудесами в истории. Закономерность же подобных чудес в том, что, не зная заранее, в чем именно они проявятся, мы тем не менее способны определить те точки времени и пространства, где их следует ожидать.

Кажется, сейчас наша страна близка именно к такому моменту. Только подсознательная уверенность в этом спасает народ от исторического нигилизма, отчаяния и сползания к фашизму.

Но все это круг тем уже другого доклада.

10 марта 1988 г.

Монархисты в России

В. СЕНДЕРОВ

"Они узнавали друг друга потом в толпе тридцатых годов - люди двадцатых. У них был такой "масонский знак", взгляд такой, и в особенности усмешка, которую другие уже не понимали. Усмешка была почти детская. Кругом они слышали другие слова... и тоже их не понимали".

Ю. Тынянов "Смерть Вазир-Мухтара".

Не прошло и пяти лет - как я снова в Москве. Уже несколько месяцев как в Москве, и телефон на моем столе уже успел застыть - отключенный. Я вышел к автомату. "У Вас не найдется двушки?" Я достал мелочь. "Хватит одной". "Автоматы очень скверные, возьмите три". Он смотрел на меня растерянно. "А (он покраснел и заикался от смущения) - может у Вас и закурите найдется?" "С собой нет, не курю, но идемте ко мне, у меня дома хорошие сигареты". Он шел, как лунатик. "Слушайте, - видно было, что ему трудно собраться с мыслями, - мы с Вами не знакомы, а Вы ведете меня домой, чтобы дать закурить?"

Я поежился, сигарета и шесть копеек как символ святости. Россия, до чего тебе довели!

Мы шли молча, перед нами чуть в стороне плескалась выцветшая тряпка с лозунгом. "О, твердость, о мудрость прекрасная родимой страны" - пробормотал я. "Какая уверенность ясная в исходе войны" - закончил он. Я посмотрел на него. С какой горечью он это сказал: легкая складка в уголках губ, в глазах живет привычная уже ностальгия.

Минуло семьдесят с тех окаймленных дней, как наша страна проиграла ту великую войну. И, казалось, проиграла навеки все - историю, культуру, навсегда проиграла себя саму. От тех дней до рождения моего спутника прошло пятьдесят лет с небольшим...

Мы выпили чаю. Он благоговейно вглядывался в групповой портрет императорской семьи.

Все это возродилось не сегодня¹. Еще до ареста мне посчастливилось посмотреть "Кресты последней осени", - дипломную работу выпускников ВГИКа.

Фильм о Белой армии наградили высшим призом - выгоном из института с волччьим билетом в зубах...

Но как заметно больше стало этого сейчас. Я уже не удивляюсь, когда ребята, девочки, глядя на групповой портрет на стене, тот, знаменитый, к трехсотлетию, беззвучно щепчут: "Эмалевый крестик в петлице, и серой тужурки скучно..."

Монархисты сегодня, явный рост монархических настроений в конце восьмидесятых... Что это, откуда, чем объяснить? Напрашивающееся объяснение - одна из разновидностей протesta. Конечно, так, но протест для молодых монархистов - не причина. Всякий, кто с этими ребятами хорошо знаком, знает их погруженность в истинное, их постоянное бытие в ценностях настоящей - той России. И полное неприятие империи бездуховности и лжи - естественное следствие этого.

Я знаю ребят, студентов, школьников, объединившихся в Союз Благоденствия. С каким наслаждением пишут они друг другу неторопливые письма с правильными длинными периодами, с ятами, некастрированным еще русским языком. Их манеры и одежда неуловимо и, одновременно, разительно отличают их среди нашей повседневности. Игра? Быть может. Но пренебрежительное отношение к игре обличает лишь несерьезность скептика. Ребенок, играючи, созидающий Вселенную - один из глубочайших образов мифологии. И так и шло сквозь века... "Стать зрелым - значит вновь обрести серьезность, которой обладал в детстве, в игре" - писал Ницше. Стоит лишь иногда вылезти из "века разума и атома" и попробовать вчувствоваться в мудрость прошлого.

Обратите внимание: не пестелевский радикализм - Союз Благоденствия! Не экстремизм, а поиск духовных основ. Эта молодежь дышит ароматом пушкинской поры, неповторимым сплавом истинной духовной свободы и надежной, укорененной в истории российской государственности.

"Будучи противниками всяких насилиственных переворотов, до сих пор ничего, кроме грязи, крови и огромной лжи в конце, как бы ни были чисты по мысли начинателей этих переворотов, не принесших, мы видим только один способ противодействия оному правительству. Не поддерживать ни одного начинания, выдвинутого "сверху", хотя бы и дельным оноказалось. Не сотрудничать с оным правительством, как если бы они были захватчиками, работать на него только в той мере, каковая необходима для пропитания, и только в тех областях, кои не связаны с карательными функциями, а тако же с усилением могущества оного государства эв счет умственных трудов наших. Оными областями сотрудничества вынужденного могут быть: медицина-не карательная, педагогика - не авторитарная, производство пищи, коммунальные службы".

Это - из "Обращения к правительству" Союза Благоденствия². Здесь нет еще созидательного "жить по правде", но уже есть разрушительное для империи лицемерия и насилия - "жить не по лжи".

Но молодые монархисты не прячутся в блаженное прошлое, помнят они и то, что было так недавно, кажется, еще вчера.

В подвал их заманили обманом, якобы оберегая от артобстрела (так же трусливо, обманно выведут они на расстрел Александра Васильевича Колчака). Когда зачитали "приговор", государь удивленно взглянул на бандитов: "Без следствия и суда?" Пули из революционных маузеров дали Николаю Александровичу ответ.

А дальше заметали следы. Мертвые тела распилили, засунули в дрова, потом облили бензином, потом сожгли, котели "с концами".

...Но не вышло. Жадность подвела. Один из комиссаров заметил на шее царицы крестик с драгоценностями, бросился к еще неостывшему телу. Это была крупная, здоровая особь, и остальные с молчаливой ненавистью уступили добычу... Еще один "исполнитель", общительная натура, ходил по квартирам и в кабак в непотребном виде, хвастался совершенным подвигом. Дать отпор не решались, террор уже заледенил страну. Впрочем, нашелся

все-таки человек, выпустил несколько пуль в мерзавца...

Было не совсем так, в деталях, но нам важно сейчас, как это помнят, рассказывают, передают друг другу...³

Нет это было не просто революционное убийство, как тысячи других - до и после. Жертвенно отрекшийся от престола Николай Александрович оставался символом нашей государственности, преемственности исторических путей. Пули комиссаров летели не только в несильного волей царя, в малолетних детей. Убийцы метили в сердце России. И государь оказался достоин предначертанной ему высокой судьбы. Дух монарха был непоколебим. Николай Александрович разделил с Россией ее трагедию, ее гибель...

Но тщетно пытались большевики расштоптать нашу историческую память. *"Самодержавие - тоже религия, когда оно будет низвергнуто окончательно как строй политический, то обнажится его существо религиозное. Тогда оно умрет в политике, но воскреснет в религии..."*

Эти пророческие слова Дмитрия Мережковского главная суть, глубинное объяснение современного монархизма. При этом конкретные политические убеждения сегодняшних монархистов различны. Характерно, что легенда вложила в уста государя перед расстрелом почти "республиканские" слова.

Все чаще в русских домах портреты государя, все чаще символом сопротивления диктатуре, приговором режиму становятся простые слова: "Они нашего царя убили!" И тщетны попытки наследников убийц присвоить, прибрать к рукам наше прошлое.

Волочатся по нашей остановившейся истории бесконечные, унылые в своей одибообразной пестроте десятилетия... Но не истребить было идею кровавыми перековками, как не купить ребят сегодня лукавой перестроечной ложью. Все пристальне, зорче взглядываются они в настоящую, ту Россию, и потому все эзимеет встает перед их духовным взором грядущее нашей страны. "Прошлое России - наше, будущее - тоже наше" (генерал А.А. Власов).

Ипатьевский дом, так называемый "дом особого назначения", в котором 17 июля 1918 года была убита царская семья: Николай II, его жена Александра Федоровна, наследник Алексей, дочери Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия.

Бессмысленно предсказывать формы российской свободы. Придет ли она, как мечтал и строил великий Столыпин, под скрипетром законного, избранного землей и помазанного Церковью монарха? Или будет существовать в республиканских формах? Не знаю, это решит народ.

Но одно мы знаем наверняка, за одно беремся и умираем — родине быть свободной! И вырасти, стать мощным и устойчивым к современным ветрам — дерево свободы может лишь из реальных, скрощенных исторических корней.

ПИМЕЧАНИЯ РЕДАКЦИИ

1. В 60-х годах начинались паломничества на "царские места" — к Ипатьевскому дому, месту убийства царской семьи. По приказанию властей дом был снесен осенью 1977 года. Сносили ночью, побоялись днем.

2. Позиция "Союза благоденствия" изложена в документе, принятом в годовщину восстания декабристов. См. "Посев" № 2, 1988.

3. Екатеринбург был занят белыми войсками 25 июля 1918 года (по и.ст.). Следствие по убийству царской семьи началось почти немедленно. Его вел сперва член Екатеринбургского суда И.А. Сергеев, а в феврале 1919 года Верховный правитель адм. А.В. Колчак назначил на его место Н.А. Соколова, следователя по особо важным делам при Омском окружном суде. Материалы следствия были вывезены за границу. В 1987 году изд. "Посев" выпустило книгу "Гибель царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи" (август 1918 — февраль 1920)". Составитель книги — Николай Росс.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ "ПОСЕВ":

В. Солоухин

СМЕХ ЗА ЛЕВЫМ ПЛЕЧОМ

«Смех за левым плечом» даже на фоне сегодняшнего самоцветья русской художественной мемуаристики выделяется не только искренностью и исповедальностью, но еще и совершенно особым — с о л о у х и н с к и м — ответом. Это не просто воспоминания. В этой книге, как еще никогда, Солоухину удалось передать не столько даже ощущение, сколько почти физическое прорастание в человеке своего рода, своей земли, своего народа, то есть того, что вбирает в себя такое слово — Родина.

1988

196 с.

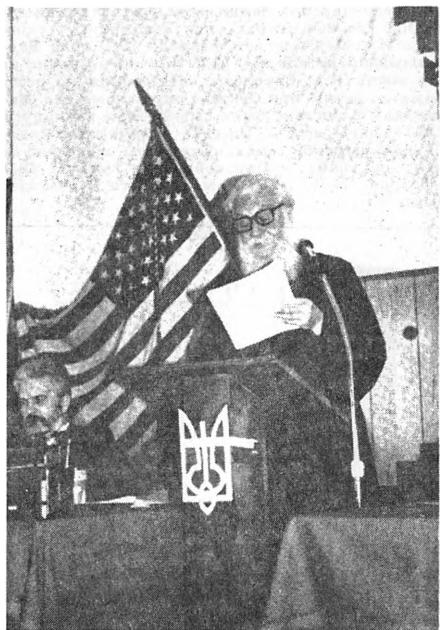
24 нм

В "Посеве" № 5, 1988 г. мы поместили сообщение о симпозиуме, посвященном Тысячелетию Крещения Руси. Он проходил 20 марта в помещениях русского общества "Ограда" близ Нью-Йорка. В этом номере мы публикуем доклады, прочитанные на этом собрании: прот. Александра Киселева, прот. Иоанна Мейендорфа, Д. В. Поступовского.

Крещение Руси – духовный стержень нашей истории

Прот. Александр КИСЕЛЕВ

Наши отцы и деды, вырвавшись из отечества, объятого пламенем революционного безумия, принесли с собой за ру-

бех духовно-интеллектуальную сущность России. За три эмиграントских поколения глубинный смысл этой сущности начал забываться, но уверенность, что мы, за границей, единственные ее хранители – не убывала. И возникло опасное смещение ценностей. Мы – "как верстовой столб-дорогу показываем, а сами по ней не ходим". Серьезным предупреждением нам звучат слова, сказанные в России: "Вы думаете, что защищаете православие, а мы защищаемся православием".

Задумаемся над этим в год тысячелетия Крещения Руси. Дарованная нам крещением Истина требует не теоретического размышления, а творческого осуществления и приложения ее к основам жизни.

Особенно – сегодня.

*

Серьезного внимания заслуживают сказанные некогда слова: "Это только снаружи кажется – Советский Союз, а копни глубже – Россия". Ну, а если Россию копнуть глубже? Не будет ли ее основой мать сырь-земля? Тут обязательно некоторые испугаются и скажут: "Что вы, что вы! Ведь это – язычество!" Ничуть. Апостол Павел сказал: "Не знающие Закона, естеством законное творят". Наши предки-язычники не знали закона христианского, Новым

Заветом данного, а действовали, прислушиваясь к голосу "естества". А что такое "естество", нам станет понятно, если вспомним слова блаженного Августина, сказавшего, что "душа человека по природе своей христианка". Вот эта душа-христианка, живущая в некрещенном теле и в непросвещенном сознании нашего далекого предка-славянина, учила его почитать мать сырну-землю. В ней он хоронил своих родителей, в нее ложился сам. Предки наши не знали того, что открылось их потомкам в евангельском законе, не знали о жизни вечной, но "естество" подсказывало им беречь останки, беречь память предков.

Один современный писатель сказал: "любовь к родине - это любовь сына к камню, положенному отцом". Пожалуй, в этих незамысловатых словах - вся суть вопроса о связи Крещения Руси и культуры, христианства и истории.

А. В. М. Шукшин писал:

"Можно, пока есть силы, здоровье, молодая душа и совесть, как-нибудь включиться в народную жизнь (...) и приходит на память одно старомодное слово - подвижничество"...

Подвижничество - подвиг. Тот, который начертал на своем пути наш народ - подвиг делания святой Руси.

Духовно-нравственные основы нашей истории невольно признает и официальная идеологическая печать. Приведу пример из журнала "Знание - сила", рекомендующего себя как журнал Всесоюзного общества "Знание". (Хочу подчеркнуть, что приводимые мною цитаты взяты из статьи, написанной еще в 1975 году.)

"В 'Истории Государства Российского' Карамзина и в 'Полном собрании русских летописей' есть любопытная запись об огромном московском пожаре 1547 года: задыхаясь от дыма митрополит Макарий и протопоп Гурий, рискуя жизнью, выносят из Успенского собора икону Богоматери и 'Кормчую книгу'. 'Кормчая' - это законодательный сборник XII-XIII веков. Более того, она своеобразное руководство в жизни. Без нее не обходилась ни одна церковь, ни одна библиотека и знали о ней в каждой семье".

В статье даются цитаты из "Кормчей", из которых приведу две: "Нельзя законы, обычай, давно сложившиеся, топтать". И : "Прежде чем начинать строить новое, хорошенько изучи старое".

"Читая 'Кормчую', - продолжает журнал "Знание - сила", - словно еще раз слышишь живые голоса древних мастеров, проникаешь в их мир и мироощущение, узнаешь о том, что для них было важно и свято. А это необходимо нам, жителям двадцатого века, потому что классика, старина - не застывшие, окаменевшие понятия, а художественная и жизненная идея, к которой человечество постоянно возвращается, потому что это язык древних, до сих пор непревзойденный".

*

Если мы, православные христиане, исповедуем, что Христос есть "Путь, Истина и Жизнь", то мы должны признать, что в этом - истоки нашей культуры. Принятие христианства для наших предков было подобно обильному весеннему дождю, на который земля отвечает всей красотой своего цветения, благоухания и изобилия. С того дня и часа далекие прародители наши стали на путь, по которому, худо ли, хорошо ли, уже тысячу лет идем мы, их недостойные потомки. Сбиваемся с пути, но идем. Заблуждаемся, но инстинктивно чувствуя, где лежит наш путь, возвращаемся на него.

В наше переломное время Россия, как и встарь, начинает возвращаться на свой исконный исторический путь.

Не легок этот путь. Путь наш - сама Истина, а следовать Истине нелегко. Вспомним скептическое замечание Понтийского Пилата, этот голос умудренной государственности: "Что есть истина?". И до сего дня звучащие в мире вопли черни: "Распни, распни Его".

Следовать Истине тяжело, потому что недостаточно соглашаться с ней, даже недостаточно иметь к ней благоволение и умиление. Ее, всю без остатка, должно воплощать в жизни. Приняв крещение, мы приняли задачу претворять Истину в больших и малых дела, в личных, общественных, государственных. Мы приняли задачу воплощать ее в нашей истории и

культуре. Не в богословских, философских или других самых совершенных человеческих творениях торжество Крещения Руси. Подлинное торжество – в претворении Истины. Жизнь не просто "пища и питие", а – творчество. Подлинное же творчество и есть культура. Дела – не просто дела, а дела просветленные, осмыслиенные в Боге...

Замечательный ученый, математик, историк, философ, богослов – о. Павел Флоренский писал:

"Западное христианство времен барокко допустило существенную ошибку, когда пытались внести в себя сырье куски антихристианской культуры и, не одухотворяя их изнутри, навести снаружи лаком благочестия или подкрасить под тон церковности... Современному человечеству нужна христианская культура; не бутафория, а серьезная, действительно по Христу и действительно культура".

Проф. князь Н. С. Трубецкой, говоря о будущем России, пишет:

"Будущая русская культура должна быть в идеале оцерковленной сверху до низу. Православие должно проникнуть не только в народный быт, но и во все здание русской культуры, вплоть до высших вершин этого здания. Только тогда отдельный русский человек будет находить в русской культуре полное успокоение и удовлетворение для всех глубинных потребностей своего духа, и только тогда русская культура будет сверху до низу единой системой, несмотря на внешнюю свою краевую и племенную дифференцированность".

Это может произойти – и это произойдет! Произойдет силою Церкви, той единственной силой, которая способна вернуть России лиц Святой Руси.

Почему именно Церковь? Потому что нет более верного кормчего в жизни, потому что только она имеет несравненный опыт знаний того, что в человеке неистребимо. Меня обрадовало, что те же мысли легли в основу доклада, прочитанного на недавнем московском семинаре по гуманитарным проблемам, в секции "Свобода веры". Там было сказано:

"...Только христианство способно вывести современный мир из духовного тупика. Только русское православие,

как тысячелетний духоводитель народа, может стать средоточием духовного оздоровления народа, общества, человека, требуют религиозного осмыслиния и христианской активности".

И дальше в докладе говорится:

"Процесс, который начался во времена войны с Германией, есть медленная, мучительная деидеологизация государства, общества, человека. Первыми излечиваются от идеологического безумия отдельные сильные личности. Но с них начинается медленное оздоровление духовной атмосферы страны. Долгие годы процесс этот шел подспудно, с редкими выплесками в официальную жизнь. Но вот наступает время, когда совершившееся в глубине выходит на поверхность".

Далее автор говорит, что на нашей общественности лежит ответственность за то, насколько будут расширены трещины в официальном идеологическом монолите. Общество и личность должны поддерживать творческими усилиями освобождающиеся из-под идеологических глыб силы духовного самосознания. И он продолжает:

"Нужно понять, что государство в той степени способно предоставлять свободу гражданам, обществу, Церкви и религии, в какой оно само освобождается от пут атеистической идеологии. Но в творческой глубине жизни и культуры кристаллизуются новые мысли и новые идеалы. Они-то и определят облик нашей жизни в ближайшем будущем.

Выход из глобального кризисного состояния возможен только через углубление в духовные и религиозные основы жизни. Эта задача требует от христианской мысли творческой разработки новых принципов отношения русского православия и государства, ибо весь наш исторический опыт в этом вопросе не достоин подражания. Из него можно скорее делать только горестные уроки. Перед православным сознанием стоят проблемы отношения Церкви к миру и государству, роли христианства в современном, сложном мире, что потребует уточнения многих богословских и философских понятий, в том числе и понятия Церкви".

*

Православие, принятное крестившейся Русью, должно определять и наше понимание национальной истории.

"Русская нация - пишет проф. А. В. Карташев - есть мощный многородный организм, носящий в себе благородное и святое призвание - явить собой, своей культурой, лик христианского по духу и православного по стилю государства, то есть максимально воплотить в человеческом общежитии правду Христову".

Не о русской национальной гордости тут речь, а о том единственном пути, который ведет к братству народов как детей Всеевшего.

"Общечеловечность не иначе достигается, как упором в свою национальность" - писал великий Достоевский.

Другого пути нет. Путь к великому лежит через малое, ко всечеловеческому через национальное. Однако национальное, чтобы не сойти на ложные пути, непременно требует духовного окормления. Никто так просто и истинно не сказал о духовном окормлении национального как святой старец Серафим Саровский: "Стяжи мирный дух и тысячи вокруг тебя спасутся".

Да будут же сердца наши открыты к словам наших славных, великих и святых предков.

"Каменный дом строится из камня, деревянный - из дерева. Христианское государство можно построить только из христиан" (А. В. Карташев).

В 1988 году мы без колебаний можем сказать: в России есть из кого строить Святую Русь!

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО

Прот. Иоанн МЕЙЕНДОРФ

Возможность выступить на нашем сегодняшнем собрании мне доставляет большую радость. То, чем я хочу с вами поделиться, является продолжением мыслей отца Александра. Люди, на которых он ссылался, мне очень дороги: я был студентом Антона Владимировича Карташева, и даже его преемником...

*

Я хочу, во-первых, постараться определить основные принципы христианского, православного отношения к государству; затем, поскольку мои основные интересы - исторические, напомнить об историческом опыте христианской церкви в отношениях с государством и, наконец, перейти к заключительным замечаниям, связанным с тысячелетием Крещения Руси.

Если посмотреть на основу христианской веры, на книги Нового Завета, то мы не найдем в них общих, общественно-философских определений смысла государства или отношения христианства к государству. Когда Христос стоял перед

Пилатом, Он сказал, что Царство Его не от мира сего. Поэтому в Новом Завете не зафиксировано никакой идеологии государства.

Вся проповедь Христа, все Его дело, Его крестная смерть и Воскресение говорят о Царстве Божием, о царстве грядущем, о царстве, где не будет больше никаких компромиссов, где белое будет поистине белым. Государство же, поскольку оно есть учреждение этого мира, по своему существу не входит в конечную цель существования христианской Церкви. Государство, с точки зрения Нового Завета и христианской веры, есть лишь необходимый элемент устройства этого мира, мира падшего, мира, в котором Царство Божие, хотя оно и явилось во Христе и ощущается в опыте Церкви, - еще не явлено в полной "силе".

Мир, в котором мы живем, хотя и сотворен Богом, далеко не всецело последовал воле Божией. Отсюда и все страдания, те ужасы и трагедии, которые в нем совершаются. Господь Бог их допускает потому, что свою конечную силу Он явил именно на кресте, преобразив зло и

превратив его торжество – в торжество добра. Тем не менее, зло остается злом, страдание остается страданием, смерть остается смертью, и все эти явления принадлежат этому, падшему миру.

Этому же миру принадлежит как человеческое учреждение – и государство. Это отнюдь не значит, что государство – тоже зло. Наоборот, государство призвано к тому, чтобы зло ограничивать. Но, как учреждение земное, оно неспособно окончательно со злом покончить. Только в Царстве Божием может быть окончательное торжество добра.

Вот – первый и главный аспект христианского отношения к государству: разделение между Царством Божиим и царством мира сего. Отвечая тем, кто Его спрашивал, надо ли платить подать государству, Христос говорит: отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу. В этих словах слышится некоторая отчужденность, царство мира сего резко отделено от Царства Божия. Между тем, хотя Царство Божие есть царство будущее, оно уже во Христе явилось, и Христос ска-

зал, что Царство Божие внутри нас. Оно ощущимо в земной жизни в таинствах Церкви, в жизни святых, в историческом существовании самой Церкви, которая предвосхищает это царство. Церковь есть явление видимое в этом мире, но она же и явление невидимое...

*

Здесь мы подходим ко второму аспекту: как же должна соотноситься Церковь, живущая одновременно в мире падшем и в Царстве небесном, – с государством, относящемся всецело к миру падшему? Если мы вновь обратимся к Новому Завету, то найдем там два отношения к государству, олицетворявшиеся в те времена Римской империей.

С одной стороны апостолы Павел и Петр в некоторых из своих посланий высказывают положительное отношение к Римской империи, призывая читать императора (Рим. 13: 1-7; 1 Петр. 2: 14, 17) и даже говорят, что нет власти кроме как от Бога. Государство призвано выполнять определенную роль в обществе, которую апостолы считают положительной. Немыслимо жить без закона в этом падшем мире, без полиции, без гражданской власти, которая как-то регулирует жизнь общества. В этом – положительный смысл государства.

С другой стороны, в Откровении Иоанна Богослова (Откр. 17: 5) та же Римская империя превращается в Вавилон, в блудницу, в анти-царство, в противницу Царства Божия. Перемена эта объясняется просто: если при апостоле Павле римляне христиан не трогали, то в конце первого века, когда апостол Иоанн писал Апокалипсис, уже начались преследования за веру.

Это приводит нас к выводу, что нельзя говорить абстрактно о Церкви и государстве. Все зависит от того – какое государство? Есть государство, признающее свою ограниченность и выполняющее свою определенную законом роль, а есть государство – выходящее из своих границ, посягающее на то, что есть Божие, уподобляющееся Вавилону и блуднице. Если первому следует отдаватье должное, то второе должно исчезнуть.

Иногда то же самое государство может выступать сначала в роли гонителя, потом в роли покровителя, и наоборот. Та самая Римская империя, которой Христос и апостолы призывали отдавать должное, стала преследовать христиан, покуда император Константин постепенно из гонителя не превратился в покровителя Церкви.

Вся Церковь без колебаний приняла эту перемену положительно. Многие начали говорить, что Римская империя существовала провиденциально, что когда родился Господь на земле, то именно вселенское государство дало христианской проповеди возможность распространяться на весь мир. Христианские писатели IV в. назвали два века гонений недоразумением и стали восхвалять истинное значение римских императоров: быть покровителями Церкви.

Многие историки, русские и нерусские, полагают, что, быть может, христианская Церковь сделала ошибку, приняв при Константине покровительство государства, не подозревая, с кем будут иметь дело. Мы знаем что, действительно дальнейшие отношения Церкви с государством не всегда складывались благополучно. Так называемые христианские государства далеко не всегда были удачными государствами, а христианские правители своим покровительством нередко компрометировали Церковь.

Союз Церкви с государством, начавшийся при императоре Константине (которого православная Церковь почитает святым, даже равноапостольным) – был в некотором отношении двусмысленным. Но, все же, основное православное церковное предание признало, что Церковь не могла не воспользоваться той громадной возможностью создания христианской культуры, которая перед ней открывалась. Культуру нельзя строить только в подполье. Для развития литературы, искусства, преображения мира, оцерковления общества нужно иметь свободу и государственный простор. Ведь во времена Константина число христиан во всей Римской империи составляло лишь десять процентов, император не обращался к большинству. Он обратился к той религии, которую считал истинной, как бы завершением других религий. Эти десять

процентов христиан воспользовались открывшейся возможностью, и с этого момента в истории начался рост и процветание того, что мы называем христианской культурой. Но за свободу и новые возможности Церковь заплатила дорогой ценой.

Принцип, на котором покоились отношения Церкви и государства в Византийской империи, обыкновенно определяется понятием симфонии. Это понятие было употреблено еще в шестом веке императором Юстинианом. Оно предлагало духовный союз между Церковью и государством, в котором обе стороны преследуют одну и ту же цель, признают одного и того же Господа Иисуса Христа. Император почтился как бы образом Христа, Его избранником, тогда как Церковь являлась как бы царством Божиим на земле. Однако, при всей привлекательности, в идее симфонии светской и духовной власти кроется опасность: возможна ли на деле симфония между Царством Божиим и царством мира сего? К таким добрососедским отношениям можно стремиться, но в человеческом обществе, в обществе падшего мира действуют и злые силы. И история Византии – как и древней Руси – была далеко не всегда примером нормальных отношений между государством и Церковью. Политическая власть нарушала симфонию неоднократно. Неудивительно, что в византийскую эпоху произошел массовый уход сотен тысяч христиан в монастыри и пустыни. Эти тысячи христиан не принимали новой системы, уходили из общества, желая жить только будущим Царством, не вступая во временные отношения с интересами "мира сего". Тем не менее, понятие симфонии вдохновляло историю Византии в течение веков, принималось Церковью, император строил храмы, собирал соборы, почтился как покровитель всего христианского мира.

Государственное законодательство постепенно включало в себя христианские принципы. Охранялась устойчивость семейной жизни и брака. Церкви была предоставлена возможность широкой благотворительности: в византийском обществе (а затем и в древнерусском, допетровском), все то, что мы теперь называем "социальным делом" (госпитали,

приюты, большинство школ), находилось в ведении Церкви и содержалось на ее средства. Рабство, хотя и не было сразу упразднено, принимало более гуманные формы. Хотя общество и не было идеально христианским, христианские нормы были известны всем. В этом была положительная сторона "симфонии" Церкви и государства.

*

В этом году мы празднуем тысячелетие принятия Древней Русью византийского православия – через крещение князя Владимира. Его выбор привел к тому, что именно православное христианство стало религией и Церковью всего русского общества, стало общим достоянием и этим призвало Россию как государство, как национальное общество к построению православной христианской культуры.

В национальном характере русского государства кроется его основное отличие от Византии.

Как и Римская империя, Византия определяла себя в идеале как империю мировую, вселенскую. Это видение империи было передано и на Русь. Еще в XIV веке, во времена преподобного Сергия, в русских церквях поминали византийского императора как главу всего христианского мира. Пока существовала Византия, русские считали себя частью православного мира с центром в Константинополе. Лишь после падения Византии и заключения Флорентийской унии в середине XV в. объявила Московская Русь свою церковно-политическую и культурную самостоятельность.

Москва даже стала почитаться как бы Третьим Римом. В этой преемственности есть своя логика. Если империю почитать неотъемлемым элементом христианской истории, то она не могла исчезнуть с падением Византии (попавшей под власть турок в 1453 г.). Но в теории Третьего Рима, возникшей на Московской Руси, следует отметить две черты. Во-первых, московские цари, начиная с Иоанна Грозного в 1547 году, венчались царями всей Руси, а не римскими императорами. Сербские и болгарские цари в предыдущих столетиях тоже провозглашали свои государства "Третьим Римом", и при

этом именовались, именно, римскими императорами. На Руси же было создано национальное государство, а не мировая империя. Во-вторых, авторы, именовавшие Москву Третьим Римом (например, старец псковский Филофей в письмах к Василию III) делают это в апокалиптических тонах. Смысль был такой: настали последние времена, теперь есть, слава Богу, Третий Рим, но – скоро будет Второе Пришествие, так что волноваться о программах и юридических определениях не стоит.

Пользуясь воспринятой из Византии сакральной идеей царства, российские государи в дальнейшем успешно строили национальное государство. Здесь, однако, кроется конфликт, актуальный и в наши дни. Сама идея национального государства (как и идея правового государства) – принадлежит уже Новому времени. Тогда как Римская империя всегда имела претензии на мировую власть, национальное государство такой претензии иметь не может. Оно может лишь устанавливать нормальную, законную, жестко христианскую жизнь в рамках этого государства. Более того, уже в XVI в., при Иване Грозном в русском обществе начался процесс секуляризации, завершенный Петром Великим. В его идеологии, воспринятой с Запада, государство было и национальным, и – строго секулярным по существу, хотя и сохранило на время византийские придворные обряды.

Таким образом, Российская империя оказалась явлением очень сложным: она была и наследницей Византии, и национальной державой, и секуляризованным государством. Секулярная идеология дошла до своей демонической крайности после революции 1917 года, когда большевизм стал антиподом всего, чем жила Россия духовно до тех пор. Россия превратилась в тоталитарное государство, посягающее на то, что есть Божие, в государство, всецело отвечающее образу Вавилона в Откровении Иоанна Богослова.

*

Если же перейти к разговору о будущем, то пока, естественно, трудно определить его зримую политическую

структурой. Однако ныне, когда разговор о нем становится возможным и содержание его становится реальным, — то я боюсь, что будет он, тем не менее, нелегким. Предстоит нам, дорогие друзья, философские и идеологические споры и разделения. Тем не менее, только такая свободная борьба взглядов может дать что-то новое. Пока был тоталитарный застой — была смерть.

Если говорить об отношении Церкви и государства — знаем ли мы, каким будет это государство? Может продолжаться горбачевская оттепель... Может быть военная диктатура... Может — западный вариант демократии... Не мое дело гадать; но только в зависимости от того, чем это государство будет, и можно выработать отношение к нему — Церкви.

Если будет тоталитарный идеологический атеизм — необходимо Церковь всецело от государства отделить. Если либеральная демократия, как в Америке, тоже лучше отделить. Ведь Святая Русь будет лишь в сердцах некоторых, ведь в России будут жить и лютеране, и мусульмане, и безбожники — не для всех она будет святой. Принцип отделения Церкви от государства в Соединенных Штатах, например, весьма своеобразный: с точки зрения американского государства Церковь и религия считаются реальностями положительными, но религии так много, что нельзя давать одной из них предпочтение.

Не берусь предсказывать, что будет в России, но полагаю все-таки важным чтобы Церковь, особенно на первых порах, была отделенной от политических происшествий и споров.

Отделение, конечно, не должно означать отчуждения. Свободная Церковь должна иметь возможность говорить свободно о правде, о справедливости, о личном и общественном добре. Даже если почитать, что православию чуждо стремление давать детальные указания касающиеся общественных дел (как это часто делается римскими папами), Церковь призвана помочь не только своим членам, но и обществу в целом находить, если не совершенные пути разрешения нравственных трудностей и противоречий, то, по крайней мере, указывать

на то, что лучше и предпочтительней в свете Евангелия. При этом Церковь должна призывать и к совершенству, которое зrimо в Царстве Божием, но только очами веры.

Здесь встает другой вопрос: какова будет наша Церковь? История идет вперед и государство меняется, большевистский тоталитаризм когда-то исчезнет, но ведь Церковь, если она вечная, если она Церковь Христова, — всегда должна быть той же самой! Наиболее прискорбно и опасно, что как за границей, так и в самой России, у многих представление о Церкви либо расплывчатое, либо ложное. Почему? Потому, что уже семьдесят лет в России торжествует варварство. Церковь выжила благодаря народному благочестию, благодаря миллионам героических исповедников веры. Но они часто не представляют, как выразить церковную жизнь в свободных условиях, не имеют опыта свободного общества и свободного творчества. А зарубежные церковные разделяния хорошего примера им не показывают. Пора нам всем вернуться к единству истинно церковному и соборному (не обязательно административному) — в таинствах и в жизни.

*

Действительно, это ответственное время, ответственный год. Мы — как православные христиане — должны участвовать в определении будущего российского общества. Здесь несомненно будут разные мнения и разные взгляды, и нужно нам освоить, что, споря, мы должны учиться друг у друга. Не будем отвергать все западное, потому что в западной культуре содержится ценное — умение уважать чужое мнение. Мы, русские, к этому не привыкли, но государство, все-таки, мы все должны строить вместе.

Церковь Божия не от мира сего, но мы как члены Церкви — не только священники и епископы, но и миряне — мы все живем в этом мире и за него ответственны. Будем думать о государстве, но давайте также прилагать необходимые усилия, чтобы наша церковная жизнь была подлинно церковной. Будем о ней говорить соборно, в единстве, учась от

Ее священного и неразделенного, единого Предания, вместо того, чтобы пользоваться Церковью лишь для достижения своих предвзятых политических целей. И тогда мы, может быть, принесем пользу той огромной стране, с великим прошлым

и несомненным будущим, где происходит нечто, чего несколько лет назад нельзя было себе представить.

И Церковь Божия и правда Христова бесспорно стоят в центре происходящего.

Церковь в эпоху Горбачева

Д. ПОСПЕЛОВСКИЙ

Перестроечная эра Горбачева началась для Церкви положением о религии и атеизме в новой программе КПСС, принятой на XXVII партйном съезде весной 1986 г. Там говорится о распространении "научно-материалистического мировоззрения для преодоления религиозных предрассудков" и "широком распространении новых советских обрядов и обычаяев". То есть продолжается давно намеченный курс на превращение атеизма как отрицания Бога - в новую мифологию коммунизма. Советская идеология по-прежнему относит веру в Творца к области патологических искажений в поведении человека¹.

Итак, на первый взгляд, перестройка не предвещала ничего нового. Однако события последних двух лет все-таки говорят об обратном. Поскольку все познается в сравнении, для начала скажем несколько слов о положении Церкви к моменту прихода Горбачева к власти.

*

Ставшее уже штампом определение "эпоха застоя" как нельзя лучше относится к послехрущевскому положению Церкви.

Хрущев в 1959 году объявил о завершении построения коммунизма в последующие 20 лет, но ведь, согласно Марксу, "коммунизм начинается с атеизма". Тот же Маркс, с одной стороны, утверждал, что религия есть надстройка над материальной базой и, следовательно, если база эта будет социалистическая, религия отомрет как пережиток капиталистических классовых отношений. А с другой, он считал, что революционное правительство социалистов, прияя к власти насилием... должно приступить к отмене религии, к искоренению Церкви. Однако ко времени прихода Хрущева к власти Церковь не только не отмерла, но благодаря ряду факторов в послевоенное время - даже укрепилась. Тогда Хрущев решил помочь марксистской теории. (Перефразируя Горького: если Церковь не сдается, ее уничтожают.) За последние 5 лет своего пребывания у власти он закрыл чуть ли не две трети храмов (всех религий), около 60 монастырей (из 75), 5 из 8 православных семинарий и снял с регистрации от 15 до 20 тысяч православных священников.

После снятия Хрущева советские религиоведы и пропагандисты попытались подвести некоторые итоги. Вывод был тот, что преследование Церкви в конце концов лишь способствовало усилению повышенного к ней интереса. Преследования отчасти загнали верующих в подполье, их неподконтрольность опаснее легального исповедания веры. Более того, политика Хрущева провоцировала верующих на враждебность к системе². Однако политика в отношении Церкви не менялась. Как однажды заявил тогдашний председатель Совета по делам религий Куроедов одному из иерархов Московской патриархии, поднявшему вопрос о возвращении церквей и семинарий, отобранных при Хрущеве: "Что с воза упало, то пропало".

Единственное, на что Брежnev пошел, было возвращение патриархии Данилова монастыря в связи с предстоящим Тысячелетием Крещения Руси. Правда, между 1965-м и 1983-м годом численность семинаристов и студентов духовных академий выросла почти втрое (при этом все еще составляя мизерное общее число примерно в две тысячи³).

Число церквей продолжало сокращаться в течение всего брежневского периода, не столько за счет насильственного закрытия, хотя и такое случалось, сколько в основном за счет вымирания деревни и массового исхода трудоспособного деревенского населения в города (особенно в РСФСР, преимущественно на ее севере, на Урале и в Сибири). В городах число приходов также не увеличивалось.

В Минске, например, где при населении менее 200 тысяч человек под немецкой оккупацией было открыто 7 храмов, при Хрущеве их число было сведено к 2-м. И по сегодняшний день (при населении более миллиона жителей) там все еще только два православных храма (правда, кладбищенская церковь Александра Невского была под видом ремонта увеличена вдвое). Таких примеров бесконечное множество: Новосибирск и Волгоград, с населением, соответственно, в полтора миллиона и 900 тысяч, имеют лишь по два храма каждый. В Горьком на полтора миллиона жителей только три храма, хотя шесть инициативных групп вот уже

почти 20 лет борются за открытие храмов. Особенno тяжелое положение в городах, которых вообще не было на карте лет 20-30 назад или которые за последние годы, в силу тех или иных причин, превратились из поселков в крупные населенные пункты, как, например, Тольятти или Набережные Челны. В последнем после продолжительных хлопот удалось, наконец, года два назад открыть храм, да и то не в центре, а в одном из пригородных поселков.

Оправдывается ли сокращение числа открытых церквей соответствующим сокращением числа верующих? Ведь согласно последним данным председателя Совета по делам религий Харчева, только с 1981 по 1986 год (несмотря на то, что за это время было открыто или построено 35 православных храмов) общее число их по стране сократилось на 213 - с 7 007 до 6 794⁴. При этом профессор Ленинградской духовной академии о. Иннокентий (Павлов) в журнале "Социалистические исследования" свидетельствует, что численность верующих в СССР в последние годы не убывает⁵. На смену старым поколениям, сохранившим духовные традиции дореволюционной России, приходят неофиты, которых в таких городах, как, скажем, Ленинград и Москва, более 33 % от общего числа верующих. По словам о. Иннокентия, аналогичная картина в большинстве городов страны, хотя это и не так заметно, поскольку в провинции верующий, по выражению о. Иннокентия, не обеспечен анонимностью. Там верующие активно-трудового возраста, а особенно студенты и молодые специалисты, скорее поедут в отдаленное село в храм, где никто не знает (изредка в Москву или Ленинград), чем рискнут быть замечеными в храме родного города...

Но какое же число верующих по стране в целом? Отец Иннокентий очень осторожен в оценках, считая, что православных до 20 % от общего населения всей страны, т. е. около 50-55 миллионов. Итак, на 50 миллионов верующих менее 7 тысяч храмов, по 7,5 тысяч верующих на храм! Более того, как указывает о. Иннокентий, в Западной Белоруссии верующих до 60 %! Но там всего 400 православных и около 100 католических храмов - на 4-5 миллионов верующих (т. е. 1

храм на 9-10 тысяч!). В то время, как должно было бы быть в одной Белоруссии около 5 000, а по всему СССР — около 50 000 только православных храмов, т. е. по одному на 1 000 церковно-верующих.

*

Что же переменилось, если переменилось, в положении Церкви при Горбачеве? Рассмотрим этот вопрос в нескольких плоскостях.

Выступая в Ташкенте в ноябре 1986 г., Горбачев призывал усилить атеистическую пропаганду⁶. Но и в стране, и за границей многие видят в этом выпад исключительно против ислама, роста которого (как некоего мистического-националистического движения) власти весьма опасаются.

Стоит обратить внимание на поведение Горбачева на Всесоюзном совещании глав кафедр факультетов общественных наук (1.10.1986), где ответственный за идеологию Е. Лигачев разразился весьма воинственной речью с прямым выпадом против советских писателей и ученых, которые, мол, встречая нарушения социалистической нравственности, начинают выступать "в пользу терпимого отношения к религиозным идеалам, в пользу возвращения к религиозной этике"⁷. Горбачев же в своем докладе на этом совещании ни словом не обмолвился о религии. Надо учесть, что выступлению Лигачева предшествовал VII съезд Союза писателей. Там, как образец контраста между духовностью верующих до революции и теперешним безразличием, поэт А. Вознесенский приводил пример постройки храма Христа Спасителя, в строительстве которого

"весь народ участвовал пожертвованиями. Мы же поразительно равнодушны, отработали субботник, но нам все равно, что будут строить, будто Москва не наша. Равнодушие уродует настоящее".

А академик Дмитрий Лихачев прямо напомнил съезду, что в Москве до революции было "сорок-сороков", и каждый храм был воспитателем нравственности народа. С уничтожением храмов исчез источник нравственности, на месте их образовалась пустота⁸.

Но еще до съезда писателей по рукам ходило неопубликованное выступление тогдашнего первого секретаря Московского горкома Ельцина, в котором он говорил об уничтожении 2 200 исторических памятников Москвы в 30-х и 60-х годах, в основном храмов и монастырей, и о возвращении уцелевших Церкви как единственной возможности их достойного сохранения.

В том же 1986 году появились нашумевшие рассказы Астафьева, в которых религиозный пафос достиг большого накала⁹. Чуть позже писатель Василь Быков заявил, что человечество не знает морали выше той, что дана в 10 заповедях, и по ним мы должны жить и сегодня¹⁰.

Ветеран советских безбожников еще военной выучки Иосиф Крывелев в ответ обрушился на советских писателей за их... "кокетничание с боженькой"¹¹. Вслед за Крывелевым появились антирелигиозные передовицы в ташкентской "Правде Востока", а затем в центральной "Правде"¹².

Отповедь Крывелеву и вообще всей советской школе "научного атеизма" дал "Новый мир" (№ 4, 1987). Автор Андрей Нуйкин ловко уличает Крывелева в подтасовке. Астафьев в своем рассказе призывает огненный дождь на головы богохульников и человеконенавистников, а Крывелев это понимает как призыв обрушить огненный дождь на атеистов. И ставит тем самым знак равенства между атеизмом и человеконенавистничеством, богохульством и разрушением храмов.

Явно апологетический характер носят статьи Александра Нежного в "Московских новостях", одна из которых, посвященная 650-летию Троице-Сергиевой Лавры, попала в "Литгазету" с ее почти 4-миллионным тиражом¹³. Нежный цитирует о. Павла Флоренского: "Чтобы понять Россию, надо понять Лавру, а чтобы вникнуть в Лавру, должно внимательно всмотреться в основателя ее". Еще поразительнее цитата из о. Павла по поводу жестокостей революции (1906 г.): "О Русь святая, терпящая избиение сынов своих! Не оказаться бы тебе с Иудой и Каином! Смотри народ православный, не быть бы тебе позорищем истории!"

Дальше Нежный рисует картину варварского разрушения Лавры после революции, уничтожение ее уникальной библиотеки в полмиллиона книг и ценнейших рукописей. Что уцелело — лежит без пользы с 1933 года сваленное в закрытом Климентьевском храме в одноименном переулке, где книги и рукописи истлевают от времени. Нежный призывает вернуть весь фонд в Духовную академию, где он действительно нужен современным богословам, студентам, семинаристам. Нежный вспоминает, что в 1944 году государство вернуло Лавру Церкви в полуразрушенном состоянии. Восстановив ее на свои средства, Церковь воссоздала там духовные школы и прекрасную библиотеку в 200 тысяч томов. Описывая современных лаврских монахов (их 123 человека всех возрастов, не считая семинаристов), Нежный останавливается на судьбе архимандрита Кирилла Павлова, который прошел всю войну, был многократно ранен, получил ряд наград, демобилизовался в 1946 году и пошел прямо в только что открытую Московскую семинарию. Там принял постриг, и вот уже 33 года в братии Лавры. Нежный мимоходом бросает вызов писателям и ученым: почему они до сих пор не дали образов, не изучили подобного пути демобилизованных солдат? И подчеркивает. *"Жизнь настолько богата, таинственна и широка, что в ней даже на исходе XX века есть место для монаха".*

В статье под многозначительным заголовком "Сияла Оптина пустынь"¹⁴, написанной по поводу возвращения Церкви Оптиной и Толгского монастыря под Ярославлем, Нежный дает прямо-таки восторженное описание исторического значения Оптиной пустыни и ее старцев, распространителей духовной культуры и нравственности, пишет об их связи с ведущими писателями и мыслителями России. Относительно нынешнего состояния Пустыни, он говорит: "пустынь производит впечатление, будто только что подверглась воздушному налету".

Ему вторит Александр Минеев, описывая возвращаемый Толгский монастырь¹⁵, который будет первой действующей женской обителью в современной РСФСР, а также приютом для престарелого духовенства. Минеев пишет, что в 1926 году

монастырь был упразднен и превращен в детдом. Простоял монастырь 600 лет и был в прекрасном состоянии, славился своим кедровым садом в 160 деревьев, но за 60 лет советского хозяйствования все разрушено:

"Грустное зрелище открылось взору: во всех кельях развалены печи, содрана или разбита облицовочная плитка, выломаны двери и окна. Кедров осталось 27. Стоимость восстановления сегодня оценивается в 13-15 миллионов рублей".

И тут пока беспрецедентное для советского печатного органа обращение: 84 прихода Ярославской епархии в прошлом году пожертвовали полмиллиона в Фонд мира. Восстановление же исторического памятника тоже является общим делом, на которое следовало бы жертвовать всем (не только верующим), чтобы помочь Церкви. И дается номер банковского счета для пожертвований на восстановление монастыря.

Появились статьи в "Огоньке" и "Литгазете" в защиту верующих¹⁶, хлопочущих о постройке храмов или об открытии закрытых храмов (в трех известных нам случаях они увенчались успехом).

Весомый вклад в поднятие статуса Церкви в советском обществе и в борьбу за права Церкви сделал академик Д. С. Лихачев. Многочисленные выступления Лихачева в печати за последние два года по вопросам нравственности, совести, реабилитации и печатания запрещенных писателей, осуждение им полуправды как явления более опасного, чем прямая ложь, его защита неофициальных организаций, его борьба за сохранение архитектурно-исторических памятников, в том числе храмов и монастырей, — сделала его ныне, пожалуй, неким духовным лидером, пользующимся всероссийским авторитетом¹⁷.

В одном из интервью он заявил:

"Если говорить о современной Церкви, то надо, особенно сегодня, накануне 1000-летия Крещения Руси, подчеркнуть: мы стоим за полное, действительное отделение Церкви от государства. Наше государство должно быть действительно внерелигиозным, оно не должно вмешиваться в дела Церкви. Именно за этим должен следить Совет по делам религий!"

К сожалению, в недавнем прошлом Совет вмешивался, и очень активно, в церковные дела. И надо ли ограничивать церковь в праве издавать необходимыми тиражами книги, в которых испытывают нужду верующие: Библию, церковные календари, святоотеческую и иную церковную литературу?

Но самым, пожалуй, сенсационным было уже упомянутое выше появление в журнале "Социалистические исследования" статьи современного православного богослова, иеромонаха Иннокентия (Павлова). Отец Иннокентий осуждает книгу американского советолога Уильяма Флетчера "Советские верующие" за то, что он некритически воспроизводит в ней данные советских социологических исследований религии и верующих в СССР! О. Иннокентий, во-первых, указывает, что все статистические данные, относящиеся к Церкви в СССР, страдают "приписками наоборот": уполномоченный, рапортую в Москву, хочет показать успехи атеизма, а староста "идя навстречу пожеланиям советских органов, для которых эта отчетность предназначается" тоже дает заниженные цифры, например, требоисполнений в храмах.

Он резко возражает против мифа о невежестве верующих, указывает на широкое обращение к вере интеллигенции. И он заканчивает статью следующими словами:

"Духовный поиск, который находит выражение в интересе к христианскому вероучению, к церковной истории и практике, стал в СССР заметным явлением".

Интересно, что в ответе советского религиоведа доктора философских наук Шердакова (да и вообще в атеистической литературе примерно последних 12 месяцев) преобладает самокритика. Шердаков признает незэффективность "административных санкций, преследований и ограничений в отношении религии", которые не только создают мучеников за веру, но и поле общественного сочувствия к гонимым. Он присоединяется к голосам, осуждающим статью Крывелева "Кокетничая с боженькой" и вообще примитивность советского "научного" атеизма; и в заключение - категорически отвергает попытки "форсированного преодоления религии" и даже точку зрения

Рассела о том, что "религия - главный враг социального и нравственного прогресса"¹⁸.

*

Критика советского законодательства о религии перестала быть уделом только церковников. В журнале "Наука и религия" (№ 2, 1988) воронежский уполномоченный Совета по делам религий Губин высказывает неудовлетворенность существующим законодательством. Говоря о щедрых пожертвованиях Воронежской епархии в Фонд помощи жертвам Чернобыля, а также на ремонт зданий Троице-Сергиева монастыря и в Фонд защиты историко-архитектурных памятников, он делает верный вывод: или следует раз и навсегда запретить Церкви всякую благотворительную деятельность, или вообще отменить закон, запрещающий ее. Харчев, председатель Совета по делам религий, и большинство других официозных авторов предпочитают пока обходить законодательство 1929 г. молчанием, делая упор на Ленинском декрете 1918 г., причем замалчивая такие ключевые его стороны, как лишение Церкви статуса юридического лица, права владеть имуществом, права преподавать основы вероучения и пр. Вместо этого выплывает установка Декрета о равном праве веровать или не веровать в Бога¹⁹.

Каким будет новое законодательство относительно Церкви, пока сказать трудно. Так, по некоторым данным, Харчев якобы сторонник отмены всех государственных законов о религии и замены их только одной новой статьей в Конституции СССР - о равноправии религии и атеизма перед законом и равном праве их на пропаганду своих убеждений.

Вообще надо учсть, что Совет по делам религий совершенно децентрализованная организация. Местные уполномоченные СДР назначаются облисполкомами, то есть фактически первым секретарем обкома партии, и зарплату они получают от местных советов, а не из бюджета московского СДР. Поэтому, каковы бы ни были пожелания и рекомендации Харчева, положение Церкви на периферии зависит не от него, а от местных властей и личности местного уполномоченного СДР!

А каково личное отношение Горбачева к Церкви? Согласно упорным слухам, Горбачев относится к ней, к ее вкладу в русскую культуру и ее нравственной роли в истории – положительно. Косвенные подтверждения этому слуху мы находим и в его книге "Перестройка и новое мышление", где он говорит: "Мы европецы. С Европой Древнюю Русь объединило христианство. Тысячелетие прихода его на землю наших предков будет отмечаться в 1988 году"²⁰.

*

Тем не менее, кроме отмены необходимости предъявления паспортов при заказе церковных треб, никаких законодательных изменений в пользу Церкви в СССР пока нет.

Изменился, повторяю, лишь тон, каким в прессе говорят о религии. На страницах журнала "Наука и религия" духовенство превратилось из жадных обманщиков в интеллигентных, вдумчивых людей, старающихся помочь людям в беде. В первом номере за этот год опубликована весьма интересная беседа с несколькими священниками об исповеди, ее характере, о том, как и с чем люди обращаются и чего ждут от пастыря. Правда, следом идет комментарий советского психиатра "Пастырская психотерапия", анализирующий исповедь с позиций секулярной науки, но – без всяких изdevок, с признанием терапевтической роли исповеди и пастырства²¹.

В другом номере журнала "Наука и религия" прямо говорится о традициях христианского милосердия, о помощи Церкви сегодня социально обездоленным: бездомным, не сумевшим найти работу, не сумевшим получить прописку после сроков, отбытых в местах заключения и т. д. Весь этот люд приживается на кладбищах, пригревается кладбищенским причтом, им же подкармливается, согревается, ночует по церковным сторожкам²².

Но, возвращаясь к антирелигиозной печати, конечно, не следует идеализировать положение. В каждом номере той же "Науки и религии" идут и традиционные атеистические занудные материалы,

Исторические прецеденты показывают, что советская власть обращается к Церкви в моменты серьезнейших кризисов. Сам Горбачев, как известно, называет нынешнее положение советского общества "предкризисным", но заместитель редактора "Московских новостей", разговаривая с корреспондентом "Нового русского слова" Владимиром Козловским в Москве прошлой осенью, определил это "предкризисное" состояние как, буквально, двенадцатый час существования советского строя, грозящий окончательной катастрофой, если режим не сумеет радикально и во всем перестроиться в течение ближайших двух-трех лет²³.

Интересно, что новый тон в советской печати по отношению к Церкви, по-жалуй, начался летом 1986 года со статьи киевского корреспондента "Литгазеты", доктора медицины Юрия Щербака, о чернобыльской катастрофе. Говоря о Чернобыле, у Щербака вдруг возник в памяти 1942-й год:

"Осень, идет битва за Стalingрад. Я боязливо заглядываю в небольшую русскую церквушку... Церковь битком набита людьми. Это воспоминание и побудило меня после очередной поездки в места, прилегающие к зоне Чернобыля, войти во Владимирский собор в Киеве"²⁴.

Если проводить параллели между нынешним кризисом и войной, то напомним, что сталинские уступки Церкви прекратились после войны, а в 1959 году пришли новые массовые гонения. А что если советская власть справится со своим кризисом в достаточной мере, чтобы существовать еще энное количество лет? Возобновит ли она политику всесторонних репрессий и прежде всего гонений на Церковь?

На наш взгляд, в отличие от 1959 года, тому могут существовать серьезные преграды. Это, во-первых, ныне нарастающие гласность в печати и самостоятельность общественных сил: уже возникло более 30 000 "неформальных" объединений, т. е. свободных общественных организаций. Это не политические партии, но все же – это многоголосое бурление общества, которое после опыта и сталинщины, и брежневщины, после потери веры в систему и ее идеологию,

очень трудно будет загнать вновь в подполье и заставить замолчать. И, во-вторых, из кризиса систему может вывести только тесное сотрудничество власти с конструктивными силами общественности, от технократов до гуманистариев. В борьбе с аппаратом, с партийной бюрократией у Горбачева нет иного выхода, как опереться на эти силы. Как известно, Хрущев тоже делал шаги в сторону сотрудничества с этими кругами, ухаживал за либеральной интеллигенцией — правда грубее и менее последовательно, чем Горбачев. Но одновременно он усиливал гонения на Церковь и верующих.

Тогда это было возможно. Тогда советская интеллигенция, профессиональные круги, были в основном неверующими, безразличными к Церкви или даже враждебно к ней настроены. Теперь интеллигенция или церковна, или околоцерковна. В ее глазах христианство и культура фактически синонимы, Россия и православие — неразделимы. Поэтому на сегодня союз власти с интеллигенцией, конструктивными кругами общества, при одновременном гонении на христианство становится немыслимым.

*

До сих пор мы не говорили о реакции Церкви как общественного института и церковной печати на перестройку. Да, отдельные священники и епископы иногда выступают тут и там и говорят, что необходимо допустить благотворительность, открыть больше семинарий, открыть больше храмов в новых и больших городах, разрешить катехизаторство и церковную печать в нужных тиражах. Но поразительно, что в то время, как гражданская печать пишет уже совсем без всяких обиняков о гонениях на Церковь при Сталине и Хрущеве (даже упоминаются гонения на Церковь такими чиновниками, как Харчев), голоса Церкви и церковной печати по этим вопросам не слышно. Этим возмущаются представители Московской патриархии в личных беседах:

"Обо всем мы можем говорить сейчас, о любых гонениях Сталина, о любых перегибах Хрущева, Брежнева. Только о самых страшных гонениях, о гонениях на

Церковь нам строжайше запрещено упоминать. Реабилитируются жертвы сталинского террора. Но провозгласить наших мучеников жертвами сталинского террора мы не можем".

В этом отношении Церковь по-прежнему остается с кляпом во рту.

Конечно, тут положение Церкви вдвойне трудное. Если критика в советской печати исходит из советского же общества, то Церковь пока, по действующим законам, не является общественной организацией; она все еще как бы вне общества, существует по милости властей, а не на основании своих прав в этом обществе. Но, конечно, многое зависит и от руководства Церкви, от его решительности. Беда Церкви в том, что в отличие от эры Сталина, когда был террор физический, но не было внутреннего вмешательства власти в жизнь Церкви, во времена Хрущева началось, а при Брежневе продолжалось вмешательство во внутреннюю жизнь Церкви, контроль за подбором и семинаристов, и духовенства, а особенно епископата. Достаточно прочесть пресловутые отчеты Фурова ЦК КПСС, чтобы в этом убедиться²⁵. В результате почти все епископы хиротонисованные между 1960 и 1985 годами — в лучшем случае посредственности, а в худшем — трусливы. Таков и патриарх Пимен, избранный открытым голосованием в 1971 году.

Есть честные, прекрасные епископы, но они в меньшинстве. Однако это они подготовили целый ряд документов для предстоящего Поместного Собора (в июне 1988 г.), предлагающих восстановить не только каноническое бытие Церкви, но, в какой-то степени, и автономный выборный приход.

Закулисно в переговорах с властью Церковь добивается своего признания в качестве общественной организации со всеми правами, открытия воскресных школ для детей и взрослых, издания нужной печати, открытия семинарий, возвращения отобранных храмов, права активного участия в нравственном восстановлении народа. При отсутствии сильного руководства во главе церковного корабля, вряд ли можно ожидать решительных изменений в положении и

правах Церкви в ближайшем будущем. Поэтому, как ни парадоксально, но в нынешних "перестроечных" условиях, основная политическая опора Церкви,– это сочувствующие или просто верующие журналисты, и сочувствующие или даже тайно верующие работники государственного и партийного аппарата.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. D. Pospelovsky. *A History of Soviet Atheism in Theory and Practice, and the Believer*. Vol. 1: *A History of Marxist-Leninist Atheism and Soviet Anti-religious Policies*. Vol. 2: *Soviet Anti-religious Campaigns and Persecutions*. London, 1987.

2. Д. Ушинин. Новые веяния в атеистической пропаганде СССР. "Границы", № 60, 1986. D. Pospelovsky. *The Russian Church under the Soviet Regime, 1917-1982*. St. Vladimir's Seminary Press, Crestwood, N. Y. 1984.

3. D. Pospelovsky, ibid. p. 407. Патриарх Пимен. 60-летие восстановления патриаршества. "Журнал Московской Патриархии", № 8, 1978. Свящ. Глеб Якунин. О современном положении Русской православной Церкви. "Вольное слово", № 35, 1979. Изд. "Посев".

4. Гарантия свободы. Интервью с К. М. Харчевым. "Наука и религия", № 11, 1987.

5. С. Н. Павлов (иеромон. Иннокентий). О современном состоянии Русской православной Церкви. "Социологические исследования", № 4, 1987.

6. "Правда Востока", 25.11.1986.

7. Всесоюзное совещание заведующих кафедрами общественных наук. Речь Е. К. Лигачева. "Правда", 2.10.1986.

8. "Литературная газета", 2.7.1986.

9. "Наш современник", № 5, 1986.

10. "Книжное обозрение", № 25, 1986.

11. Кокетничая с боженькой. "Комсомольская правда", 30.7.1986.

12. Против религиозного дурмана. "Правда Востока", 2.9.1986. Воспитывать убежденных атеистов. "Правда", 28.9.1986.

13. Века истории и чудо красоты. "Литературная газета", 2.9.1987.

14. Сияла Оптина пустынь. "Московские новости", 20.12.1987.

15. Возрождение Толгской обители. Там же, 21.12.1988.

16. Если рассудить полюдски. "Огонек", № 13, 1987. Письмо пред. церковного совета А. Михаилицына. "Огонек", № 39, 1987. Письмо С. Г. Ананьева. "Литературная газета", 15.7.1987.

17. Ах. Д. Лихачев. Тревоги совести. "Литературная газета", 8.1.1987. От покаяния к действию. Там же, 9.9.1987.

18. Где кончается религиозность и начинается атеизм. "Социологические исследования", № 4, 1987.

19. М. Кириченко. К истории ленинского декрета. "Наука и религия", № 4, 1987. А. Окулов. Веха духовной свободы. "Правда", 2.2.1988. К. Харчев. Утверждая свободу совести. "Известия", 27.1.1988.

20. М. С. Горбачев. Перестройка и новое мышление. Москва, Политиздат, 1987.

21. Ю. Михайлова, И. Ачильдьев. Тайна исповеди; В. Лебедев. Пастырская психотерапия. "Наука и религия", № 1, 1988.

22. Ю. Кузьмин. В кольце отрещенности. "Наука и религия", № 12, 1987.

23. Возвращение в Москву. "Новое русское слово", Нью-Йорк, 2 и 3 февраля, 1988.

24. Без домыслов и недомовок. "Литературная газета", 23.7.1986.

25. Отчет зам. председателя Совета по делам религий В. Фурова. "Вестник РХД", № 130, 1979. Так же другие отчеты СДР в ЦК за 1968 и 1970 гг. в Архиве религиозного самиздата, Кестон коллеж.

Взаимоотношение Государства и Церкви

Ниже публикуемый материал получен нами от редакции "Форума"; помещен он был в № 9 этого специального издания НТС. Как мы уже сообщали ("Посев" № 5, 1987), в этом издании публикуются письма, полученные НТС из страны, и ответы на поставленные в них вопросы или затронутые проблемы. Данный материал – звонкая беседа между священником Русской Православной Церкви на родине и прот. Кириллом Фотиевым (членом нашей редколлегии), проживающим ныне в ФРГ. Поднятая собеседниками проблема об отношении Церкви и государства – одна из ключевых для признания духовной независимости Церкви и ее тесной связи с жизнью народа.

"Милостивый государь, пожелавший оставаться неизвестным!"

Благодарю Вас за любезно предоставленную возможность ознакомиться с Вашим журналом, что было для меня полной неожиданностью. Удивлен, чем я вызвал такое внимание к себе.

Являясь гражданином своей страны, я внимательно слежу за событиями, происходящими как в нашей стране, так и за рубежом. Однако, я прежде всего

священник, служитель Слова Божия, и все события я всегда рассматриваю с библейской точки зрения.

Христос приходил на землю не для социального переустройства общества. Он не призывал к изменению внешних условий жизни общества и человека, напротив, Он призывал к переустройству внутреннего мира человека и изменению отношения самого человека к окружающему миру: "Отче наш... да будет воля Твоя и на земле как на

небе" (Мф. 6, 10) – учили молиться Он. Все происходящее в нашей стране, да и во всем мире, мы должны рассматривать как проявление божественной воли, направленной к нашему исправлению и усовершенствованию.

Человечество во все времена стремилось создать на земле идеальное общество – "земной рай", но "Царство Божие внутри вас есть" и: "Не собираите себе сокровищ на земле... ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше" (Мф. 6, 21), – вот как опасно иметь пристрастие к земному, материальному миру. Мы должны поставить себе целью – стремление к Богу: "Ищите же прежде Царства Божия и правды его, и это все приложится вам. Итак не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний день сам будет заботиться о своем" (Мф. 6, 34), а Ваши статьи как раз предлагают не переустройство внутреннего мира человека, а ряд мероприятий, направленных на усовершенствование экономики и социально-бытовых условий жизни наших людей. Как тут не вспомнить: "Много замыслов в сердце человека, но состоится только определенное Господом" (Причт. 19, 21). Чисто по-человечески мы не против этого, но не это главное.

В настоящее время у нас в стране произошли ощущимые перемены, и в общественной жизни, и в религиозной – я имею в виду взаимоотношения государства и религии. В свое время я испытал на себе всю тяжесть последствий "отделения церкви от государства". Сейчас же картина иная, и никто из членов моей семьи не испытывает никаких затруднений из-за того, что я священник, а они верующие и ходят в церкви.

Недавняя встреча с американскими паломниками и беседы с ними лишний раз подтвердили слова Господа Иисуса Христа: "Царство Мое не от мира сего" (Ин. 18, 36). Когда американские гости стали утверждать, что свобода пропаганды религии у них в стране налицо: радио, телевидение, журналы, газеты, митинги и т. п., а у нас отсутствует, то я спросил, а каков результат всего этого, можно ли назвать США самой религиозной, самой

верующей страной, без каких-то бы то ни было порочных явлений и проблем преступности. Все присутствующие американцы в один голос воскликнули, что это далеко не так, что Америка более безрелигиозна чем любая другая страна. Люди, имеющие высокий материальный жизненный уровень, становятся равнодушными к религии.

События в Чернобыле в апреле прошлого года тоже надо рассматривать с этой же точки зрения, "Соделай, Господи, да переношу с таким же терпением беспокойства и скорби душевые, с какой радостью приемлю удовольствия сердечные" (Молитва иеросхимонаха Парфения Киевского), и суть происшедшего не изменит увеличение информации о них.

Больше пользы принес бы Ваш журнал, если бы не занимался подстрекательством наших людей против "властей предержащих", ибо "несть власти не от Бога" (Рим. 13, 1), а уделил бы больше внимания внутреннему, духовному миру человека и помог бы направить его благие помыслы к Свету – Христу.

Милость Божия да хранит Вас и да сопутствует Вам в осуществлении всех Ваших благих порывов".

Священник о. Н.

*

Дорогой о Господе собрат и сослужитель,

редакция "Форума друзей Народно-Трудового Союза российских солидаристов" передала мне для ответа Вам Ваше письмо. С радостью откликаюсь на Ваше письмо и постараюсь ответить на него с полной откровенностью и так, как мне подсказывает учение нашей Церкви и моя совесть.

Вы совершенно правы, когда Вы пишете: «Христос приходил на землю не для социального переустройства общества» – то «Царство небесное», с воззвания которого Господь начал свою проповедь, призвав людей к покаянию, неизмеримо выше всех мыслимых обще-

ственных организмов «мира сего». Но Господь Иисус Христос кормил голодных, исцелял больных – конечно, не для того, чтобы явить людям Свое всемогущество, а потому, что любил и жалел людей: в первую очередь людей страждущих. Продолжая учение Господа Иисуса Христа, св. апостол Иоанн призывает всех нас «поступать в мире сем как Он» – т. е. творить в мире дело Христово, будучи Его верными учениками. Духовное обновление сердца, совершенствование в вере, надежде и любви есть первая задача христианина, но «подражание Христу» невозможно без деятельной любви к людям. Оглянитесь кругом, дорогой о. Н. – неужели Ваше сердце не содрогается при виде той участи, тех условий жизни, на которые обречен наш народ? Не только насилиственное безбожие, которое вбивают в голову даже детям дошкольного возраста, но и социальное бесправие, произвол всяких мелких деспотов на местах (их «перестройка» пока не коснулась, как признают даже советские газеты), экономическая нужда, порожденное полной бесперспективностью пьянства: неужели Вы скажете, что я сгущаю краски или клевещу на советскую действительность? Если же намеченная мною картина точна, то борьба за улучшение условий жизни нашего народа – нравственная обязанность каждого честного человека, а христианин должен почитать такую борьбу долгом своей христианской совести. Оговорюсь, что священнослужитель не должен прямо участвовать в социальной и политической борьбе – у него другое призвание. Но те, которых Господь не призвал к предстоянию Его престолу, к учительству и попечению о душах людей, нравственно обязаны участвовать в борьбе за лучшую участь людей, главное же – за их право открыто исповедовать свою веру и свободно передавать эту веру своим детям и молодежи. Отсутствие такого учительства, запрет, наложенный на него, привели к нравственному одичанию нашего народа, к его дехристианизации – примеры этого у Вас перед глазами. При таком положении желание «укрыться в келье под елью» и

искать лишь спасения собственной души есть измена Христу, явившему нам подвиг деятельной и жертвенной любви – «даже до смерти, и смерти крестной» (Фил. 2, 8). Вы пишете, что сейчас «никто из членов моей семьи не испытывает никаких затруднений из-за того, что я священник». Слава Богу, что это так. А как насчет других детей – скажем Ваших соседей?

Ведь Вы знаете, что за попытку учить их истинам веры, Вам угрожает лишение регистрации, а этих детей будут преследовать в школе, через пионерскую организацию, принадлежность к которой не зависит от воли ни самих детей, ни их родителей? А ведь св. апостол Иаков предупреждает нас, что «вера без дел мертвa» (2. 26).

В 13 главе Послания к римлянам св. апостол Павел призывает христиан быть «покорными высшим властям». Но, что этот призыв не есть безусловное признание и покорность властям, свидетельствует сам апостол язычников. Перечтите 22 и 23 главы Деяний Апостольских и Вы убедитесь, что сам Павел восставал против «высших властей», когда они пытались помешать его проповеди Христа. Мы правильно поймем текст Рим. 13 главы, если скажем, что св. апостол Павел – безусловный противник анархии. Он готов признавать власти, если они охраняют порядок и служат добру. Но он восстает против них, когда ему это велит совесть. Переводя эту установку св. апостола Павла на реальность нашего времени, можно сказать: если милиционер, стоящий на перекрестке, поднимает палочку – следует тормозить, хотя на фуражке у него коммунистический символ. Но те носители власти, которые пытаются препятствовать проповеди Евангелия, не «начальники», о которых говорит св. апостол Павел, а слуги антихриста.

Наконец, последнее. Вы пишете, что высокий уровень жизни не делает людей лучше, а приводит к тому, что они становятся равнодушными к религии. Это может быть так, по этой причине и обращается св. апостол Иаков к «богатым» с грозным предупреждением. Но можно ли сделать из этого вывод, что та

нужда, которую ежедневно терпит наш народ — благословенна? Крайняя нужда обрекает человека на «практический материализм», повседневная борьба за прожиточный минимум вытесняет духовные потребности, заставляет забыть о них. Никто, знающий Америку, не будет утверждать, что это — образцовая христианская страна, не была такой страной и дореволюционная Россия. Но свобода совести, свобода проповеди суть бесценные духовные блага — дай Бог, чтобы они были нашему народу возвращены. В Америке, как в каждом свободном обществе, существуют и любые формы злоупотребления этой свободой: таков закон падшего человеческого естества — до тех пор, пока Господь не убьет зло «дыханием уст Своих». Но мы, по

слову св. апостола Павла, «соработники у Бога» и обязаны стремиться к тому, чтобы даже падший мир, который никогда не станет, все же не был адом для людей. Укажу и на то, что женщины в Америке и в других странах Запада улиц не мостят и на других работах, физически им непосильных, не надрываются. Вместо этого американские женщины отдают свои силы детям, в частности — регулярно читают и изъясняют им Слово Божие.

Желаю Вам помочи Божьей в пастырских трудах Ваших и прошу Вас помянуть меня в Ваших святых молитвах.

С любовью во Христе, Ваш собрат

прот. Кирилл Фотиев

● КУЛЬТУРА И ПОЛИТИКА

«Другие берега» В. Набокова

Н. РУТЫЧ

В июньском номере журнала "Дружба народов" (№ 6, 1988) опубликована одна из самых замечательных книг, созданных в эмиграции: "Другие берега" В. В. Набокова. "Ее цель — как пишет в предисловии сам автор — описать прошлое с предельной точностью и отыскать в нем полнозначные очертания" ¹. Казалось бы, после такого определения своей цели одним из наиболее значительных писателей русского зарубежья, достигшим мирового признания, совершенно недопустимы сокращения его произведения в стиле произвольных "административно-бюрократических" методов.

Но тем не менее, хотя сами эти "методы" ныне публично осуждены, цензурные сокращения искажают текст "Других берегов", а порой и скрывают от читателя отношение В. В. Набокова к революции, событиям гражданской войны и, наконец, к самому ленинскому режиму...²

Цензурные чернила, вылитые на произведение автора, не раз повторяющего — "Родина во мне", окрашены цветом по-

литической нетерпимости, и уже это одно вынуждает остановиться на долгожданной публикации "Других берегов" в Советском Союзе.

*

Обратимся к тексту. В главе XI своей книги В. Набоков описывает, как уже после октябрьского переворота его отец — Владимир Дмитриевич Набоков (один из основателей партии кадетов, управляющий делами Временного правительства в 1917 году) решил отправить свою семью в казавшийся тогда более безопасным Крым.

Третий раздел этой главы в публикации журнала "Дружба народов" начинается словами: "Мой отец решил до последней возможности оставаться в Петербурге".

Опущено все начало:

"В американском издании этой книги мне пришлось объяснить удивленному читателю, что эра кровопролития, концентрационных лагерей и заложничества началась немедленно после того, что Ленин и его помощники захватили

власть. Зимой 1917-го года демократия еще верила, что можно предотвратить большевистскую диктатуру" (с. 210).

В той же главе вслед за словами о том, что жизнь семьи Набоковых в Крыму "коренным образом изменилась", в советском издании пропущен следующий пассаж, где В. Набоков говорит о причинах этих изменений в силу начала красного террора:

"Местное татарское правительство смели новенские советы, из Севастополя прибыли опытные пулеметчики и палачи, и мы попали в самое скучное и уничижительное положение, в котором могут быть люди, — то положение, когда вокруг все время ходят идиотская преждевременная смерть, оттого что хозяйничают чловекоподобные, и обижаются, если им что-нибудь не по ноздре. Тупая эта опасность плелась за нами до апреля 1918-го года. На ялтинском молу, где Дама с Собачкой потеряла когда-то лорнет, большевистские матросы привязывали тяжести к ногам арестованных жителей и, поставив спиной к морю, расстреливали их; год спустя водолаз докладывал, что на дне очутился в густой толпе стоявших навытяжку мертвцев" (с. 214).

Террор, прокатившийся из Севастополя по всему Крыму в начале 1918-го года, описан многими свидетелями. В частности, В. О. Оболенским, известным земским деятелем в Крыму, воспоминания которого — "Моя жизнь, мои современники" — изданы в основанной А. И. Солженицыным серии "Наше недавнее", (ИМКА-Пресс, 1988 г.).

Сведения о массовых расстрелах в Крыму докатились и до Анны Ахматовой, отзовавшейся на них в далеком Петрограде заключительным стихотворением в сборнике "Белая стая" (1918).

На Малаховом Кургане
Офицера расстреляли.
Без недели двадцать лет
Он глядел на Божий свет.

В. Набокову было тогда восемнадцать...

Купюры, относящиеся к далекому 1918 году, вызывают вопрос: почему теперь

стало можно говорить об ужасах сталинского террора и гибели в 30-х гг. миллионов крестьян и интеллигенции, о гибели большинства командного состава Красной армии, равно как и "ленинской гвардии", но все еще нельзя пропускать в печать свидетельство писателя, пережившего ужасы красного террора в 1918-ом?

Ответ на этот вопрос дают обширные цензурные купюры, совершенно исказившие следующую, XII главу. Напомним, что в ней автор рассказывает о своем посещении в конце 30-х годов университета в Кембридже, где он учился в начале 20-х, и о встречах со своим английским профессором, которого он условно называет Бомстоном, довольно типичным представителем того типа западных интеллектуалов, которые вошли в историю как "попутчики" советской власти.

Текст в публикации "Дружбы народов", после начальных фраз о встрече с Бомстоном обрывается на том, как английский профессор выбивает трубку о чугун камина, остается лишь его фраза "...что не будь союзной блокады, не было бы и террора". Полностью опущено все, что связано с Лениным:

"To немногое, что мой Бомстон и его друзья знали о России, пришло на Запад из коммунистических мутных источников. Когда я допытывался у гуманистического Бомстона, как же он оправдывает презренный и мерзостный террор, установленный Лениным, пытки и расстрелы, и всякую другую полуумную расправу, — Бомстон выбивал трубку о чугун очага /.../".

И далее:

"Ему никогда не приходило в голову, что если бы он и другие иностранные идеалисты были русскими в России, их бы ленинский режим истребил немедленно (...). Особенно меня раздражало отношение Бомстона к самому Ильичу, который, как известно всякому образованному русскому, был совершенный мещанин в своем отношении к искусству, знал Пушкина по Чайковскому и Белинскому и "не одобрял модернистов", причем под

"модернистами" понимал Луначарского и каких-то шумных итальянцев (...)" (сс. 223-224).

Все это - оценки Набокова, относящиеся к началу 20-х гг. Автор "Других берегов" не изменил их до самой смерти. Рисуя же "эволюцию взглядов" английского "спутника", Набоков снова возвращается к оценкам ленинского периода уже в разгар сталинщины, когда, казалось бы, английский профессор мог пересмотреть свои взгляды. Эти мысли Набокова в конце той же XII главы также изъяты советской цензурой.

Мы приводим лишь самое существенное:

"В свое время, в начале 20-х годов Бомстон, по невежеству своему, принимал собственный восторженный идеализм за нечто романтическое и гуманное в мерзостном ленинском режиме. Теперь, в не менее мерзостное царствование Сталина, он опять ошибался, ибо принимал количественное расширение своих знаний за какую-то качественную перемену к худшему в эволюции советской власти. Гром "чисток", который ударили в "старых большевиков", героев его юности, потряс Бомстона до глубины души, чего в молодости, во дни Ленина, не могли сделать с ним никакие стоны из Соловков и с Лубянки. С ужасом и отвращением он теперь произносил имена Ежова и Ягоды, но совершенно не помнил их предшественников, Урицкого и Дзержинского" (сс. 232-233).

Мы привели далеко не все цензурные сокращения, но и приведенных вполне достаточно, чтобы убедиться, что "Другие берега" Набокова в публикации "Дружбы народов" утратили многие ключевые мировоззренческие узлы автора-мемуариста. В итоге, мягко выражаясь, беззастенчивого обращения с текстом писателя, читатель получил полуправду, которая, как неоднократно подчеркивал академик Д. С. Лихачев, всегда хуже лжи.

Страх перед правдой, когда речь идет о гражданской войне или о режиме

Ленина, остается доминантой партийной цензуры.

В связи с этим стоит вспомнить слова Ф. Кузнецова в беседе с историком Поляковым ("Минувшее: полная правда!", Литературная газета, 30.9.1987), где он, признавая, что "...литературный дар Набокова соприялся с неприятием революции", риторическиставил вопрос: "Почему это надо скрывать? Ведь тот факт, что зная все это, мы тем не менее Набокова печатаем и отдаем дань уважения его дарованию, говорит о нашей силе, а не о слабости".

Напомнить это заявление Кузнецова, как нам кажется, следует, ибо под личиной гласности делается попытка выдать полуправду за правду, а страх - за силу и уверенность. Ведь все, что писали о Ленине не только Набоков, но и Бунин, и Солженицын, не говоря уже о таком знатоке событий 18-го года как Алданов, - остается до сих пор под запретом.

Публикация книги Набокова еще раз показала, что та граница, за которую до сих пор все еще не может проникнуть ни гласность, ни правда, строго определена - это все то, что связано с Лениным: и приход его к власти, и установление однопартийного режима, и борьба за него в гражданской войне.

¹ Здесь и далее цитируем по изданию: Вл. Набоков "Другие берега", Ardis, 1978.

² Редакция "Дружбы народов", видимо сознавая, что она творит с одним из лучших произведений В. Набокова, все же сочла необходимым отметить цензурные купюры забранным в скобки трахтожием.

СТОЛЫПИН А. П.

На службе России

1986, 306 с.

33 нм

Известный публицист, сын премьер-министра П. А. Столыпина, А. П. Столыпин написал мемуарные очерки о жизни эмиграции, о России, об интересных политических и общественных деятелях. Книга эта и о зарождении НТС как национально-патриотического объединения молодежи в условиях российского Зарубежья, о развитии НТС, его деятельности, борьбе в России. Полувековой путь НТС - уникальное явление для политической эмиграции вообще, российской - в частности.

Автор живым языком ведет рассказ о малоизвестной в России частичке ее истории.

Партия Ленина-Стилна

О РОМАНЕ А. РЫБАКОВА "ДЕТИ АРБАТА"

М. ШНЕЕРСОН

Среди произведений последнего времени исключительным успехом у советских читателей пользуется роман Анатолия Рыбакова "Дети Арбата". Оценивая его, следует учесть, что "Дети Арбата" были опубликованы до того, как появились в печати другие, более смелые и талантливые вещи (достаточно назвать роман Василия Гроссмана "Жизнь и судьба"). Теперь, быть может, Рыбаков и не произвел бы такого сильного впечатления. Но год назад "Дети Арбата" для многих читателей были своего рода открытием, ибо в советской литературе до сих пор не появлялось сколь-нибудь правдивого изображения Сталина. Думается, в основном, этим, а не художественными достоинствами романа, объясняется его успех.

Роман же в целом напоминает незавершенное рукоделие: вышиты значительные куски, но узор не закончен, и повсюду торчат нитки, хотя сам писатель считает его вещью законченной и в послесловии говорит не о продолжении, а о "следующем" романе, который, возможно, и не будет написан. Очевидно, никаких "ниток" сам Рыбаков не видит.

Но все же в "Детях Арбата" мы найдем немало живых, искренне написанных сцен, связанных главным образом с судьбой главного героя книги Саши Панкратова. История его, мне кажется, не может не взволновать читателя. Многим она напомнит пережитое в те страшные годы...

*

В идейной основе романа лежит весьма примитивная и давно известная концепция: славная гвардия старых большевиков во главе с Лениным совершила Октябрьскую революцию и повела Россию по правильному пути, но великий вождь пролетариата умер, и на смену ему

пришел злодей Сталин. Он-то и натворил бед, отступив от ленинских заветов.

Однако эта схема не нашла убедительного воплощения в образах романа. Видимо, существует непреложный закон искусства (если, конечно, у писателя есть искра таланта и речь идет не о низкопробных поделках типа "Кавалера Золотой звезды"): ложная концепция опрокидывается под напором реального жизненного материала. И невольно автор опровергает сам себя.

В дальнейшем не раз будут возникать вопросы: ведал ли Рыбаков, что творил, именно так рисуя своих героев? Разделяет ли их взгляды или спорит с ними? Точно ответить на эти вопросы, думается, невозможно, так как у автора либо нет четкой позиции, либо он ее старательно прячет, лавируя и приспособливаясь к цензурным условиям. Нам будет порой казаться, что писатель порой симпатизирует персонажам, исповедующим диаметрально противоположные взгляды и действующим на основе разных моральных принципов. Поэтому в дальнейшем речь пойдет лишь о том, что изображено в романе, независимо от намерений автора и, быть может, вопреки им.

Учитывая исходную концепцию Рыбакова, посмотрим сначала, как рисуются старые большевики, уничтожение которых якобы привело страну к катастрофе.

Образы их представляются наиболее бледными и невыразительными.

Центральное место среди партийцев ленинской школы занимает Киров. Он и демократ до мозга костей, и прекрасный руководитель, он и честен, и бескорыстен, и умен, и интеллигентен, и... и... Благодаря своим достоинствам, Киров — любимец партии. И именно поэтому его ненавидит Сталин и в первую очередь

хочет убрать с дороги. Через весь роман проходит внутренний конфликт Сталин-Киров, и мы видим, как постепенно стягивается петля на горле неугодного вождю соратника.

Но как ни пытается писатель сделать Кирова "голубым героем", ничего из этого не получается. Правда леет изо всех щелей! Будучи убежденным сторонником Сталина, Сергей Миронович готов идти на любые сделки с совестью, если того требуют интересы партии. Так, он поддерживает версию, будто до революции Сталин руководил большевиками в России. "Это не соответствовало истине, но способствовало сплочению партии вокруг нового руководства, и Киров эту версию принимал". И в другом случае: "...утверждение о том, что Сталин-преемник Ленина, было необходимо партии, он, Киров, это утверждение принимал, на некоторые отступления от истины пришлось идти". В то же время Киров видел, что "Сталин перекраивает историю не только для возвеличения собственной личности, но и для оправдания своих прошлых, настоящих и будущих жестокостей". Более того, Киров понимал, что Сталин "плел закулисные интриги", "стравливал между собой руководителей партии, главным орудием сделал органы безопасности". И при этом наш кристальный большевик глубоко убежден, что "его (Сталина) методы неприемлемы, но линия правильная". Правильная, хотя генсек и "нагнетает обстановку террора, в то время как никакого повода для террора нет", ибо "хочет управлять с помощью страха". Но и эта преступная тактика прощается вождю, так как он "превратил Россию в могучую индустриальную державу. Выступить против Сталина - значит, выступить против страны и партии". Вот так. Ложь, нагнетание страха, террор - допустимы, если они служат главной цели. Быть может, моральный кодекс самого Рыбакова позволяет такого рода сделки с совестью?

Так или иначе, его "идеальный герой" предстает перед нами далеко не в розовом свете. К тому же Киров окован страхом, как и все простые смертные. Убедившись в силе Сталина, он приходит к выводу: "выступить против Сталина

нельзя", "изменить что-либо уже невозможно".

Такими же аморальными, бессильными рабами партии и ее вождя рисуются и другие старые большевики. Среди них выделяется Будягин. "Он обладал высшим мужеством революционера, - восхищается автор - брал на себя ответственность за судьбы людей, ввергнутых в горнило социальных потрясений. Падали рядом люди, виноватые, невиновные, но он верил, что прокладывает путь новому поколению, истинная революция велика не тем, что разрушает, а тем КОГО создает". Так этот "положительный герой" строил храм будущего на крови, веря, что созидает новое, здоровое общество. Но вот настала и его очередь, и над ним теперь висит дамоклов меч. Как и другие, Будягин бессилен перед Сталиным и его клевретами. И хотя он единственный, кто решается вступить в спор с вождем, страх делает ничтожным и этого старого большевика. Не только Кирова, но и случайно попавшего в мясорубку Сашу Панкратова защитить Будягин не решается.

Не защищают невинных и другие верные сыны ленинской гвардии. Среди них заместитель Ягоды Березин. Автор так его характеризует: "Березин исповедовал дух революции, работу в Чека считал своим революционным долгом. Будучи в годы гражданской войны председателем Губчека, он осуществлял красный террор, но и мог отпустить на все четыре стороны незадачливого либерала или перетрусившего буржуя, если видел, что они для революции не опасны". Вот какой был добрый чекист! Теперь же, занимая высокий пост все по тому же ведомству, он чувствует, что дни его сочтены, и попросту празднует труса.

В руках Березина явно сfabрикованное дело комсомольца Панкратова. Опытный профессионал понимает, что дело дутое. Но понимает и другое: оно вплетено в какую-то сложную сеть интриг, которые затевают на самом верху. И лучше в это не соваться. Догадывается Березин и о том, что против Кирова замышляется нечто недоброе. Но воин "из фаланги старых большевиков", "он, Березин, не может выступить открыто, одно его неосторожное слово - и он будет уничтожен". Где уж тут спасать

других, лишь бы самому как-то уцелеть! И такого человека автор называет "честным, мужественным чекистом"! Помилуйте, какой же честный человек стал бы служить в учреждении, где запросто уничтожаются ни в чем не повинные люди? И какой мужественный человек принимал бы произвол как нечто должное и молчал бы трусливо?

Таков же и другой ветеран партии—председатель Центральной контрольной комиссии Сольц. Саша приходит к нему в поисках справедливости и случайно становится свидетелем такой сцены: "чиновник подкладывал бумаги. А бумаги были судебные приговоры по делам осужденных членов партии... Сольц подписывал бумаги молча, наступивши, нижняя губа отвисла, лицо измученное, недовольное, казалось, он думает совсем о другом, еще более неприятном, чем сами приговоры, на основании которых осужденных исключали из партии". Понимая, что творится нечто чудовищное, Сольц безропотно ставит свою подпись. Правда, Саше он помог, но сотни подписанных им дел свидетельствуют, что и он — соучастник сталинских преступлений.

А вот еще один из той же когорты Алферов, близкий Кирову человек, которого тот хотел взять к себе в Ленинград, за что Сталин заслал Алферова в Сибирь в качестве простого райуполномоченного НКВД. Приведу лишь один штрих, характеризующий этого ленинца. Беседуя с Сашей и желая сделать его тайным агентом, он в порыве откровенности цинично заявляет: колхозники не умеют обращаться с современной техникой и ломают ее; их судят за вредительство, чтобы запугать и заставить работать осторожнее, добросовестней. Под страхом наказания только и можно исправить положение дел. "И другого выхода нет: спасем технику, спасем промышленность, спасем страну, ее будущее". Когда же Саша называет подобные методы аморальными, Алферов с гордостью говорит: "Я в партию вступил еще до революции, я старый большевик, Панкратов, и в политике партии, наверное, разбираюсь не хуже вас". Как видим, и этот ветеран проповедует все то же: цель оправдывает средства.

Быть может, наиболее живой и интересный персонаж из числа старых большевиков — Марк Рязанов, Сашин дядя. Сталин для него — непрекаемый авторитет, полубог. Противостоять ему — значит противостоять партии, стране, народу. Рязанов отказывается от наиболее близких ему людей — сестры и племянника, ибо убежден: раз Сашу арестовали, значит, были основания. Сестра бросает ему справедливый упрек: "Что осталось от ваших песен? Молитесь на своего, Сталина (...). И когда придет твой час, Марк, тогда ты вспомнишь Сашу, подумашь, но будет поздно. Ты не защитил невинного. Тебя тоже некому будет защитить". Пока что Рязанов еще на коне. Но ход событий убеждает в неизбежной его гибели. Впрочем, со страниц романа он исчезает как-то неожиданно, рассказ о нем обрывается, словно автор увлекся другими персонажами, а этого забыл.

Такова старая ленинская гвардия в "Детях Арбата". Что уж тут говорить о сталинской гвардии, которая захватывает командные посты! Она тоже действует по принципу: цель оправдывает средства. Разница лишь в том, что главной целью становится карьера, а порой и простое стремление уцелеть, когда кругом головы летят с плеч. Этим определяется поведение как малой сошки, вроде следователя Дьякова, начинающего чекиста Шарока, аспиранта Лозгачева, так и палачей покрупнее, вроде Ягоды, Жданова, Запорожца.

♦

Какой же предстает перед нами партия в целом? Рязанов размышляет. "Любое противодействие Сталину обречено на провал, партия не поддержит. *Сталин—олицетворение ее линии, ее политики*". Выделенные мною слова находят прямое подтверждение на страницах романа: сила Сталина — в поддержке партии. Это особенно ясно проявляется на XVII съезде — "съезде победителей" (а точнее — победителя!). Бесконечные овации, прославление "воождя мирового пролетариата", всеобщий восторг — такова атмосфера съезда, на котором присутствуют как старые, так и молодые большевики. Внутрипартийные распри закончились победой Сталина и его приспешников (Киров — в их числе). И победители, и побежден-

ные с восторгом приветствуют тирана, большинство из них - своего будущего убийцу.

Сталин прекрасно знает цену всем этим соратникам: те, кого он решит уничтожить, "будут признаваться в чем угодно. И никто не посмеет их защитить, и Киров не защитит". Да, таково покорное, слепое стадо. Любое преступление вождя оно будет встречать "бурными аплодисментами, переходящими в овацию".

Если б в России возможен был Нюрнбергский процесс, суду истории вместе со Сталиным должна бы подвергнуться и "партия - наш рулевой". И... предшественник Сталина - Ленин. Такова, в конце концов, внутренняя логика созданного Рыбаковым произведения - хотел он этого или нет.

Знаменитая формула "Сталин - это Ленин сегодня" получает в "Детях Арбата" убедительное подтверждение. О Ленине работолепно говорят и молятся на него многие персонажи. И немало найдем мы журнальных слов об Ильине, давно набивших осколину. Заметим, однако, что слова эти обычно встречаются в речах и внутренних монологах персонажей, а не в прямых высказываниях автора, которых в романе вообще почти нет. Вот, например, мысли Будягина: "Когда в итоге оказывалось, что Ленин был прав, а он всегда оказывался прав..."; "Вместо социалистической демократии, которой добивался Ленин, Сталин создал совсем другой режим..." Киров также противоставляет Ленина и Сталина: "Ленин тоже был руководителем партии и государства, но он считался с ядром, которое его окружало. Считался, несмотря на разногласия..." А Сталин - не считается.

Но это все - пустые слова. А вот Сталин, сравнивая себя со своим предшественником, цитирует Ленина, и цитаты эти звучат убийственно: "Может быть, Ленин принимал всерьез мысли о коллективном руководстве? - размышляет Иосиф Виссарионович. - Нет! Ленин понимал значение вождя. 'Советский социалистический централизм единолично и диктатуре нисколько не противоречит. (...) Волю класса иногда осуществляет диктатор, который иногда один более сделает и часто более необходим (...)' И

еще 'Договориться (...) до противоположения вообще диктатуры масс диктатуре вождей есть смехотворная нелепость и глупость'. Это Ленин понимал".

Как известно, Ленин сам был диктатором. Сталин только развел до чудовищных масштабов и реализовал на практике его идеи об единоличной власти вождя. В романе приводится всего лишь две цитаты, но они достаточно красноречивы и указывают на закономерность появления Сталина после Ленина и на преемственную связь между ними.

Намечается и еще одна существенная грань ленинской темы. Встретившись с подлостью, жестокостью, ложью, Саша Панкратов задумался: "А что такое нравственность? Ленин говорил: нравственность то, что в интересах пролетариата". Саша возражает: "Но пролетарии - люди, и пролетарская мораль - человеческая мораль. А оставлять детей в снегу бесчеловечно (речь идет о семьях раскулаченных. - М.Ш.) и, следовательно, безнравственно".

И хотя в другом месте Саша пытается оправдать ленинскую позицию ("Его слова об особой классовой нравственности были вызваны требованиями момента, революция - это война, а война жестокая"), хотя наивный юноша продолжает противопоставлять Ленина и Сталина ("То, что для Ленина было времененным, вызванным жестокой необходимостью, Сталин возвел в постоянное, вечное, возвел в догму"), очевидно главное: теорию классовой, то есть бесчеловечной морали провозгласил Ленин. И Сталин предстает в романе (все же, очевидно, вопреки замыслу автора) не как антипод Ленина, не как выродок, а как законное чадо партии и ее основателя.

*

В сущности, главный герой "Детей Арбата" именно Сталин. Критики это уже отмечали. Образ "великого вождя" проходит через все произведение и занимает в нем центральное место. И читателей там, видимо, особенно поразил именно этот персонаж. Вот отрывок из письма оттуда: "Текущая жизнь не радует... И только чтение дает отраду. Прочитали недавно "Детей Арбата" Рыбакова. В веках это не останется - писа-

тель он слабый. Но Сталин обрисован беспощадно метко. Наконец-то мы дожили до того, чтобы это прочесть!"

Правдивое изображение Сталина здесь никого уже не удивит. Художественная литература воздала ему по заслугам, не говоря о трудах историков. Достаточно вспомнить блестательные страницы романа А. И. Солженицына "В круге первом", где рисуется незабываемый образ стареющего тирана. Вспоминается и проникнутая сарказмом глава "Пиры Вальтасара" (роман Фазиля Искандера "Сандро из Чегема" напечатанный в США), и шесть стихотворений Александра Галича, составляющие целостную, философскую в своей основе поэму о Сталине. Но, пожалуй, в "Детях Арбата" кремлевский диктатор впервые выступает как центральный герой романа. И главное: роман этот опубликован в Советском Союзе, а не в свободном мире!

Рыбаков весьма простираенно излагает взгляды Сталина на власть, на собственную роль в истории, на народ, партию и ее отдельных представителей. Скорее всего, писатель угадал основные черты сталинского миропонимания, но живого человека, на мой взгляд, все же нарисовать не сумел. Многостраничные размышления вождя – это сплошная публицистика, художественный образ подменен схемой. Даже в тех редких случаях, когда Иосиф Виссарионович вспоминает детство, отца, любимую женщину, он весьма схематичен.

Но все же сталинские главы показались мне весьма интересными. Они базируются на серьезном изучении материала и содержат убийственную оценку идеологических и нравственных основ сталинской тирании.

Вот лишь немногие образцы внутренних монологов Сталина: "Партийный аппарат как инструмент власти должен внушать народу страх, но перед вождем этот аппарат должен сам трепетать. Имеет он такой аппарат? Нет, не имеет (...) Ему нужен другой аппарат, не рассуждающий, для которого есть только один закон – ЕГО воля (...). Старые кадры придется уничтожать. Среди них будут и заслуженные в прошлом люди – история простит это товарищу Сталину (...). История – великий режиссер. Она вовремя

увела Ленина и дала нового вождя, который поведет Россию по истинно социалистическому пути. Для этого потребуется еще не одна революция. Одну революцию, не менее значительную, чем Октябрьская, он уже совершил – ликвидировал индивидуальные сельские хозяйства, ликвидировал кулачество... При этом погибли миллионы людей – история ему это простит".

Детально прослеживая ход мыслей Сталина, писатель показывает, как в тридцать четвертом году закреплялись предпосылки Большого террора. Но обличает тирана, Рыбаков тем самым обличает и партию, во главе которой этот страшный человек мог стоять три десятилетия. Ведь в основе приведенных выше его рассуждений лежит все тот же принцип, которым руководствовались и старые большевики: цель оправдывает средства. Восхождение Сталина на вершины власти кажется вполне закономерным. Его слова: "Честность, искренность, любовь – это не политические категории. В политике есть только одно: политический расчет", – совпадают с ленинским учением о классовой морали: нравственно то, что в интересах пролетариата.

*

Обличительная сила романа заключена естественно, не только в том, как изображены в нем Сталин и его партия. О том, какова она, партийная диктатура, свидетельствует и судьба верноподданного комсомольца Саши Панкратова.

Пожалуй, самый правдивый в романе образ матери Саши. В нем как бы воплощается горе матерей, чьи дети попали под сталинский топор. Сначала она испытывает лишь жгучий страх. Но постепенно эта женщина обретает второе дыхание и меняется на наших глазах. Хлопоты за сына без надежды на успех, чувство беззащитности перед тупой, непреодолимой силой, общение с такими же несчастными матерями, как и она – все это заставляет Софью Александровну задуматься о том, что творится вокруг. И постепенно рождается внутреннее сопротивление, появляется мужество и острое неприятие зла. Выше уже приводились ее гневные слова, которые она бросает в

лицо брату, отказавшемуся защитить попавшего в беду племянника.

Под влиянием виденного и пережитого меняется и Саша. В тюрьме во время следствия, на этапе, в сибирской ссылке новые страшные впечатления захлестывают его душу. Жизнь оказывается совсем не такой, какой рисовалась в газетах, в лекциях, на комсомольских собраниях. И преданный партии комсомолец, не утративший, однако, способности мыслить, начинает догадываться, что его прежние представления о жизни не только не соответствуют реальности, но и нравственны.

Автор робко, едва заметным пунктиром прочерчивает эволюцию своего героя и не доводит ее до конца. Тут-то особенно и бросаются в глаза нитки, торчащие из незавершенного "рукоделия". Хватит ли у Рыбакова смелости и таланта в следующем романе этот узор завершить, приведя Сашу к новому миропониманию? Сомнительно. Но не будем гадать. Пока что веки на Сашином пути расставлены так, что прозрение его представляется неизбежным.

Вначале перед нами – твердокаменный комсомольский вожак. Он верит в непогрешимость партии и не сомневается, что исключение его из института и последующий арест произошли из-за прискорбных чуждых советскому строю карьеристов. Все это "дико, нелепо", но "его дорога с партией".

В первые перелом в сознании Саши настремается после того, как тюремный библиотекарь, вопреки правилам, выдал ему, заключенному, запретную книгу. Хорошо поступил библиотекарь или плохо? Ведь он нарушил служебный долг! Но... "зато выполнил другой, более высокий долг-человеческий", – размышляет Саша. Законы, установленные людьми, не могут противоречить законам совести. Долг нарушают те, кто осуждает невинных". Неправедные суды – вот кто истинные враги, Саша же намерен выйти из тюрьмы "чистым и перед партией, и перед своей совестью".

Чем дальше, тем отчетливей закрепляются в его сознании такие понятия "надклассовой" морали как совесть, человечность, терпимость. Особенно поразила его встреча с сильными эсераами,

меньшевиками и прочими "врагами народа", оказавшимися попросту хорошими людьми. Саша прислушивается к их словам, жаждо впитывает новые для него слова ("быть добрым и милосердным", "без инакомыслия нет и мысли") и думает: "До чего же узок был его взгляд прежде".

В ссылке рождается и новое и вовсе не знакомое прежнему Панкратову мироощущение: "В тоске и отчаянии, стоя на заброшенном кладбище, он вдруг совершенно ясно ощутил незначительность собственных невзгод и страданий. Эта великая вечность укрепила веру в нечто более высокое, чем то, ради чего он жил до сих пор".

Потрясающее впечатление произвел на Сашу рассказ об ужасах раскулачивания: о детях, замерзших в тайге без крова и пищи, о жителях соседней деревни, настолько запуганных, что они побоялись этих детей приютить. Душа его содрогается при мысли о "России, выдернутой с родной земли, брошенной в таежный снег...". Вот тут-то и вступает Саша в спор с Лениным о сущности истинной морали.

Не знаю, случайно или нет, после того, как на Панкратова обрушился поток новых тягостных впечатлений, вторая часть романа завершается встречей Саши с ссылочным священником отцом Василием. Этот глубоко верующий человек проявляет такую удивительную широту души, такую доброту и самоотверженность, каких Саша никогда и не видывал. Главный долг человека отец Василий видит в том, чтобы "отдавать другому то, что у тебя есть". Нет, совсем не такими представлял себе убежденный атеист "служителей культа"!

Но он все еще далек от того, чтобы отказаться от старых догматов. Как заклинание, повторяет Саша слова о вере в партию, по-прежнему считает себя "советским человеком", хотя чудовищность системы обнажается перед ним на каждом шагу.

Думается, в этом представляется некая жизненная правда, а не художественный просчет или самоцензура. Разве не встречали мы таких же фанатиков, видевших и утверждавших, что плохо и то, и это, и пятое, и десятое, но не решав-

шихся на полное отрицание и обманывавших себя, чтобы заглушить голос разума и совести?!

Один из ссыльных точно формулирует смысл духовных метаний Панкратова: "... Из осколков своей веры вы пытаетесь слепить другой сосуд. Но не получится: осколки соединяются только в своей прежней форме. Или вернетесь к своей вере, или отвергнете ее навсегда".

*

История героя романа не завершена: осколки не слеплены, но и вера не отвергнута. Существенно, однако, что уже произошло: он счел доносительство аморальным (в пору, когда прославлялся "подвиг" Павлика Морозова!); помог

беглому ссылочному (поступок, недопустимый для комсомольца!). Он начинает ценить тех, кто умеет "страдать и терпеть", видя в этом высокую добродетель; а в конце романа приходит уж совсем к "идеалистическим" выводам: "... Даже в этих диких условиях утверждаются высшие человеческие ценности. Сострадание - одна из них".

Так, в "Детях Арбатах" партийной "морали" как старых большевиков, так и сталинистов, противостоит мораль общечеловеческая, которую на советской новоречи принято называть "абстрактным гуманизмом". На путь к постижению этой истинной морали становится и герой Рыбакова. Но каков итог его исканий - мы не знаем...

Правда и Истина

В. КВИТКО

Под этим названием в журнале "Наш современник" № 4, 1988, помещена статья литературоведа Вадима Кожинова, посвященная критике политической концепции романа Анатолия Рыбакова "Дети Арбата". В подходе Рыбакова к эпохе Сталина Кожинов видит "поверхность и прямую неискренность".

Критику романа Рыбакова, как и собственную историческую концепцию Кожинов основывает на своем понимании Правды и Истины. С этого он и начинает свою статью.

"Читая сегодняшние журналы и газеты, мы нередко оказываемся наблюдателями своего рода соревнования писателей, публицистов, критиков: каждый из них стремится высказать как можно более острую и полную 'правду'... И это невольно смущает душу: не слишком ли легкое занятие - 'говорить правду'? Выходит, вполне достаточно получить соответствующее 'разрешение', - и даже совершенно 'неопытный' в деле высказыва-

ния 'правды' литератор способен достичь в нем самых больших успехов..."

Далее он цитирует записанные в 1947 году размышления Михаила Пришвина: "Правда требует стойкости: за правду надо стоять или висеть на кресте, к истине человек движется. Правды надо держаться, - истину надо искать".

Сегодня же, продолжает Кожинов, "когда 'правду' способен высказать любой и каждый", она теряет "свою основную - этическую - ценность, становясь просто констатацией факта". Истина же "не может быть очевидной и однозначной", и для открытия ее "необходимы и трудные усилия познающего и размышляющего духа, и особенное мужество - уже не мужество поступка, но мужество мысли".

В поисках истины Кожинов стремится осмыслить правду фактов. Возможно, что ему это не всегда удается (а может, он не доказывает), но сам подход Кожинова заслуживает внимания, тем

более, что поиск истины он ощущает как общую задачу, как "участие в нашем общем стремлении к ней".

*

В своей статье Кожинов анализирует возникновение культа личности Сталина, сопоставляет чистку 1937-38 гг. с другими злодеяниями советской власти и показывает отношение советской интеллигентии к этим событиям.

Он считает, что культ Сталина был создан не самим Сталиным и не только его окружением. Кожинов приводит имена Анри Барбюса, Ромена Роллана, Лиона Фейхтвангера, Дорорес Ибаррури, которые по его мнению больше способствовали созданию культа, чем, например, Берия.

"Если бы мощная всемирная сила, — пишет Кожинов, — не сделала Сталина человекобогом, никакие его закулисные интриги не смогли бы, допустим, создать ситуацию 1937 года... Словом, 1937 год (как и феномен Сталина вообще) — это явление всемирной истории или, по меньшей мере, мирового революционного движения, а не результат интриг некой зловредной группировки".

Кожинов, привлекая с полным правом к ответственности "мировое революционное движение", подчеркивает примитивную концепцию Рыбакова, однако, вводя иноземный фактор, он уклоняется от оценки этого явления. Больше того, говоря о "всемирной истории" (кстати, знак равенства между ней и мировым революционным движением весьма неудачен), Кожинов упускает, как ни странно, сказать о весьма важном факте русской истории, об открытом и скрытом сопротивлении насилию, начавшемуся с Октября, сказать о нем как об отдельном явлении. Но, видимо, "движение к истине" еще не достигло этой грани возможного, и читателю приходится создавать себе самому впечатление из отрывочных картин, в которых Кожинов описывает истребление народа, в частности крестьянства.

Кожинов цитирует писателей и поэтов, злорадно описывающих расправы над кулаками и казаками. Он приводит страшное стихотворение Багрицкого, лихо

описывающего как продотряды изымали хлеб у мужика:

По оврагам и по скатам
Коган волком рышет,
Залезает носом в хаты,
Которые чище!
Глянет влево, глянет вправо,
Засопит сердито:
"Выграбай-ка из канавы
Спрятанное жито!"
Ну, а кто поднимет бучу —
Не шуми, братишка:
Усом в мусорную кучу,
Расстрелять и крышка,
Чернозем потек болотом
От крови и пота...

И дальше Кожинов пишет:

"То, что ныне оценивается как 'заблуждение', долгие годы было непрекращающейся 'правдой' для большинства писателей. Поэт Николай Ушаков еще в 1926 году писал о крестьянском, или, как он определил, 'кулачком' мятеже в Вятской губернии, где 'войско' бунтовщиков собралось на лесной вырубке, называющейся Попова сеча. С труднопонимаемым ныне упоминанием Николай Ушаков сообщал:

Но лишь трехдюмовки по деревням
градом прошились под вечер, —
кулачье войско
четыре дня
кrestилось в Поповой сече.

Тут в самом деле не может не поразить радостное удовлетворение автора, вызванное тем, что чугунный град шрапнели обрушивается на соломенные крыши деревень, обрушивается к тому же именно 'под вечер', когда семьи собирались под эти крыши (само-то 'кулачье войско' находится ведь среди леса...)!"

Писатели в двадцатых-тридцатых годах воспринимали кулаков "в виде неких чудовищ и считали вполне уместным палить из трехдюмовок по деревням". А потом утвердился "чисто функционально-прагматический подход к людям, не принадлежащим к интеллигенции". В крестьянине и рабочем усматривали "лишь силу, способную 'тянуть' колхоз и завод". Кожинов приходит к резкому заключению, что "интеллигент" с таким подходом уже не имеет права называться интеллигентом. "Он в действительности принадлежит к сообществу, которому Михаил Лобанов еще двадцать лет назад дал меткое определение — 'просвещенное мещанство'." В этом

Кожинов находит объяснение тому, что нынешних борцов за "правду" волнуют потери 1937-38 годов, а не более тяжкие потери предшествующих периодов:

"Неспособность мыслить о 'целом' и испытывать полноту ответственности перед этим целым как раз и приводит к сосредоточению всего внимания на тридцать седьмом году".

И большая заслуга Кожинова в том, что он уделил в своей статье столь большое внимание именно этим "предшествующим периодам", без чего подлинное осмысление советского периода нашей истории будет всегда ущербным, да и просто невозможным.

*

Кожинов совершенно справедливо считает, что главные волны террора прошли до 1937 года, и подтверждает свои высказывания убедительной и страшной статистикой:

"Население страны (взятое в ее послевоенных границах) составляло в начале 1914 года - 139,3 миллиона, осенью 1917 года - 147,6, а в середине 1922 года - 132,5 млн. человек... Таким образом в 1914-1917 годах население, несмотря на достаточно тяжелые потери в мировой войне, все же увеличилось на 8,3, а в 1918-1922 годах уменьшилось на 15,1 млн. человек (из которых примерно 2 млн. приходится на эмиграцию)".

Далее автор сообщает, что население страны на 1 января 1933 года составляло 165,7 млн. По переписи 1937 оно уменьшилось до 163,8 млн., а по расчетам Б. Урланица оно сократилось уже к апрелю 1933 года до 158 млн. человек.

Кто были эти миллионы - вполне ясно. Кожинов пишет о продразверстках, об уничтожении целых станиц, населенных пунктов, хуторов, укрывавших хоть одного противника советской власти, об искусственном голоде 1933 года... Не представители старого строя (по статистике уже упомянутого Б. Урланица их было всего лишь 4 миллиона; к тому же из них в большей своей части сформировалась двухмиллионная эмиграция), не кулаки, а трудовое крестьянство - вот кто стал жертвой большевиков.

Таким образом жертвы установлены, но кто же бросил Россию в руки палачей? Кто же санкционировал расправу? Отделяясь общими фразами о жестокости революций вообще, указанием на Ягоду, когда он еще не был ставленником Сталина, на Яковлева, который был непосредственно виновен в ужасах коллективизации, Кожинов прямо не называет главного виновника - Ленина.

Приходится прибегнуть к старому методу изучения советской литературы, а именно, чтению между строк.

Кожинов приводит слова Ленина, что "революцию следует сравнивать с актом родов, ... который превращает женщину в измученный, истерзанный, обезумевший от боли, окровавленный, полумертвый кусок мяса..." Дальше он дважды повторяет, что Ленин смог предвидеть эти ужасы "потому, что прекрасно знал историю предшествующих революций".

"Знал... Предвидел..." - разве в этом дело? Дело в том, что он, зная и предвидя, проводил революцию в жизнь, не считаясь с жертвами.

Последняя приведенная Кожиновым цитата Ленина - "Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно насилие опирающуюся власть" - делает понятным переход от ленинской "диктатуры пролетариата" к сталинской тирании.

В начале статьи Кожинов привел малоизвестные стихи Маяковского, написанные после пребывания на месте расстрела Царской семьи:

*"Спросите: руку твою противни -
Казнить или нет человечи дни?
Не встать мне на повороте.
Я сразу вскину две пятерни:
я голосую против..."*

*Мы повернули историю бег.
Старье навсегда провожайте.
Коммунист и человек
не может быть кровожаден.*

Это - явное противопоставление Маяковского Ленину, инициатору этой бесчеловечной экзекуции. Но это и противопоставление Ленину нравственных основ Правды, за которое ратует Кожинов, так как "безоглядное нравственное требова-

ние: не следует убивать людей, кто бы они ни были..."

Пользуясь ленинским сравнением, "роды" закончились не нормальным восстановлением народного организма, а тяжелой хронической болезнью, которая длится до сих пор.

Итак, правда, превратившаяся в "простую констатацию факта", это-дозволенная критика сталинского времени и упор на репрессии 1937-38 годов, а истина, познание которой требует "мужества мысли" - возглавленная Ленинским борьба с народом, в которой сталинский террор является только одним из этапов.

Миф о «русском» Сталине

В. КОЖИНОВ

Ниже мы публикуем отрывок из статьи В. Кожинова "Правда и Истина", в котором он разоблачает бытующий как на Западе, так и в умах некоторых наших соотечественников миф о "русском" Сталине. Одни видят в Сталине порождение нашей истории, другие - ее продолжателя. Западный знаток "исковой тяги" русской истории к тирании видят в Сталине нового Ивана Грозного или Петра I, а в русских умах подчас маятят национально-большевистский миф о Сталине - хранителе империи. Но миф о "национальном" Сталине страшнее и не в его западном варианте, как бы обиден он ни был подчас для наших национальных чувств. Он страшен тем, что порождает в нас национальную маниловщину, которая, предпочитая духовную пассивность золевому переосмыслению нашего исторического бытия, начинает желаемое видеть в явлениях, которые при приветственном и историческом подходе нельзя не оценивать как принципиально антирусские, антинациональные. Сталин был лишь очередным зодчим системы, порожденной Октябрьем и Лениным, которая совершенно сознательно порвала свою связь с духовной преемственностью нашей истории. Попытки восстановить эту преемственность "национальными" мифами - а их разновидности существуют и сегодня - ведут лишь к туманным мечтаниям и сталкивают на зыбкую почву полуправды.

Теперь, когда русское национальное самосознание пробуждается, когда оно может стать общественной силой, его надо всячески оберегать от старых и новых мифов. И о них тоже надо говорить. В. Кожинов к этим вопросам подошел по-своему, но он внес вклад в необходимое обсуждение этих проблем.

"Концепция", о которой идет речь, не выступает со всей очевидностью, но играет определяющую роль в романе А. Рыбакова. Наиболее ясно она раскрывается в проходящем через роман противопоставлении "европейского" и "азиатского" начал.

Тема эта чаще всего присутствует во внутренних монологах Сталина, который ставит вопрос так: Ленин "думал управлять Россией европейскими методами, а в НЕМ, Сталине, видел азиата". Или в другом месте романа Сталин думает о Кирове: "Он ориентирован не на Восток, а на Запад - он и это перенял у петербургских, ведь они считают себя европейцами". Но и в авторском тексте Сталин назван, например, "неумолимым азиатским богом".

В наше время, надо сказать, странно звучит уже противопоставление Европы и Азии, которое еще имело какие-то основания в прошлом. Ведь именно Европа создала в XX веке фашистские дикта-

туры в Германии, Италии, Испании, Португалии. Или, может быть, Рыбаков полагает, что эти явления были также экспортированы в Европу из Азии?

Но истолкование самого явления Сталина как "азиатского" - это только внешний слой смысла романа. В более осторожной, непрямой форме роман навязывает мысль, что Сталин - это, так сказать, специфически русское явление. До того, как Сталин утвердил свой культ, страной, мол, правили люди "европейского" склада, и все было хорошо. А Сталин-де перевел страну на "русский" путь, и все стало плохо. Эта "идея" высказывается в романе, повторяя, не со всей определенностью и отчетливостью, но зато при каждом удобном случае, пронизывая все повествование. Сталин в романе постоянно рассуждает о русской истории, о Москве, о своеобразии духа народа и т. п.

Итак, Сталин повернул на "русский" путь (вместо "европейского") -

отсюда и проистекает чудовищное насилие, ведущее к неисчислимым жертвам. В этой связи в романе возникают имена Ивана Грозного и Петра Первого, которые, так сказать, послужили "образцами" для Сталина - естественно, специфически "русскими" образцами.

Что сказать по этому поводу? Прежде всего нетрудно разглядеть нелепый парадокс в самом обращении к фигуре Петра Первого: ведь Петр всецело ориентировался именно на Европу, и многие его ближайшие вдохновители и сподвижники были выходцами с Запада. Подавляющее большинство казненных при Петре - это 1182 бунтовщика-стрельца, а руководил их казнями шотландец генерал Патрик Гордон. Словом, едва ли допустимо видеть в Петре образец специфически "русского" (или "азиатского") деятеля.

Что же касается Ивана Грозного, то обилие казней при нем объясняется отнюдь не его "русскостью", а тем, что он правил в XVI веке. Современные историки А. А. Зимин и А. Л. Хорошевич справедливо говорят в своей книге "Россия временем Ивана Грозного" (1982): "Иван IV был сыном... жестокого века... Шведский король Эрик XIV запятали себя не меньшим количеством убийств, чем Грозный. Французский король Карл IX сам участвовал в беспощадной резне протестантов в Варфоломееву ночь 24 августа 1572 г., когда была уничтожена добрая половина родовитой французской знати. Испанский король Филипп II... с удовольствием присутствовал на бесконечных аутодафе на площадях Вальядолида... Цена, которую уплатила Россия за ликвидацию политической раздробленности, не превосходила жертв других народов Европы, положенных на алтаря централизации. Первые шаги абсолютной монархии в странах Европы сопровождались потоками крови подданных...".

Впрочем, определение "не превосходила" весьма неточно. Один из наиболее серьезных исследователей русской истории XVI - начала XVII века Р. Г. Скрынников доказал в своей книге "Иван Грозный" (1975), что при этом царе "было уничтожено около 3-4 тысяч человек"... Между тем, как давно установлено, в Англии в тот же век казнено

было при Генрихе VIII 72 тысячи, при Елизавете - свыше 89 тысяч человек; примерно столько же "инакомыслящих" было уничтожено их современниками испанскими королями Карлом V и Филиппом II.

Но, пожалуй, гораздо более важно другое. В России никогда не было "культы" Ивана Грозного. Правда, некоторые видные деятели ценили его, но это были (вот ведь неожиданность для "идеи" А. Рыбакова!) люди, настроенные как раз в "западническом", "европейском" духе: они - правда, едва ли основательно - видели в Иване Грозном прямого предшественника Петра Великого и потому считали нужным оправдывать или даже восхвалять его. Так, например, высокие оценки деятельности Ивана Грозного содержатся в сочинениях Чаадаева, Белинского, Герцена и т. д. Белинский так и писал об Иване IV: "Этот Петр Первый, не вовремя явившийся..." Иван Грозный не смог стать Петром, полагал Белинский, ибо для этого "были непреодолимые преграды, заключавшиеся сколько в отчуждении Руси от Европы, столько и в хаотичности состояния самой Европы" (это сопотнесение Ивана IV с Европой весьма многозначительно). Но, заключал уже в конце жизни, в 1847 году, Белинский, Иван Грозный "все-таки сделал свое дело... и для реформы Петра Великого уже многое было подготовлено".

Александр Герцен писал в своей знаменитой книге "О развитии революционных идей в России":

"Иван Грозный дерзнул призвать себе на помощь общинные учреждения; он внес поправки в свой судебник в духе старинных вольностей; он предоставил сбор податей и все местное управление выборным чиновникам... Он даже хотел уничтожить должность наместников в областях, предоставив последним самоуправление... Но... его замыслы встречали противодействие... Доведенный отчаянием до бешенства, полный ненависти и отвращения, Иван умножил казни... "Я не русский, я немец", - сказал он однажды своему ювелиру, иностранцу по происхождению".

Однако, как уже сказано, большинство русских мыслителей, историков, художников - особенно "славянофиль-

ского" склада - отнюдь не разделяло этого рода представления об Иване IV. Достаточно напомнить, что на воздвигнутом в 1862 памятнике "Тысячелетие России" среди ста девяти фигур выдающихся русских деятелей Ивана Грозного нет!

В отличие от Англии, где высоко вознесены личности Генриха VIII и Елизаветы, и Испании, благоговейно чтящей память Карла V, отправившего на казнь десятки тысяч людей, в России хвалы по адресу Ивана IV всегда были чем-то сомнительны.

Вот почему нелепо и, прямо скажу, недобросовестно пытаться истолковывать жестокость Ивана Грозного как нечто характерно "русское".

Наконец необходимо обратить внимание еще на одну очень существенную сторону дела. Чтобы найти хоть каких-нибудь "предшественников" Сталина в России, приходится, как видим, углубляться на три или даже четыре с лишним столетия назад. И это вполне закономерно, ибо в течение XVIII-XIX столетий Россия, в сравнении с Западной Европой, была поистине уникальной страной: за 175 лет в ней по политическим обвинениям было казнено всего лишь 56 человек (6 пугачевцев, 5 декабристов, 31 террорист времени Александра II и 14 террористов времени Александра III). За это же время в Западной Европе было совершено много десятков тысяч политических казней (так, всего за пять дней июня 1848 года в Париже было расстреляно 11 тысяч человек - о чём, между прочим, с ужасом писал свидетель событий Герцен, - а за несколько дней мая 1871 года - более 30 тысяч человек).

Ничего подобного в России не было. В высшей степени характерный факт: в донесении генерал-адъютанта Голенищева-Кутузова Николаю I о казни пяти декабристов сообщалось, что "по неопытности наших палачей и неумению устраивать виселицы, при первом разе трое, а именно: Рылеев, Каховский и Муравьев сорвались." Между тем в это время в любом крупном городе Западной Европы обязательно имелся квалифицированный профессиональный палач.

Единственный период, когда политических казней было много, хотя все же

гораздо меньше, чем в Европе, - это эпоха революции 1905-1907 годов, в отчасти и последующих лет, 1908-1910 (поскольку продолжались и революционные действия, и судебное следствие по делу ранее арестованных). В имеющейся статистике казней преступления разделены на следующие категории: государственные; убийства; разбой; ограбления; различные воинские и т. п. Будем считать (как обычно и делается), что под понятия "убийства", "разбой" и т.д. (а к этим категориям отнесена большая часть осужденных на казнь) суды подводили и собственно политические преступления. Но даже и при этом допущении за 1905-1910 годы (то есть за шесть лет) был казнен 3151 человек, - следовательно, в 10 раз меньше, чем в мае 1871 года в Париже...

Нельзя не заметить, что в романе "Дети Арбата" есть сцена, как бы прямо опровергающая "русское" происхождение сталинского террора. Автору в данной сцене хотелось высказать иную мысль, и он волей-неволей сообщил нечто открыто противоречащее основной "настроенності" своего романа.

Марк Рязанов говорит своей возмущенной сестре, матери отправленного в ссылку Саши Панкратова:

"- Будем прямо говорить, в наше время пустяк - три года ссылки... ведь расстреливают..."

Сестра отвечает Рязанову:

"- Вот как... не расстреляли... за стишки в стенгазете не расстреляли. Дали за стишки в стенгазете всего три года ссылки в Сибирь - спасибо! Три года, чего там, пустяк! Ведь и Иосифу Виссарионовичу Сталину больше трех лет ссылки не давали, а он вооруженные восстания устраивал, забастовки, демонстрации, подпольные газеты выпускал, нелегально за границу ездил, и все равно - три года, он бежал из ссылки, и его водворяли обратно на те же три года. А побеги сейчас Саша, ему, в лучшем случае, дадут десять лет лагерей..."

Эта верная информация как бы неопровергнула свидетельствует, что Сталину нечemu было "научиться" в России... И утверждение "русского" происхождения жестокости Сталина всецело беспочвенно.

Сговор двух диктаторов

Б. П.

1 сентября 1989 года исполнится 50 лет со дня начала Второй мировой войны. В нашей стране эту трагическую дату предпочитают не помнить. 1 сентября у нас проводится День мира. Это, в сущности, понятно — тягостно вспоминать о злых и постыдных ошибках, больно думать о собственных преступлениях.

В трудах наших историков вы не найдете ответ на вопрос, как получилось, что Англия и Франция, окончившие мировую войну нашими верными союзниками, были нашими врагами в первую треть войны (два года из шести — 33% военного времени)? Как получилось, что нашими союзниками стали те самые капиталистические демократии, к войне с которыми мы готовились, начиная с 1927 года? Что означал пакт о ненападении между СССР и Германией, ставший фактически сигналом к развязыванию мировой войны? (...)

Политика гласности очень медленно пробивает себе дорогу к закрытым государственным архивам. Слишком долго угроза войны использовалась как оправдание диктатуры, как мотив насилиственной преступной коллективизации и индустриализации, чтобы ожидать скорого ответа на эти вопросы от официальной исторической науки. (Недавняя публикация генерала Волкогонова о Сталине — не более как полуправда, отвлекающая внимание. Похоже, историк хочет больше скрыть, чем обнаружить.)

Несмотря на полную закрытость советских архивов, подоплека сталинской внешней политики давно уже вышла на свет. (Видимо, архивы, как и рукописи, не горят.) Еще в 1948 году Государственный департамент США опубликовал трофеиные документы германского МИДа, раскрывающие роль правительства СССР в подготовке и развязывании Второй мировой войны ("Das Nationalsozialistische Deutschland und die Sowjetunion, 1939-1941". *Akten aus dem Archiv des Deu-*

tschen Auswärtigen Amts, Department of State, 1948).

В 1983 году издательство "Телекс" подготовило на основании этого издания двухтомник, документально освещавший цели и содержание советской политики этих лет.

*

По мере знакомства с документами начинаешь понимать, что союз двух диктатур, в равной степени ориентированных на покорение и переустройство мира, был предопределен и почти неизбежен. Что за беда, что большевики стремились перестроить мир на началах мирового коммунизма, а фашизм исповедовал "единственно научную" расовую теорию? Важным было (и остается) то, что обе партии верили в историческую правомерность насилия, в непременное торжество идей переделки жизни, а значит верили в войну как в самый простой и единственно верный путь к мировому торжеству.

Фундаментальную общность интересов превосходно сформулировал министр иностранных дел фон Риббентроп в инструкциях для переговоров с Молотовым: "Имперское правительство и советское правительство должны на основании всего своего опыта считаться с тем фактом, что капиталистические демократии являются неумолимыми врагами как национал-социалистической Германии, так и Советского Союза" (телеграмма от 14 августа 1939 года, том. 1, стр. 31).

Деловое, ясное предложение Риббентропа весьма по сердцу пришлося тогдашнему советскому руководству. Ведь именно под знаменем противостояния капиталистическим демократиям оно за 10 лет до этого, в пору великого перелома, уже установило новый порядок на своей земле. Возможность организовать "совместный антибуржуазный фронт"

задним числом оправдывала и освещала политику коллективизации и индустриализации. К тому же такой союз открывал самый простой и короткий путь к исполнению давнишнего марксистско-ленинского предсказания о крушении капиталистического мира, о непрочности буржуазно-демократической культуры. Как же было не откликнуться, как удержаться от соблазна разделить сферы господства в Европе?

Опьяниенные догадкой, что судьбы мира решаются так же легко и просто, как и судьбы наций и классов в собственных странах, Сталин и Гитлер в короткие летние месяцы 1939 года с рекордной быстротой подготавливают пригодные для обоих контуры передела мира. Германия получает Польшу, Францию, Британию, их африканские колонии. СССР - Прибалтику (Эстонию, Литву, Латвию, Финляндию), восточные провинции Польши (Западную Украину и Западную Белоруссию), Бессарабию и право "расширяться на юг" - в сторону Персидского залива, через Иран, Афghanistan и Турцию. В условия сделки входит и то, что Германия (в обмен на содействие России в устройстве европейских дел) употребит свое влияние на Японию, чтобы увлечь ее на юг и юго-запад - туда, где ее интересы не будут сталкиваться с интересами СССР. Вот такой складный сценарий Борьбы за мир во всем мире.

*

Воображение поражает стремительность выработки соглашения. Только 3 мая был смешен М. Литвинов с поста наркома иностранных дел и этот пост передан В. М. Молотову в дополнение к должности председателя Совнаркома, а всего через три месяца уже согласован визит Риббентропа в Москву для подписания знаменитого Пакта о ненападении.

И уже 23 августа 1939 года в секретном дополнительном протоколе СССР и Германия деловито обговаривают территориальное устройство Новой Европы:

"1. В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих прибалтийским государ-

ствам (Финляндии, Эстонии, Латвии и Литве), северная граница Литвы будет являться чертой, разделяющей сферы влияния Германии и СССР..."

2. В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих Польскому государству, сферы влияния Германии и СССР будут разграничены приблизительно по линии рек Нарев, Висла и Сан.

Вопрос о том, желательно ли в интересах обеих сторон сохранение независимости Польского государства, и о границах такого государства будет окончательно решен лишь ходом будущих политических событий.

В любом случае оба правительства решат этот вопрос путем дружеского согласия.

3. Касательно юго-восточной Европы советская сторона указала на свою заинтересованность в Бессарабии. Германская сторона ясно заявила о полной политической независимости в этих территориях.

4. Данный протокол рассматривается обеими сторонами как строго секретный. Москва, 23 августа, 1939 г." (т. 1, стр. 62-64).

Реальные мотивы этой грубой циничной политики силы раскрываются из записей беседы между Сталиным и Риббентропом, состоявшейся в Кремле в ночь с 23 на 24 августа:

"Британская армия слаба, британский флот больше не заслуживает своей репутации... Если Англия все еще господствует в мире, то это происходит благодаря глупости других стран, которые всегда давали себя обманывать" (Сталин).

"В то время как Германия добавляет в свое распоряжение по 300 000 солдат при ежегодных наборах, Франция может набирать ежегодно только по 150 000 рекрутов... Если Франция попытается воевать с Германией, она определенно будет побеждена" (Риббентроп). (Хороший урок на все времена для всех сторонников одностороннего разоружения.)

Беседа проходила в теплой и дружественной обстановке. Риббентроп польстил Сталину, передав ему "остроумную шутку берлинцев": "Сталин еще

присоединится к антикоминтерновскому пакту". "Господин Сталин вставил, что антикоминтерновский пакт испугал, главным образом, лондонское Сити и мелких еврейских торговцев". В конце воодушевившийся "г-н Сталин" неожиданно предложил тост за фюрера: "Я знаю, как сильно германская нация любит своего вождя и поэтому мне хочется выпить за его здоровье" (т. 1, стр. 67-69).

Торопивший начало войны Гитлер уже на следующий день после этой веселой пирушки писал Муссолини: "Могу сказать вам, дуче, что благодаря этим соглашениям гарантируется благожелательное отношение России на случай любого конфликта..." (т. 1, стр. 71). Муссолини одобрил сделку. В тот же день, 25 августа, он отвечал: "Сближение между Германией и Россией необходимо для предотвращения окружения их демократиями" (т. 1, стр. 72).

Три диктатора - Сталин, Гитлер и Муссолини - отлично понимали значение заключенного союза. Это был первый шаг к новой мировой войне. 31 августа 1939 года Германский рейхstag и Верховный Совет СССР ратифицировали советско-германский Договор о ненападении. И уже 1 сентября 1939 года германские войска напали на Польшу.

Новая страница мировой истории была перевернута. 4 сентября Риббентроп, предвосхищая события, пишет Молотову о том, что разгром Польши завершится в ближайшие дни и что пора СССР вводить войска в дело. "По нашим соображениям, это не только помогло бы нам, но также, в соответствии с московскими соглашениями, было бы в советских интересах" (т. 1, стр. 81). 9 сентября Молотов отвечает Шулленбургу, послу Германии в Москве, что "советские военные действия начнутся в течение ближайших нескольких дней" (т. 1, стр. 86). К этому времени в Красную армию были мобилизованы более 3 000 000 человек "и делалось все возможное для ускорения событий" (т. 1, стр. 87).

Сделка была оправданной - Европа разваливалась. 17 сентября Сталин уве-

домил Шулленбурга, что "Красная армия пересечет советскую границу в 6 часов утра на всем протяжении от Полоцка до Каменец-Подольске" (т. 1, стр. 95). Действия союзных армий Германия-СССР координировали К. Ворошилов и военный атташе в посольстве в Москве, генерал-лейтенант Кёстринг.

*

Фактически уже занялось зарево Великой отечественной войны, хотя до скорбного и покаянного обращения: "Дорогие братья и сестры" - было еще почти два года. Пока что в эфире гудели победные марши и перечень оккупированных польских городов. "Правда" печатала бравурные тассовки (с 20 сентября 1939):

"Германское население единодушно приветствует решение советского правительства взять под защиту родственное советскому народу белорусское и украинское население Польши, оставленное на произвол судьбы бежавшим польским правительством. Берлин в эти дни принял особенно оживленный вид. На улицах... где вывешены карты Польши, весь день толкуются люди... Продвижение Красной армии обозначается красными советскими флагами".

Сталин запрашивал фюрера, не возражает ли он, если "Советский Союз немедленно возьмется за решение проблемы прибалтийских государств в соответствии с протоколом 23 августа и ожидает в этом деле полную поддержку со стороны германского правительства" (т. 1, стр. 106).

В газетах печатались сводки с театра военных действий: "Операция по очищению территории Западной Белоруссии и Западной Украины от остатков польских войск продолжается" (т. 1, стр. 107). Начало новой исторической эпохи было праздничным и ярким. Высокие дипломатические и военные чины то и дело сновали между двумя столицами нового мира - между Берлином и Москвой.

28 сентября Молотов и Риббентроп подписывают в Москве Договор о дружбе и границе между СССР и Германией. "Правительство СССР и германское пра-

вительство после распада бывшего Польского государства рассматривают исключительно как свою задачу восстановить мир и порядок на этой территории, обеспечить народам, живущим там, мирное существование, соответствующее их национальным особенностям... Правительство СССР и германское правительство рассматривают (государственное) переустройство оккупированных территорий. – Б. П.) как надежный фундамент для дальнейшего развития дружественных отношений между своими народами" (т. 1, стр. 107-108). Секретный дополнительный протокол фиксировал:

"Обе стороны не будут допускать на своих территориях никакой польской агитации, затрагивающей территорию другой стороны. Они будут подавлять на своих территориях все источники подобной агитации и информировать друг друга о мерах, принимаемых с этой целью" (т. 1, стр. 110).

В заявлении, опубликованном после этих переговоров, доблестные союзники оповещали "империалистические правительства" Франции и Англии, что, если они не откажутся от выполнения своих союзнических обязательств перед уже уничтоженной Польшей, то "таким образом будет установлен факт, что Англия и Франция несут ответственность за продолжение войны, причем в случае продолжения войны правительства Германии и СССР будут консультироваться друг с другом о необходимых мерах" (т. 1, стр. 112).

Вполне освоивший диалектику В. Молотов разглагольствовал перед Верховным Советом 1 ноября 1939 года: "За последние несколько месяцев такие понятия, как "агрессия", "агрессор" получили новое конкретное содержание, приобрели новый смысл... Теперь... Германия... находится в положении государства, стремящегося к скорейшему окончанию войны и к миру, а Англия и Франция, вчера еще ратовавшие против агрессии, стоят за продолжение войны и против заключения мира. Роли, как видите, меняются". Не боясь ни критики, ни косого взгляда, Молотов обосновывал необходимость новой политики и ее успеха. Раз Польша не выдержала столкновения с двумя супердержавами

тогдашнего мира, значит ее существование было неоправданно. "Оказалось достаточно короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем Красной армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора" (т. 1, стр. 116). А раз так, раз эта победа была исторически оправданна, то не безумие ли со стороны Англии и Франции пытаться повернуть колесо истории вспять? Молотов насмехается над лозунгом борьбы с фашизмом. "Идеологию нельзя уничтожить силой, нельзя покончить с нею войной. Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну за уничтожение "гитлеризма", прикрываясь фальшивым флагом борьбы за демократию". И еще раз: "Новые советско-германские отношения построены на прочной базе взаимных интересов" (т. 1, стр. 117-119).

В полном согласии с этим выступил и Гитлер. В речи перед Рейхстагом 6 октября 1939 года он говорил: "Россия не видит никаких причин, препятствующих установлению тесного сотрудничества между нашими государствами. Различие в режимах не может мешать совместной активной борьбе за мир" (т. 2, стр. 13).

*

Сразу же после аннексии Польши Сталин приступил к решению финского вопроса. Была использована простая и грубая схема, которая затем еще не раз послужила нашим правительствам: в Венгрии в 1956 году, в Чехословакии в 1968 году, в Афганистане в 1978 году... 1 декабря 1939 года в Териоках из группы левых эмигрантов (шесть человек) было сформировано самозванное правительство, принявшее название "Народное правительство Финляндской демократической республики". Это правительство в тот же день обратилось к правительству СССР с просьбой о признании, и в тот же день было признано как единственное законное правительство Финляндской республики. Тут же и Красная армия начала наступление – 1 декабря 1939 года (т. 2, стр. 28). Можно быть уверенными, что если бы финны не проявили дос-

таточного упорства в сопротивлении, то все так бы и было, — как в Польше, как в государствах Прибалтики. Но этот кусок мира отчаянно воспротивился переустройству на новых началах. К тому же верный союзник и друг — Гитлер — начал требовать прекращения военных действий, так как Финляндия снабжала Германию никелевой рудой и древесиной. Поэтому через три месяца неудачных кровопролитнейших боев было решено войну прекратить. "Народное правительство" выскажалось за мир — "в целях прекращения кровопролития и облегчения положения финского народа... В связи с этим встал вопрос о самороспуске Народного правительства, что и было осуществлено" (из речи Молотова на заседании Верховного Совета 29 марта 1940 года, т. 2, стр. 41).

*

Любопытной характеристикой "ответственности" и "прозорливости" политики Сталина служат тексты сельскохозяйственных соглашений между СССР и Германией. Сталин готовился к активному участию в переустройстве мира и поэтому спешил за счет Германии укрепить военную промышленность новыми станками и оборудованием. Платил сырьем, которого так не хватало Германии, уже начавшей войну и поэтому лишившейся традиционного подвоза. Платил также услугами по закупке для Германии товаров в третьих странах (например, в США, которые перестали торговаться с Германией после начала войны) и отгрузке их "другу и союзнику" через свои порты. За два первых года мировой войны СССР поставил Германии 1 млн. тонн зерна, 1 млн. тонн нефти, сотни тысяч тонн хлопка, руд, металломолома.

Председатель германской экономической делегации доктор Шнурре сообщил правительству: "Поскольку сам Сталин неоднократно обещал в этом вопросе щедрую помощь, можно ожидать, что Советский Союз сделает все возможное... Несомненно, что Советский Союз обещал куда больше поставок, чем это могло быть оправдано с чисто экономической точки зрения, и эти поставки Германии он должен произвести

частично в ущерб собственному снабжению... И если мы преуспеем в увеличении экспорта на Восток до требуемого объема, то эффект английской блокады будет существенно ослаблен за счет притока сырья с Востока в Германию" (...) (т. 2, стр. 38-39)

Итог двух лет активной, реальной политики, направленной на переустройство мира, известен. Сталин помог Гитлеру установить фашистские режимы и вовлечь в войну все страны Центральной Европы: Румынию, Венгрию, Болгарию. Фактически он делал за 10 лет все, чтобы подвести мир к войне, а затем чуть не проиграть ее. Мы выстояли не благодаря "колхозному строю и партийному руководству", а вопреки такому руководству и такому строю. Именно поэтому до сих пор так непроницаемы наши государственные архивы, так строг режим секретности. Ведь обязательным тайным мотивом и обещанием любой диктатуры — платой за несвободу — является эффективность политики. (...)

Эта статья перепечатана нами из независимого журнала "Референдум" № 13-14 (Москва). Публикуется с небольшими сокращениями.

ТОРГОВЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ИЗДАТЕЛЬСТВА "ПОСЕВ"

АВСТРАЛИЯ. S. Seson, Unification Bookstore, 43 Croydon Rd., Surrey Hills, Vic. 3127.

АНГЛИЯ. B. Miller, 83 Baring Road, London SE12 0JS.

БЕЛЬГИЯ. B.P. 1094-Bruxelles-Brussel 1.

БРАЗИЛИЯ. I. Alexandrow, Av. Lavandisca 648, Indianapolis, São Paulo.

ВОНЕСУЭЛА. Artesania Kazbek S. R. L. Apartado 76184 El Marques Zona Postal 1070A, Caracas.

ИЗРАИЛЬ. M. Nudelmann, Russian Books, Merkaz Haagev, Beer-Sheva.

ИТАЛИЯ. N. Timofejeff, Cassela Postale 630, Roma-Centro.

США. M. Iwanow, P. O. Box 1844, San Francisco, CA 94101. S. Golubov, P. O. Box 139, R. D. 4, Jackson, N. J. 08527. Tel: 201-928-2125.

"Possev" Representative, P. O. Box 695, Pacific Palisades, CA 90272.

G. Valk, 501 Fifth Avenue, Suite 1612, New York, N.Y. 10017.

A. Rotivov, 4523 Maple Avenue, Bethesda, MD 20814 (Washington).

ФРАНЦИЯ. "Possev", 125 bis, rue Blomet, 75015 Paris. Tel: 42 50 62 06.

ШВЕЙЦАРИЯ. G. Bruderer, Könizstr. 263, CH-3097 Liebefeld/BE

ШВЕДИЯ. Tidskriften "Possev", Box 4059, 15104 Söderläje.

ЯПОНИЯ. Mr. Terumasa Takahashi, Saruwatari Usa-shi, Oitaiken.

На службе России

Роман РЕДЛИХ

Аркадий Петрович Столыпин – один из старейших членов НТС, сын убитого террористом Богровым в 1911 году премьер-министра Российской империи Петра Аркадьевича Столыпина, вступил в НТС (тогда Национальный Союз Нового Поколения) в эмиграции во Франции в 1935 году. С тех пор жизнь тогда тридцатидвухлетнего молодого эмигранта прошла на службе России в рядах Союза.

*

"Книга 'На службе России', – пишет о ней издательство, – мемуарные очерки о жизни эмиграции, о России, об интересных людях, общественных и политических деятелях". Это верно, но этим слишком мало сказано. Книга Столыпина больше чем "Мемуарные очерки". В ней собрано множество фактов; к ней даны документальные приложения. Это по сути дела краткая история НТС, как ее видит автор. Он пишет в ней не о себе, а об организации, от возникновения, еще в 1920-х годах, первых самодеятельных объединений эмигрантской молодежи до теперешнего Народно-Трудового Союза российских солидаристов. Рассказ идет не о личном жизненном пути Аркадия Петровича Столыпина, белого эмигранта, сохранившего верность России, а о том деле, которому он "со товарищи" посвятил свою жизнь.

*

Изложение делится на четыре части: *Часть первая – "Довоенные годы (1920-1940)"* – на шестидесяти небольших страницах описывает русскую эмиграцию в послевоенной Европе, ее настроения, ее чаяния, ее надежды и разочарования, ту социально-историческую среду, в которой росло и воспитывалось новое поколение российских изгнанников, ровесников ленинского комсомола двадцатых годов. Политические и боевые организа-

А. П. Столыпин, На службе России. Изд. "Посев", 1986.

ции старой эмиграции и отношение к ним этого нового поколения: Савинковская организация, Крестьянская Россия, Братство Русской правды, Российский Общевоинский Союз, Имперский Союз, Российский фашистский союз, евразийцы, младороссы, кружки молодежи, из которых образуется постепенно НСНП (Национальный Союз Нового Поколения), будущий НТС...

Глава 3 первой части книги Столыпина названа "Переход в наступление". К 1935 году (году вступления в НСНП А. П. Столыпина) "будущий НТС приобретает уже свои три специфические облика. Это 'Орден', поскольку члены его спаяны чувством братства и общим кодексом чести. Это 'Академия', поскольку в нем выраживаются разносторонние мысли. Это, наконец, 'Организация' – революционная организация нового типа".

Революционность ее не только теория. Члены Союза, рискуя жизнью, идут в Россию, на родину. В Польше организуется школа для подготовки и переброски кадров через свирепо охраняемую советскую границу. На страницах 40-43 читатель найдет описание этой переброски, найдет и имена участников тогдашней оперативной работы...

Зарубежные кадры разрабатывают в это время идеологию.

"В связи с разработкой и углублением идеологии Союза, – пишет Столыпин, – его название тогда же изменяется на Национально-Трудовой Союз Нового Поколения – НТСНП. Три первые буквы НТС – останутся; две последние (ведь и новое поколение-то, основавшее Союз, будет стареть) вскоре отпадут".

Пропаганда в иностранном мире повзрослевший, но занятый прежде всего собой и Россией, НТСНП уделяет мало времени и сил. Сам Столыпин, правда, в январе 1938 года выступает в Женеве с докладом и организует в Париже французское "Общество друзей национальной России". Общество устраивает собрания,

выпускает брошюры. Но Столыпин тем не менее пишет:

"Пропаганда в иностранном мире... Любимое и обычно малоэффективное занятие представителей старшего поколения и лиц, недавно прибывших из СССР. Правители западных государств прекрасно осведомлены, помимо всяких эмигрантских нравоучений, о положении в СССР".

С 1938 года в этом, кажется, мало что изменилось.

*

Часть вторая - "Война (1941-1945)". Семидесяти пяти страниц, конечно, мало, чтобы описать трагические военные годы, союз Сталина с Гитлером, нападение Германии на СССР, немецкое наступление почти до Москвы, миллионы военнопленных, десятки миллионов жителей оккупированных областей под властью национал-социалистической Германии...

Столыпин пишет:

"Еще за год до войны руководство НТС знало, что в правящих кругах "3-го Рейха" окончательно выбрана и утверждена политическая концепция по отношению к России... Захват европейских русских земель, физическое уничтожение непокорных, превращение всех остальных в покорных рабов, доставляющих немецкому хозяину обильную жатву. В таких условиях какой-либо сговор с Берлином был невозможен".

Отдел НТСНП в Германии был закрыт еще в 1938 году. Организация ушла в подполье. В подполье шла и вся работа НТС везде, где устанавливалась власть Гитлера. В подполье НТС оставался вплоть до последнего дня войны. Подполье шла переброска членов НТС в Россию, куда, впрочем, немецкое командование вообще не хотело пускать эмигрантов.

"Формально эмигрантам путь в Россию был закрыт - рассказывает Столыпин. - Запрет, однако, нарушался явочным порядком. Некоторые члены Союза попадают в Россию, по заданию руководства, в качестве переводчиков, следовательно легальным путем. Но огромное большинство идет на родину, как и до войны, по зеленой дорожке", идет тайными, запрещенными властью путями, в

опоре на тоже загнанных в подполье польских друзей и зачастую серьезно рискуя.

Иначе и быть не могло, ибо основополагающая позиция НТСНП, по меньшей мере эмоционально, была определена в докладе тогдашнего председателя организации Виктора Михайловича Байдалакова еще до начала войны 22 февраля 1939 года:

"И ничто не подсказало многим, что беспредметен, наивен и вреден этот спор: куда и с кем идти? Что, наконец, у русской совести может быть на это только один ответ: ни со Сталиным, ни с иноземными завоевателями, а со всем русским народом" (см. третье приложение на стр. 50).

Поставленный перед трагическим выбором между двумя злодеями, русский народ понапачалу не знал, что Гитлер такой же злодей, как и Сталин. На странице 67 своей книги Столыпин приводит цитату из тайного приказа Сталина от 16 июля 1941 года за номером 0019:

"На всех фронтах имеются многочисленные элементы, которые даже бегут навстречу противнику и при первом соприкосновении с ним бросают оружие... в то время как число стойких комиссаров и командиров не слишком велико".

Этих "элементов" в течение первых трех-четырех месяцев войны в немецких лагерях для военнопленных оказалось до трех миллионов человек. Большинство их погибло от голода, холода и тифа.

"Своей человеконенавистнической политикой Гитлер вывел Сталина из беды, - пишет Столыпин, - уже в октябре-ноябре 1941 года, раскусив немецкого освободителя, русские войска стали драться все более стойко и ожесточенно".

Деятельность НТС на подвластных Гитлеру территориях Столыпин метко определяет заголовком "НТС в Золотой Орде", начиная этот раздел вопросом: "Как быть Союзу?". Главное политическое решение - ни Гитлера, ни Сталина, нужна наша собственная русская сила - было принято без сомнений и споров. А как его реализовать?

В подвластной Сталину части нашей страны у НТС были лишь отдельные члены

организации, в силу военных событий потерявшие связи с центром и лишенные каких бы то ни было возможностей как-либо влиять на события. На подвластной Гитлеру территории, напротив, находились сотни молодых, деятельных и так или иначе связанных между собой и с руководством членов Союза, готовых отстраивать русскую силу, а главное - миллионы русских людей, из которых эта сила могла составиться. Создание "Третьей силы", российской организации, служащей русскому делу, стало главной задачей НТС в течение всех военных лет. Внешняя обстановка, казалось, не исключала возможности решить эту задачу.

От захвата власти национал-социалистами в январе 1933 года до начала второй мировой войны 1 сентября 1939 прошло неполных семь лет. За эти годы Гитлер сумел создать первоклассную армию, но не успел запугать и подчинить своей воле возглавлявших ее генералов. И в армии, и в государственном аппарате, не говоря уже об экономике и культуре, сохранилось немало немцев, глубоко озабоченных судьбой Германии. Столыпин очень удачно цитирует одного из них:

"Существовала группа людей, которая отвергала нереальные планы мании величия не только по военным, но и по моральным соображениям и боролась против них. После зимы 1941-42 года эта группа все больше выдвигалась на первый план и пыталась различными путями добиться изменения официальной восточной политики. Полковник граф Штауффенберг, покушавшийся впоследствии на Гитлера, называл группу Обществом борьбы против опасного для жизни идиотизма"**.

Это "Общество", а еще больше просто разумные немцы, не разделяющие безумных идей безумного фюрера, много помогли НТС в работе в двойном вражеском окружении, не препятствуя, а то и помогая его деятельности. Среди русских НТС пользуется успехом. В него вступают все новые и новые члены, уже не

дети эмиграции, а выросшая в советских условиях молодежь, да и не только молодежь. НТСНП перестает быть молодежной организацией и переименовывается просто в НТС.

В общении с этим пополнением разрабатывается идеология и основанные на ней элементы политической программы. Ее первый черновой набросок озаглавлен "Схема национально-трудового строя". Эта "Схема" не одобрена Советом НТС, который во время войны просто не собирался, но тем не менее тайно печатается и распространяется среди населения оккупированных немцами территорий и среди вывезенных на работу в Германию, а впоследствии и среди беженцев и частей так называемой Власовской армии. В основу идеологии НТС принимается в это время социально-политическое учение солидаризма. Никакие препятствия и трудности не могут остановить рост организации, в которой новые члены составляют чуть ли не большинство.

Что уже за первые два года войны НТС перестал быть организацией эмигрантской молодежи, стало окончательно ясно, когда гестапо начало систематические аресты известных ему членов Союза. Отдельных членов НТС, главным образом прорвавшихся на оккупированную территорию старых эмигрантов, арестовывали уже и раньше по обвинению в антифашистской агитации и в связях с партизанами. Но систематическая волна арестов началась только летом 1944 года, когда гестапо арестовало все известное ему руководство и свыше двухсот человек наиболее активных работников.

"Эти аресты, - комментирует в скобках Столыпин, - в третью годовщину начала войны, символичны. Они логично завершили нацистскую политику: война не против сталинского режима, а против России".

В книге Столыпина читатель найдет достаточно полный рассказ о генерале Власове, его попытке создания русской вооруженной силы и катастрофе Третьего Рейха. Признание Власова и его освободительного движения пришло слишком поздно, вместо осени 1941 года оно произошло лишь осенью 1944, когда война была уже проиграна. В главе 8,

* Свен Стенберг. Власов. Мельбурн: Изд. С Б О Н Р, 1974.

озаглавленной "Так кончилась война", автор описывает положение и надежды власовских частей, множества беженцев и "остарбайтеров", ту двенадцатимиллионную массу советских граждан, которой предстояла депатриация или так называемая "вторая эмиграция".

*

Часть третья книги "Сталинщина и ее конец" начинается с описания послевоенного хаоса, в котором подручные "доброго дяди Джо" (так именовали Сталина западные союзники) начали охоту за "изменниками родины", прожившими по три года и дольше без опеки КПСС.

Большинство советских граждан, в результате военных событий оказавшихся в Европе, не знало о содержании Ялтинского соглашения о принудительной депатриации. О ней узнали, лишь когда она началась. Толпы беженцев метались по всей Европе, зачастую без документов. Их называли "перемещенными лицами" и военные власти старались с помощью специальной организации ООН "УНРРА" разместить их по лагерям. В их числе оказались и члены НТС.

"Члены НТС бродят по опустошенной немецкой земле. Отыскивают друг друга. Разымают: кто выжил? кто погиб? кто снова сидит? кто на свободе?, как быть дальше?" - пишет Столыпин.

В 1945 году, в условиях, когда повсеместное восхваление Сталина, "отца народов" и "миротворца" еще властествует над умами победителей, Столыпин живет в Париже, где по его словам:

"образуется своего рода 'священный союз' лиц, широко известных в Зарубежье. Они принадлежат к различным политическим группировкам, но связаны общей непримиримостью к красному тоталитаризму... Центральное лицо этой группы - историк С. П. Мельгунов."

Группа стала выпускать ежемесячник "Свободный голос", в редакцию которого вошли народные социалисты Мельгунов и Херасков, богослов проф. Карташев, писательница Ариадна Тыркова, члены НТС Столыпин и Савич, причем Столыпин взял на себя рубрику о насилиственной депатриации.

Одновременно в организованном членом НТС Болдыревым лагере Менхегофф в американской зоне Германии стекаются члены НТС. Благодаря энергии Болдырева лагерь Менхегофф становится базой для многих акций по спасению людей от насилиственной депатриации и временным центром НТС.

В Менхегоффском лагере НТС приводит себя в порядок. Сформирована идеологическая комиссия, собирается первый послевоенный съезд Совета НТС, избираются руководящие органы, принимается выросшая из "Схемы" военного времени политическая "Программа НТС" и новый устав организации. Разгромленный было гитлеровским Гестапо НТС снова действует. В лагере Менхегофф создается издастельство "Посев", выходят первые номера журналов "Посев" и "Границ".

*

Столыпин, как и положено мемуаристу, добросовестно и последовательно осстанавливается на многих деталях истории организации, которой он посвятил свою жизнь. Пропуская их, отметим только, что несмотря на то, что большинство сумевших избежать принудительной депатриации эмигрантов устремилось за моря и океаны, подальше от Сталина, НТС уже в 1949 году создал оперативную группу в Берлине для работы с солдатами и офицерами Советской армии, а в 1950 году начала работать, - правда лишь очень маломощная, - радиостанция НТС "Свободная Россия". Несколько позже, в 1951 году была начата большая шаровая акция: в течение нескольких ближайших лет тысячи килограммов листовок улетели на них в страну. Обстановка развернувшейся тогда между США и СССР так называемой "холодной войны" сделала это возможным.

Мы уже говорили выше: книга Столыпина не столько его мемуары, сколько попытка набросать историю НТС на фоне исторических событий, в которых ему довелось принять участие. 1953 год - смерть Сталина. Восстание в Восточной Германии, бунты в советских концлагерях, беспорядки и восстания в Польше... 1956 год - разоблачение преступлений Сталина, освобождение миллионов эзлов,

революция в Венгрии и кровавая расправа с восставшими...

Надежды НТС этих лет - это надежды на освободительную революцию в России. Непримиримое противостояние двух сверхдержав, двух лагерей, двух блоков, двух миров - как хотите - подхлестывает гонку вооружений и все время угрожает взрывом. Революционный переворот в России представляется спасительным выходом как для российского народа, так и для всего мира.

Руководящие политики демократических государств смотрят, однако, иначе. Они не хотят навлекать на себя гнев "Кремля". Ни одному восстанию не оказывается нужной помощи. А при попытках включиться в революционные события в Берлине НТС наткнулся даже на прямое сопротивление союзных держав и мало что успел сделать за три дня беспорядков. О венгерской же революции Столыпин пишет:

"Волнения в Польше предвидели. Всенародный взрыв в Венгрии - нет. Упущены драгоценные часы. Но уже 25 октября (на второй день революции) Исполнительное бюро НТС обращается по телефону и телеграфу ко всем крупным отделам организаций... Специальные воззвания НТС к нашему народу, к нашей армии, к венгерскому народу. Круглосуточные передачи "Свободной России" по-русски и по-венгерски. Переброска соответствующей техники для выпуска печатных материалов в непосредственной близости от событий (часть листовок удалось издать уже на венгерской территории)".

И заканчивая главу о событиях в Венгрии:

"Венгерская революция была стыком двух периодов - сталинского и хрущевского. Сталинщина кончилась. А Хрущев своими действиями породил надежды, особенно в среде интеллигенции..."

*

Последняя, четвертая часть книги "Послесталинское время (1956-1980)", XX съезд КПСС, "борьба с культом", реабилитация многих живых и умерших заключенных и хрущевская оттепель положили начало так называемому "ленинскому мирному сосуществованию госу-

дарств с различным общественным строем". Хрущев ставил ультиматумы, запускал спутники, таскал ракеты на Кубу, а капиталисты мечтали о конвергенции, о создании некоего капсоциализма, гибрида из капитализма и социализма или по крайней мере социализма с человеческим лицом.

В этой обстановке начался сначала практический, а затем и теоретический пересмотр стратегической концепции НТС, итогом которого было внесение в последнюю редакцию "Программы НТС" (1974) формулировки, которую и приводит Столыпин:

"Смена режима может быть осуществлена - либо путем постоянной и повсеместной организованной борьбы за осуществление нарастающих требований народа, путем постепенного разрушения партийных монополий;

- либо путем захвата власти, с целью проведения радикальных изменений режима, группой людей, занимающих ключевые позиции в партийно-государственном аппарате или в армии;
- либо путем открытых столкновений народа с карательными органами власти, переходящих во всеобщее восстание;
- либо, что вероятнее всего, в результате взаимодействия этих путей".

Такая концепция естественно подсказывает ведение борьбы широким фронтом и коалицию с другими силами. Не мы одни стремимся к свободе России. Первым шагом в этом направлении был созданный в Гааге в апреле 1957 года "Конгресс за права и свободу в России", в котором приняли участие 80 делегатов из 16 стран российского рассеяния. В Гааге уже тогда было выработано 130 совершенно конкретных частичных требований, включая все гражданские права, за которые в следующем десятилетии начало борьбу правозащитное движение.

Шестидесятые и семидесятые годы - это годы становления освободительного движения в России, вернее, годы его первоначального выхода на поверхность, ибо выраженные в нем настроения и взгляды без сомнения существовали и раньше. Появляются рукописные журналы, развертывается самиздат. Характеризуя эти сдвиги, Столыпин цитирует одного из главных идеологов НТС В. Д. Поремского:

"При молекулярной системе мы привыкли к тому, что выработанную за границей в штабе доктрины или положения и рекомендации мы передавали стихии в Россию... Сейчас во главе угла стоит конкретная задача организации волевого фактора у нас на родине".

И в самом деле уже в первой половине шестидесятых годов центр тяжести борьбы НТС перемещается в Москву. Там, да и по всей стране, распространяется самиздат, в котором порой очень ясно звучат политические мотивы. Брежневский застой в экономическом развитии отнюдь не был застоеем в политике. Появляется множество инакомыслящих. Ширится борьба за экономические свободы, за гражданские права, за перестройку российской государственности...

Занимающие больше семидесяти страниц две последние главы своей книги ("Начало нового времени" и "Семидесятые годы") Столыпин посвящает хронике этой борьбы. Она продолжается и сейчас, вдохновляя деятельность множества теперь уже утвердившихся в нашем обществе "неформальных", вольных объединений и дискуссионных клубов. Из этой хроники напомним только начало, когда еще при Хрущеве, в 1963 году оппозиционная молодежь (будущие "отщепенцы") стали собираться и читать стихи в Москве у памятника Маяковского. Столыпин приводит цитату из написанной по этому поводу статьи "Кубарем с Парнаса" из

"Комсомольской правды" от 14 января 1964 г.

"Этот крик они непрочь были выдать за некую собственную политическую программу... В. Носов - в прошлом студент Института иностранных языков - презрительно сплевывал, когда при нем говорили о том, что нам свято. В. Буковский - в прошлом студент биологического факультета МГУ - разносил сплетни из антисоветской зарубежной прессы... Неудивительно, что таких "прогрессистов" используют всякие злобствующие отщепенцы. Так возник, отнюдь не как Афродита из пены морской, некий Ю. Галанков, вылезавший играть роль "теоретика". Сам он стихов не читал, подбивая на это легкомысленных дурачков, заболевших манией славы.

Галанков клеветал на наш народ, стравлялся духовно растлить неопытных...".

Опытный читатель, оглядываясь назад, невольно сравним этот отзыв с тем, что говориться в теперешних дискуссионных клубах.

Закончим обращенными к КПСС словами погибшего в мордовском концлагере члена НТС Юрия Галанкова в "Фениксе-1966": "Вы можете выиграть этот бой, но все равно вы проиграете эту войну. Войну за демократию и Россию. Войну, которая уже началась и в которой справедливость победит неотвратимо..."

● ПИСЬМА

Митинг в Красноярске

16 июня 1988 года в Красноярске состоялась политическая демонстрация-митинг, организованный клубом "Отечество". Проспект Мира был заполнен пешей и моторизованной милицией. Все близлежащие переулки были блокированы, по дворам домов укрывались целые подразделения милиционеров. Вокруг стояли набитые ими автобусы. Всюду - сотрудники ГБ в штатском и дружинники.

Еще до начала митинга группа гебистов грубо отобрала у демонстрантов

большинство транспарантов. Лидер клуба "Отечество", педагог Ельчанинов, по дороге к месту сбора был схвачен сотрудниками ГБ и посажен в КПЗ. Изобрали предлог - "уклонялся от военных сборов". Пустили в ход и другую ложь. Милиция, через мегафоны, начала "информировать" собравшихся, что митинг состоится в другом месте. Подгонялись автобусы, чтобы перевезти людей туда. Таким обманным путем часть демонстрантов была вывезена на остров Татышево. Видя такое скопление милиции, один из демонстрантов заметил: "С такой оперативностью и боеготовностью лучше бы защищали армян в Сумгаите!".

Подняв над колонной уцелевшие транспаранты - "ГУЛАГу - нет" и "Бюрократы - вон из КПСС" - люди двинулись к Оперному театру, где начался митинг. "Блюстители порядка" изо всех сил пытались его сорвать - свистели, кричали в мегафоны, требовали разойтись. Милиция активно помогала группам провокаторов.

Началась атака на плакат "ГУЛАГу - нет". Человек, назвавший себя прокурором и утверждавший, что он здесь случайно - хотя многие видели, как он руководил милицией - заявил, что этот плакат - провокация и что у нас в стране нет политзаключенных. Вылез какой-то тип, назвавший себя политическим заключенным, все хотел выступить, ошельмовать лозунг против ГУЛАГа. Выяснилось, что он сидел за изнасилование.

Митинг все же продолжался. Было зачитано и одобрено обращение в Политбюро против посылки на партконференцию сажевцев от народа. Люди стали ставить подписи под обращение. Гебисты выхватывали листы с подписями из рук демонстрантов. Так как дезорганизовать все же не удалось, власти просто выключили ток, заставив замолчать усиленную аппаратуру. Митинг оборвался, демократия и гласность кончились.

Активная часть демонстрантов направилась к зданию областного УВД выручать своего лидера - Ельчанинова. Там их убеждали, что местонахождение Ельчанинова им неизвестно. Но люди не отступали, громко требовали освобождения лидера клуба "отечество". И милиции пришлось Ельчанинова освободить.

Если это - демократия, то что такое произволов? Если это - народная власть, то что такое диктатура? И если это-истина, то что такое подделка?

Красноярск, 18 июня 1988 г.

Владимир Цуриков

Демонстрация в Риге

14 июня в Риге прошел митинг, посвященный памяти жертв сталинской депортации 1941 года. В митинге, разрешенном властями, приняло участие около сорока тысяч человек. В 18.30 площадь, прилегающая к Дому политпросвещения, и близлежащие улицы были заполнены народом. Дежурившая на соседней улице милиция не вмешивалась. Со стороны демонстрантов за порядок отвечали группы "зеленых" - их можно было узнать по значкам и зеленым лентам.

Над толпой были подняты плакаты с лозунгами: "Долой сталинский оккупационный режим 40-го года!", "Вечная память жертвам депортации!", "Прекратить миграцию в Латвию!", "СС = КГБ!", "Деятельности КГБ - общественный контроль!", "Судить исполнителей сталинских преступлений!", "Опубликовать пакт Молотов-Риббентроп!". У многих на груди - траурные черные ленты, краснобело-красные значки (цвета национального флага Латвии).

Открыл митинг историк Владис Пурис, член Клуба защиты среды, уваженный с работы за участие в прошлогодней демонстрации, во время которой он поднял национальный флаг. Он выступил с призывом создать в Латвии Фронт народного единства. От Совета общественных клубов к русскоязычному населению Латвии обратился Владимир Богданов: "Обвинение местными властями группы "Хельсинки-86" в национализме за призыв к возложению цветов в память террора - непростительная политическая спекуляция!". Эдгар Перклав, бывший зампредседателя Совета министров республики, снятый в 1959 году за попытку проведения реформ, сказал: "Руководство республики должно либо перестроиться, либо сдать свои полномочия!"

Представитель московской группы Международного общества защиты прав человека в Латвии Цалитис сказал: "Со старыми силами невозможно работать по-новому - в креслах сидят те же прокуроры, в силе те же старые законы. В марте этого года в Армении арестован Паруйр Айрикян. Пока законодательство

не будет соответствовать международным документам, касающимся прав человека, не будет гарантии, что сталинизм не повторится!"

Секретарь ЦК КП Латвии Анатолий Горбунов (фактический идеолог компартии республики) сказал, что "оздоровление общества идет очень трудно, поскольку сознание людей деформировано". Горбунов говорил очень осторожно, но "прогрессивно". В конце его речи раздались аплодисменты и крики: "Мы раньше от вас этого не слышали!".

В первые после 1940 года был поднят большой национальный флаг Латвии - его поднял Константин Пупурс из группы "Хельсинки-86". Может быть, именно из-за этого секретарь ЦК Латвии Горбунов отказался от участия в церемонии и покинул площадь.

Демонстрация закончилась у памятника Матери-Латвии на кладбище около 23.00.

В 23.15 по латвийскому телевидению транслировались фрагменты митинга. Газета "Советская молодежь" (орган латвийского комсомола) от 15 июня, оценив митинг в целом положительно, выразила сожаление по поводу "provокационных действий группы "Хельсинки-86", поднявшей флаг буржуазной Латвии".

Рига, июнь 1988 г.
Михаил Бомбин

Забастовка в Архангельске

Утро 13 июля в Архангельске началось несколько необычно для постоянных пассажиров троллейбусных маршрутов: водители троллейбусов забастовали. Событие произвело тем более сильный эффект, что утаить "не типичный для социалистической действительности" факт было невозможно. В дополнение ко всему, ранним утром больше десятка троллейбусов подъехали на площадь перед зданием обкома КПСС и в течение часа демонстрировали своей застывшей колонной решимость в осуществлении намеченной акции.

Первым результатом забастовки, не считая опоздавших на работу жителей,

был вызов реанимобиля к пресловутому обкому. Вероятно, кто-то не выдержал столь ужасного известия. Вторым был массовый заезд в троллейбусный парк партийных и исполнковских функционеров - не столько с целью выяснения требований, сколько с желанием как можно скорее "прекратить безобразие".

Чего же все-таки добивались водители? Поводом к забастовке послужило резкое снижение заработка при переходе на новые тарифные ставки и оклады. Поэтому первым требованием было выдвинуто повышение заработной платы. Но этим не ограничились, слишком уж наболело. Всякое терпение имеет предел. Администрации и представителям власти был предъявлен пакет претензий, включающий в себя главным образом требования обеспечить жильем, улучшить условия труда и быта (что и говорят, нет даже туалетов на конечных остановках). То есть хотели водители элементарного человеческого отношения к себе, какими-либо политическими требованиями тут и не пахло. Более того, сама забастовка была неподготовленной, стихийной, инициативная группа создалась в процессе разговора с администрацией и многочисленных выступлений "сверху".

Но, преступив Рубикон, рабочие держались с удивительным самообладанием и единодушием. Надо было видеть их отношение к уверещаниям и уговорам всполошившихся чиновников. Их просто не желали слушать. Водители демонстративно вели беседы между собой, курили, абсолютно игнорируя присутствие "важных гостей". Оставив попытки уговорить всех сразу, представители власти переключились на инициативную группу, пообещав, что все их требования будут рассмотрены в кратчайший срок и выполнены. (Касательно пресловутых туалетов председатель горисполкома Д. Пушкин суворо распорядился по телефону: "Немедленно установить", видимо "запамятав", что даже для этого нужны решения многочисленных инстанций.) Только после этого, поверив честному слову "народной власти", водители вышли на линию.

Увы, цена обещаний определилась уже вечером того же дня. В передаче новостей

архангельского ТВ в сообщении о забастовке (крамольному слову был придуман эвфемизм "невыход на линию" вместо "забастовка", - благозвучнее) было отмечено, что требования рабочих признаны в целом необоснованными.

Чуть позже бюро обкома КПСС рассмотрело вопрос "О серьезных недостатках в работе партийной организации и администрации ТТУ по партийно-политическому воспитанию трудающихся, социально-экономическому развитию предприятия" (достаточно характерна сама постановка вопроса).

Но власти немножко ошиблись временем, не учли вероятность того, что через приоткрытую сегодня дверцу "в демократию" мы успели вдохнуть глоток воздуха свободы и поэтому не так уже просто "цыкнуть" на нас.

Пример тому - совершенно противоположная верхам реакция города на события 13 июля. За редким исключением, большинство одобрило действия водителей и лишь сетовало на то, что они дали себя уговорить.

И как пример истинного отношения архангельцев следует привести текст листовок, которые появились в двадцатых числах июня на некоторых остановках:

"Молодцы водители троллейбусов!
Только дружными действиями можно добиться своего. Полноты солидарен с вами. Думаю, что и коллеги троллейбусного парка в честь солидарности по поддержке ваших справедливых требований должны поддержать вас. Неправы те, кто разбирался с этим вопросом, горком, обком профсоюзов. В нашей стране всякий труд оплачивается. Принцип социализма - от каждого по способностям, каждому по труду. Об этом забыли руководители партии. Если вы выполняете работу киоскера, то вправе требовать надбавки, а не то отказаться всем разом. Партия начиналась с союза, с маевок, она является лишь руководящей и направляющей силой. А сила рабочих - это профсоюз, и чем дружнее он, особенно снизу, тем крепче его мощь, и можно добиться всего.

Члены КПСС сейчас не имеют такого авторитета, как раньше большевики. Они

потеряли его с момента переименования партии. Водитель автобуса."

Не очень грамотно написано, но это глас народа, и его уж никак не списать на "происки ЦРУ".

Может быть, не стоило бы уделять внимание столь незначительному факту в масштабах страны как скромная забастовка в Архангельске. Но каждому - свое. Для Архангельской области, одного из крупнейших островов ГУЛага, нагло замордованного водкой и "стражами порядка", где даже мысли о демократии некуда приткнуться, это беспрецедентный факт, в том числе и по значимости для будущей борьбы за свободы.

Тем более, что конфликт так и не разрешен...

Н.

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА "ПОСЕВ"

Главный редактор Е. Р. Миркович

Заместитель главного редактора В. М. Рыбаков

Редакционная коллегия:

А. Н. Артемов, В. Г. Ламздорф, М. В. Назаров, Ф. Е. Незванский, А. В. Окулов, С. С. Пушкиров, Р. Н. Редих, Н. Н. Рутыч, В. А. Седлеров, А. П. Столыпин, Я. А. Трушнович, прот. Кирилл Фотинов, А. М. Ютов.

Адрес редакции: Possev-Redaktion
Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt a.M.-80
Телефон: (069) 34 18 19

Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора, необязательно выражают мнение редакции. При перепечатке материалов "Посев" в свободных странах, в оригинале или в переводе, необходимы разрешение издательства и ссылка на источник. Перепечатка в российском СМИ запрещена и в независимых изданиях всех социалистических стран - приветствуется.

НАИБОЛЕЕ ИЗВЕСТНЫЕ КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА „ПОСЕВ”

АВТОРХАНОВ А. *Загадка смерти Сталина* (Заговор Берия). Анализ документов и событий, связанных с смертью Сталина. *Происхождение партоократии* (два тома). Историческое исследование, показывающее, что сталинизма — лишь логичное завершение ленинизма. *Технология власти*. Классический труд по истории сталинизма. *Мемуары*.

БОРОДИН Л. *Повести Год чуда и печали, Третья правда*, роман *Расставание*.

БУЛГАКОВ М. *Мастер и Маргарита*. Места, выпущенные цензурой в первом советском издании, напечатаны курсивом.

БУНИНЫ И. А. и В. Н. *Устами Буниных*. Дневники, под ред. М. Грин, в 3 томах.

ВЕХИ. Сборник статей о русской интеллигенции. Воспроизведение издания 1909 года. Статьи Н. Бердяева, С. Булгакова, С. Франка и др.

ВОЙНА В АФГАНИСТАНЕ. Постоянно переиздающийся и пополняемый сборник статей. Анализ боевых действий, причин войны и факторов, влияющих на ее дальнейший ход.

ВРАНГЕЛЬ П., генерал. *Воспоминания*.

ВЫШЕСЛАВЦЕВ Б. *Философская нищета марксизма*. Классический труд по критике марксизма, автор которого, известный русский философ, был выслан из СССР в 20-е годы.

ГАЛИЧ А. *Когда я вернусь*. Полное собрание стихов и песен трагически погибшего барда, члена НТС.

ГИБЕЛЬ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (август 1918 — февраль 1920). Сост. Николай Росс.

ГРОССМАН В. *Все течет...* Первое развенчание культа Ленина.

ЗЕНЬКОВСКИЙ В., протоиерей. *Основы христианской философии* (в 2-х томах).

КОМАРОВ Б. *Уничтожение природы*. Обострение экологического кризиса в СССР.

КОРМЕР В. *Наследство*. Роман.

ЛЕВИЦКИЙ С. *Основы органического мировоззрения*. Автор книги — известный русский философ-солидарист. *Трагедия свободы*. В предисловии Н. О. Лосского к этой книге отмечена ее преемственность по отношению к философской линии В. Соловьева. *Очерки по истории русской философской и общественной мысли*.

ЛОССКИЙ Н. *Характер русского народа*. Один из известнейших русских философов XX в. анализирует положительные и отрица-

тельные черты характера своего народа. *Общедоступное введение в философию*.

МАКСИМОВ В. Собрание сочинений: 1. *Сага о Савве*. 2. *Семь дней творения*. 3. *Карантин*. 4. *Прощание из ниоткуда*. 5. *Жив человек*. Пьесы. 6. *Ковчег для незваных*.

МОНДИЧ М. *СМЕРШ*. Воспоминания.

НАДЕЖДА. Христианское чтение. Самиздатский православный сборник, 13 выпусков.

НЕЗНАНСКИЙ Ф. *Журналист для Брежнева, Ярмарка в Сокольниках, Операция „Фауст”*. Детективы, основанные на реальных фактах преступлений в номенклатурных верхах.

НЕКРАСОВ В. *Сталинград* (повесть „В окопах Сталинграда” и рассказы). Зарубежное переиздание с послесловием автора.

ОКУДЖАВА Б. *Проза и поэзия*. Повесть *Будь здоров, школяр*, рассказ „Промоксис”, стихотворения, песни.

ОРВЕЛЛ Дж. 1984. Русский перевод всемирно известного утопического романа, изображающего тоталитарную систему, доведенную до своего логического завершения. *Скотский хутор*. Сатирическая повесть о коммунистическом обществе.

ПУШКАРЕВ С. *Самоуправление и свобода в России*. О развитии форм народного самоуправления от древней Руси до их крушения в 1917 г. Роль Православной Церкви в истории России.

РАЗРУШЕННЫЕ И ОСКВЕРНЕННЫЕ ХРАМЫ. Составленный в Самиздате фотоальбом с послесловием „Пределы вандализма”.

РЕДЛИХ Р. *Сталинина как духовный феномен*. Советские мифы и фикции, психика советского человека, нравственный облик сталинизма. *Советское общество*. Социологический анализ советского общества. *Солидарность и свобода*. Изложение идеологии НТС.

РОССИЯ В ЭПОХУ РЕФОРМ. Сборник исторических статей. Составители: В. Желягин и Н. Рутыч.

А. САХАРОВ В БОРЬБЕ ЗА МИР. Статьи, выступления, письма А. Д. Сахарова.

СОЛЖЕНИЦЫН А. Собрание сочинений в 6-ти томах: 1. *Один день Ивана Денисовича* и рассказы. 2. *Раковый корпус*. 3 и 4. *В круге первом*. 5. Пьесы, рассказы, статьи. 6. „*Дело Солженицына*”, *Нобелевская премия*, *О творчестве Солженицына*.

„СОЛИДАРНОСТЬ”. 3-е изд. Анализ польских событий 1980—82 гг. с выводами, которые должно сделать для себя рабочее движение в России.

ГРАНИ

Ежеквартальный журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической мысли. Проза, поэзия, очерки современности, философия, публицистика, литературная критика и пр.

Журнал считает своим долгом способствовать развитию свободной мысли, свободного слова, свободного творчества; способствовать публикации произведений, которые не могут быть изданы на родине из-за цензурных ограничений. Из широко известных авторов в „Гранях“ были опубликованы произведения А. Авторханова, В. Аксенова, митрополита Анастасия (Грибановского), Н. Арсеньева, А. Ахматовой, Л. Бородина, М. Булгакова, И. Бунина, Г. Владимирова, В. Войновича, Б. Вышеславцева, Ю. Галанскова, А. Галича, З. Гиппиус, В. Гроссмана, Ю. Домбровского, Н. Заболоцкого, Б. Зайцева, Е. Замятина, Л. Копелева, Н. Коржавина, В. Корнилова, З. Крахмальниковой, А. Куприна, С. Левицкого, Н. Лосского, В. Максимова, О. Мандельштама, В. Набокова, В. Некрасова, Б. Окуджавы, Б. Пастернака, К. Паустовского, А. Платонова, Г. Подъяпольского, И. Ратушинской, Р. Редлиха, А. Ремизова, Ф. Светова, А. Солженицына, Вл. Соловухина, М. Цветаевой, И. Шмелева, В. Шульгина и др.

ОБРАЩЕНИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ПОСЕВ» К РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Издательство «Посев» предоставляет вам возможность публиковать те произведения, которые не могут быть изданы на родине из-за политической цензуры. Если автор хочет опубликовать свою рукопись под псевдонимом, издательство примет меры к тому, чтобы исключить возможность установления личности автора.

Произведения, вышедшие в Самиздате, перестают быть исключительным достоянием автора — они становятся достоянием российской литературы. Поэтому издательство «Посев» считает своим долгом способствовать публикации таких рукописей.

Авторские гонорары выплачиваются по первому требованию автора. Пересыпать рукописи можно как через своих друзей, ведущих в некоммунистические страны, так и через иностранцев, посещающих СССР. За границей надо сдать пакет на почту, а если это невозможно — опустить в почтовый ящик без марок. На пакете надо указать следующий адрес:

Possev-Verlag Flurscheideweg 15 D-6230 Frankfurt/M. 80

Дорогие друзья! Наши возможности переправки в Россию литературы из зарубежья пока невелики. Коммунистический режим содержит на границах огромный аппарат цензуры и таможни, на преодоление которого требуетсѧ много усилий. Каждый экземпляр журнала, проникший в страну через эти заслоны — это труд и риск многих людей. Поэтому — берегите литературу. После прочтения передавайте другим. Пока такая литература не может свободно издаваться в нашей стране, — она не может быть личной собственностью. Фотографируйте журнал, размножайте его доступными способами и рассылайте по почте. Это будет вашим вкладом в наше общее дело.